

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИМ. Г.П. ЛУЗИНА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
«КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ:
ОЦЕНКА И ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук
Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр Российской академии наук»
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина — обособленное
подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук»

**СОЦИАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕГИОНОВ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ:
ОЦЕНКА И ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ**

Апатиты
2018

DOI: 10.25702/KSC.978-5-91137-384-9

УДК 332.1:316.4(470.1/.2) + (985)

ББК 60.5(2P1)

С69

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор В. Б. Акулов,
доктор экономических наук С. В. Федосеев

Авторский коллектив:

Е. П. Башмакова (разделы 3.1, 3.2, 3.5, 5.2), И. А. Гущина (глава 4, раздел 5.3),
Д. Л. Кондратович (разделы 4.2–4.4, 5.3), Е. А. Корчак (разделы 1.2, 2.1, 5.1),
Л. А. Рябова (введение, разделы 1.1, 1.2, 1.5, глава 2, раздел 5.1, заключение),
Н. А. Новикова (2.1, 5.1), О. А. Положенцева (разделы 4.2–4.4, 5.3),
Е. Н. Степанова (разделы 3.3, 3.4), В. П. Тоичкина (разделы 1.4, 2.1, 5.1),
Е. Е. Торопушина (разделы 1.2, 1.3, глава 2, раздел 5.1)

Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения / коллектив авторов; под науч. редакцией Л. А. Рябовой. — Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. — 169 с.: ил.
ISBN 978-5-91137-384-9

В монографии представлены результаты исследования социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики. Предложена методика и проведена оценка социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ за 2013–2016 гг. Составлены рейтинги регионов и выполнено картирование российского Севера и Арктики по данному критерию. Обоснованы приоритеты достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики России на среднесрочную перспективу.

Исследованы проблемы реализации социальной ответственности добывающих компаний, ведущих деятельность на Севере и в Арктике РФ, как фактора устойчивого социального развития территорий присутствия. Представлены итоги изучения социальной устойчивости территориального социума Севера и Арктики РФ методами социологии.

Разработаны рекомендации для органов государственной власти по формированию и реализации политики устойчивого социального развития регионов российского Севера и Арктики.

Работа адресована научным работникам, государственным и муниципальным служащим, преподавателям и студентам, а также всем читателям, интересующимся проблемами развития Севера и Арктики России.

УДК 316.323(985)

ББК 65

Научное издание

Технический редактор: В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 28.12.2018. Формат бумаги 70×108 1/16.

Усл. печ. л. 14.8. Заказ № 46. Тираж 500 экз.

Издательство ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН

184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

www.naukaprint.ru

ISBN 978-5-91137-384-9

© Коллектив авторов, 2018

© Институт экономических проблем
им. Г. П. Лузина, 2018

© ФИЦ «Кольский научный центр
Российской академии наук», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	9
Глава 1. Методологические основы анализа социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики	12
1.1. Социальная устойчивость и значение ее оценки для формирования государственной политики на Севере и в Арктической зоне России	12
1.2. Методический подход к измерению социальной устойчивости регионов на основе интегральных индексов...	18
1.3. Методика учета территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования при оценке социальной устойчивости регионов	27
1.4. Методика оценки демографической устойчивости с учетом миграционной составляющей.....	32
1.5. Обоснование приоритетов государственной политики в отношении российского Севера и Арктики по критерию социальной устойчивости: подход и алгоритм.....	35
Глава 2. Динамика социальной устойчивости регионов Севера и Арктики России и приоритеты ее достижения	38
2.1. Динамика уровня и степени социальной устойчивости северных и арктических регионов РФ в 2013–2016 гг.	38
2.2. Анализ социальной устойчивости по регионам и отдельным составляющим	48
2.3. Приоритеты достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ на среднесрочную перспективу.....	59
Глава 3. Корпоративная социальная ответственность как фактор устойчивого развития северных и арктических территорий РФ...	67
3.1. Теоретические основы становления и развития КСО в России	67
3.2. Практическая реализация и значение КСО для устойчивого социального развития территорий Севера и Арктики РФ.....	69
3.3. Взаимодействие сырьевых корпораций и коренных малочисленных народов Севера	82
3.4. Государственно-частное партнерство как фактор устойчивого развития российского Севера и Арктики	86
3.5. Перспективы развития КСО в России, на Севере и в Арктике РФ	91
Глава 4. Социологические исследования аспектов социальной устойчивости территориального социума российского Севера и Арктики	105
4.1. Теоретические обоснования исследования социальной устойчивости методами социологии.....	105
4.2. Тенденции восприятия населением формирования и развития Арктической зоны РФ как единого макрорегиона.....	112
4.3. Социологический анализ социальной устойчивости арктического региона (модельный пример Мурманской области)	121

4.4. Социологические оценки террористических угроз в Мурманской области.....	134
Глава 5. Рекомендации по формированию и реализации политики устойчивого социального развития регионов Севера и Арктики РФ...	142
5.1. Необходимые меры государственной политики по приоритетным направлениям достижения социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики	142
5.2. Предложения по развитию корпоративной социальной ответственности как фактора социальной устойчивости северных и арктических территорий РФ.....	150
5.3. Рекомендации по использованию социологической информации в управлении социальными процессами на российском Севере и в Арктике.....	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	160

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Russian Academy of Sciences
Federal Research Centre
“Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”
Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre
“Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”

**SOCIAL SUSTAINABILITY OF REGIONS
IN THE RUSSIAN NORTH AND THE ARCTIC:
ASSESSMENT AND WAYS TO ACHIEVE**

Apatity
2018

DOI: 10.25702/KSC.978-5-91137-384-9
UDC 332.1:316.4(470.1/.2) + (985)
BBC 60.5(2P1)

Reviewers:

V. B. Akulov, Dr. Sc. (Econ.), Prof.;
S. V. Fedoseev, Dr. Sc. (Econ.)

Group of authors:

E. P. Bashmakova (sections 3.1, 3.2, 3.5, 5.2), I. A. Guschina (chapter 4, section 5.3),
D. L. Kondratovich (sections 4.2–4.4, 5.3), E. A. Korchak (sections 1.2, 2.1, 5.1),
L. A. Riabova (introduction, sections 1.1, 1.2, 1.5, chapter 2, section 5.1, conclusion),
N. A. Novikova (sections 2.1, 5.1), O. A. Polozhentseva (sections 4.2–4.4, 5.3),
E. N. Stepanova (sections 3.3, 3.4), V. P. Toichkina (sections 1.4, 2.1, 5.1),
E. E. Toropushina (sections 1.2, 1.3, chapter 2, section 5.1)

Social sustainability of regions in the Russian North and the Arctic: assessment and ways to achieve / group of authors; edited by L. A. Riabova. — Apatity: FRC KSC RAS, 2018. — 169 p.

ISBN 978-5-91137-384-9

The monograph presents some results of the study of social sustainability of the regions of the Russian North and the Arctic. The analysis methods were proposed and the assessment of social sustainability of the regions of the North and the Arctic of the RF for 2013–2016 has been carried out. The ratings of the regions have been composed and mapping of the Russian North and the Arctic has been performed by social sustainability criterion. The priorities of achieving social sustainability of the regions of the North and the Arctic of Russia for medium term were substantiated.

The authors investigated the main problems of implementation of social responsibility of the resource extraction companies operating in the Russian North and the Arctic as a factor of sustainable social development of the host territories. The book also presents findings from the study of social sustainability of the territorial society of the North and the Arctic of the RF by sociological methods.

The monograph concludes with the set of recommendations for the state authorities on forming and implementing the policy of sustainable social development of the Northern and Arctic regions of Russia.

The monograph is intended for academic researchers, state and municipal officials, lecturers and students as well as for all readers interested in the issues of development of the Russian North and the Arctic.

UDC 332.1:316.4(470.1/.2) + (985)
BBC 60.5 (2P1)

ISBN 978-5-91137-384-9

© Group of authors, 2018
© Luzin Institute for Economic Studies, 2018
© Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, 2018

CONTENTS

	Page
INTRODUCTION.....	9
Chapter 1. Methodological foundations of social sustainability analysis for regions of the Russian North and Arctic.....	12
1.1. Social sustainability and importance of its assessment for the formation of state policy in the North and in the Arctic zone of Russia.....	12
1.2. A methodical approach for integral indices based assessment of regions' social sustainability.....	18
1.3. A method to consider territorial and transport accessibility of health care and education services in assessment of regions' social sustainability.....	27
1.4. A method to estimate demographic sustainability taking into account migration component.....	32
1.5. Justification of state policy priorities in respect to the Russian North and Arctic according to the criterion of social sustainability: approach and algorithm.....	35
Chapter 2. Dynamics of social sustainability of the regions of Russia's North and Arctic and priorities to achieve it.....	38
2.1. Dynamics of the level and degree of social sustainability of the Northern and Arctic regions of the Russian Federation in 2013–2016.....	38
2.2. Analysis of social sustainability by regions and separate components.....	48
2.3. Priorities for achieving social sustainability of the regions of the North and Arctic of the RF within short-term perspective.....	59
Chapter 3. Corporate social responsibility as a factor of sustainable development of the Northern and Arctic territories of the Russian Federation.....	67
3.1. Theoretical foundations of establishing and development of CSR in Russia.....	67
3.2. Practical implementation and significance of CSR for sustainable social development of territories of the North and Arctic of the RF.....	69
3.3. Interactions between resource extraction corporations and indigenous minority peoples of the North.....	82
3.4. Public-private partnership as a factor of sustainable development of the Russian North and Arctic.....	86
3.5. Prospects to develop CSR in Russia, and in Russia's North and Arctic.....	91
Chapter 4. Sociological studies of social sustainability aspects of the territorial society of the Russian North and Arctic.....	105
4.1. Theoretical basics of social sustainability study using sociology methods.....	105

4.2. Trends in public perceptions of formation and development of the Arctic zone of the Russian Federation as a uniform macro-region.....	112
4.3. Sociological analysis of social sustainability of an Arctic region (exemplified with the Murmansk region).....	121
4.4. Sociological assessment of terroristic threats in the Murmansk region.....	134
Chapter 5. Recommendations on the formation and implementation of the policy of sustainable social development for regions of the North and Arctic of the RF	142
5.1. The necessary measures of state policy in priority areas to achieve social sustainability of the regions of the Russian North and Arctic.....	142
5.2. Proposals to develop corporate social responsibility as a factor of social sustainability of Russia's Northern and Arctic territories.....	150
5.3. Recommendations on usage of sociological information in the management of social processes in the Russian North and Arctic.....	152
CONCLUSIONS.....	155
REFERENCES.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое развитие в последние тридцать лет стало широко признанным идеалом общественного прогресса. В XX веке из-за обострения экологических и социальных проблем во всем мире усилилось внимание к поискам альтернативных путей развития. Концепция устойчивого развития (sustainable development concept), возникшая в 1980-х гг., стала надеждой человечества на более справедливую и безопасную жизнь для нынешних и будущих поколений.

Концепция получила известность в 1987 г. после доклада председателя Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее», и была официально одобрена главами государств и правительств в 1992 г. на Международной конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. В последующие десятилетия ее осуществление стало одним из главных направлений сотрудничества между многими странами, работы национальных правительств, регионов и местных сообществ.

«Саммит тысячелетия», прошедший в 2000 г. в Нью-Йорке, Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г., Конференция ООН «Рио+20», состоявшаяся в 2012 г., подтвердили приверженность многих стран этой идее. На Саммите ООН по устойчивому развитию в Нью-Йорке в 2015 г. были приняты Цели устойчивого развития на период до 2030 г. Основными из них стали ликвидация нищеты и голода; хорошее здоровье и благополучие; качественное образование и гендерное равенство; чистая вода и санитария; недорогостоящая и чистая энергия; достойная работа и экономический рост; индустриализация, инновации и инфраструктура; уменьшение неравенства; устойчивые города и населенные пункты; борьба с изменением климата¹.

Концепция устойчивого развития отрицает утилитарное отношение к человеку и природе и реализует принципы социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности. Она создает образ желаемого будущего и предлагает полифакторный, основанный на сочетании материальных и духовных движущих сил, путь развития. Это концепция цели и, одновременно, призыв к действию.

Концепция пока слабо операционализована. Связь теории с методическим инструментарием через разработку системы показателей, которая бы позволила изучать состояние социумов с точки зрения устойчивого развития и применять полученные знания для достижения желаемых целей, лишь начинает устанавливаться. Иными словами, путь от идеи до набора критериев, которые были бы достаточно точны, чтобы можно было судить о состоянии общества с точки зрения его устойчивого развития, знать о приближении кризисов и на этой основе управлять общественным прогрессом, еще не пройден.

Десятилетие назад началась разработка концепции устойчивости (sustainability concept), тесно связанной с концепцией устойчивого развития. Устойчивость измеряет уровень качества системы «человек – окружающая среда», чтобы оценить ее удаленность от устойчивого состояния. Устойчивое

---

¹Цели в области устойчивого развития. ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 11.10.2018).

развитие работает со стратегиями, чтобы приблизить уровень устойчивости к устойчивому состоянию системы. Именно в области изучения экологической, социальной и экономической устойчивостей сегодня происходят главные события на пути к операционализации концепции устойчивого развития.

Особенно велик пробел в области исследования социальной составляющей устойчивого развития и социальной устойчивости (social sustainability). Долгое время она находилась в тени повышенного внимания к экологической устойчивости. В последние годы, с пониманием того, что определяющим фактором прогресса стран, регионов и местных сообществ является развитие человека, интерес к социальной составляющей устойчивого развития и к социальной устойчивости растет. Все чаще главная роль в триаде «устойчивостей» отводится социальной устойчивости — состоянию социумов, при котором обеспечиваются высокие качество и уровень жизни, социальная справедливость и вовлеченность граждан в управление, кратко — качеству общества.

Социальная устойчивость регионов и местных сообществ — одна из горячо обсуждаемых тем в международном северном и арктическом дискурсах. В «Белой книге для Международной конференции по планированию исследований в Арктике ICARP III», вышедшей в 2015 г., отмечается, что исследования различных аспектов устойчивости на Севере и в Арктике вносят заметный региональный вклад в глобальную систему знаний об устойчивом развитии и являются важнейшей частью возникающей мировой науки об устойчивости (sustainability science)².

Предлагаемая вниманию читателей монография отражает результаты исследования проблемы оценки социальной устойчивости и определения путей ее достижения применительно к регионам Севера и Арктики Российской Федерации.

Эти территории производят около 20 процентов валового национального продукта, дают около 80 процентов валютных поступлений в федеральный бюджет, являются зоной стратегических интересов России. При этом они испытывают множество проблем в социальной сфере, что ведет к высоким уровням миграционного оттока, суженному воспроизводству рабочей силы, одностороннему развитию экономик, снижению заселенности стратегически важных территорий^{3, 4}. Достижение социальной устойчивости северных и арктических регионов РФ — необходимое условие их хозяйственного освоения, обеспечения заселенности и сохранения знаний о том, как жить и работать на Севере и в Арктике. Это залог долгосрочного безкризисного развития этих

---

²Arctic Sustainability Research: Agenda 2025. A White Paper for the International Conference for Arctic Research Planning ICARP III. URL: http://icarp.iasc.info/images/articles/Themes/WP_Summary_Sustainability_science_ICARP3_draft1.pdf (дата обращения: 11.07.2018).

³Селин В. С. Современные экономические тенденции северных и арктических регионов России // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 65–68.

⁴Васильев В. В., Селин В. С. Анализ особенностей производства и жизнедеятельности человека на Севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 1(52). С. 17–25.

территорий, поддержания национальной безопасности и обеспечения национальных интересов России.

Исследование, результаты которого представлены в книге, выполнено в Институте экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН коллективом отдела социальной политики на Севере. Тема оценки и определения путей достижения социальной устойчивости регионов — одна из мало изученных, и потому была чрезвычайно привлекательной для нас с точки зрения фундаментальной научной тематики.

Нами была разработана и апробирована методика оценки социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ, в основе которой лежит расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости. Те аспекты, которые из-за отсутствия сопоставимых данных по регионам и сложностей формализации исходной информации не могли быть оценены по предложенной методике, мы исследовали на основе методов обобщения данных литературных источников, кейс-стади, социологических методов.

Выполняя это исследование, мы были нацелены не только (и даже не столько) на развитие научных основ науки об устойчивости территориальных социумов, но и на то, чтобы найти подходы и методы, полезные для нашей российской практики. По результатам работы разработан комплекс научно-практических рекомендаций для органов государственной власти по формированию и реализации политики, направленной на повышение уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ.

Главное, что позволяет достичь предлагаемый нами подход, — это возможность обоснованно определять приоритеты управляющего воздействия, учитывать особенности российского Севера и Арктики, выявлять те направления, что обеспечивают высокий уровень социальной устойчивости этих уникальных территориальных социумов.

Надеемся, что предложенные подходы и полученные оценки будут полезны как в плане развития науки об устойчивости территориальных социально-экономических систем, так и для информированного принятия практических решений в сфере социальной политики на российском Севере и в Арктике.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

1.1. Социальная устойчивость и значение ее оценки для формирования государственной политики на Севере и в Арктической зоне России

В основе нашего исследования лежит концепция социальной устойчивости. Около десятилетия назад она возникла как одно из понятий в рамках концепции устойчивого развития, затем выделилась в самостоятельную концепцию и в отдельное направление исследований и сегодня находится в фазе активной разработки.

Концепция устойчивого развития – одна из самых влиятельных концепций общественного прогресса последних десятилетий. После того, как в докладе Г. Х. Брундтланд «Наше общее будущее»⁵ в 1987 г. было озвучено наиболее известное определение устойчивого развития как такого, при котором удовлетворение потребностей нынешнего поколения не ставит под угрозу способность будущих поколений делать то же самое, за 30 лет академических и политических дискуссий появились сотни альтернативных видений и определений этой концепции⁶.

К сегодняшнему дню, с одной стороны, сложилось общее понимание устойчивого развития как длительного, демократического, управляемого процесса изменения общества на всех уровнях от местного до глобального, целью которого является улучшение качества жизни настоящего и будущих поколений. С другой стороны, осознан контекстно-зависимый характер понимания содержания устойчивого развития, способов его оценки и выбора путей реализации. Другими словами, признана необходимость «привязки» в этом вопросе к конкретным условиям и учета как глобальных процессов, так и страновой, региональной и местной специфики.

До сих пор в научной литературе активно обсуждается вопрос связи и разницы между устойчивым развитием (sustainable development) и устойчивостью (sustainability). Одни авторы считают, что устойчивое развитие — это цель, которая должна быть достигнута, а устойчивость — средство ее достижения. Другие полагают, что устойчивость относится к состоянию бытия или образа жизни, которое может сохраняться на протяжении длительного периода, и считают, что устойчивое развитие — это путь к достижению состояния устойчивости, которая и есть конечная долгосрочная цель^{7, 8}.

---

⁵Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс. 1989. 376 с.

⁶Lempinen H. Sustainability and the Social: Platforms for tracing the elusive social in energy-related debates. In Northern Research Forum 7th Open Assembly Conference Proceedings. Northern Research Forum. URL: <http://www.rha.is/static/files/NRF/Publications/hannalempinen.pdf> (дата обращения 13.06.2018).

⁷Missimer M., Robèrt K., Broman G. and Sverdrup H. Exploring the possibility of a systematic and generic approach to social sustainability // Journal of Cleaner Production 2010. No. 18. P. 1107–1112.

⁸Feil A. A., Schreiber D. Sustainability and sustainable development: unraveling overlays and scope of their meanings. CADERNOS EBAPE.BR. URL: http://www.scielo.br/pdf/cebape/v15n3/en_1679-3951-cebape-15-03-00667.pdf (дата обращения: 11.06.2018).

Нам ближе второй подход. В соответствии с ним, устойчивость измеряет уровень качества системы «человек – окружающая среда» для того, чтобы оценить ее удаленность от устойчивого состояния. Устойчивое развитие работает со стратегиями, чтобы приблизить уровень устойчивости ближе к устойчивому состоянию этой системы. Атрибуты этих терминов имеют различные значения и относятся к конкретной практике, но сходятся к одной цели⁹.

В получившем широкую известность докладе Комиссии по измерению экономических показателей и социального прогресса, опубликованном в 2009 г., Стиглиц, Сен и Фитусси особо подчеркнули, что человечество нуждается в оценке того, где мы находимся относительно удовлетворительного уровня устойчивости¹⁰. С тех пор интерес к этим исследованиям во всем мире существенно возрос и продолжает расти.

Концепция устойчивого развития реализует принципы социальной справедливости, экономической эффективности и экологической безопасности и основана на триединстве социальной, экономической и экологической устойчивости. В последнее десятилетие, с осознанием ключевой роли человеческого потенциала в развитии стран, регионов и местных сообществ, на первый план вышла социальная составляющая устойчивого развития^{11, 12}, а ключевая роль в триаде «устойчивостей» все чаще отводится социальной устойчивости (social sustainability).

Подробный анализ развития концепции социальной устойчивости можно найти в работах А. Колантонио (Университет Оксфорд Брукс, Великобритания). В них показано, что социальная устойчивость стала привлекать внимание исследователей в конце 1990-х гг., при этом получая также политическое и институциональное подтверждение как часть практической повестки дня местных сообществ, стремящихся к устойчивому развитию, и дискурса об устойчивом развитии городов¹³.

---

⁹Там же.

¹⁰Stiglitz J. E.; Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Comission+report> (дата обращения: 12.09.2018).

¹¹Drexhage J. and Murphy D., 2010. Sustainable Development: From Brundtland to Rio 2012. International Institute for Sustainable Development (IISD). September 2010, United Nations Headquarters, New York. URL: http://www.surdurulebilirkalkinma.gov.tr/wpcontent/uploads/2016/06/Background_on_Sustainable_Development.pdf (дата обращения: 14.10.2018).

¹²Feil A. A., Schreiber D. Sustainability and sustainable development: unraveling overlays and scope of their meanings. CADERNOS EBAPE.BR. URL: http://www.scielo.br/pdf/cebape/v15n3/en_1679-3951-cebape-15-03-00667.pdf (дата обращения: 11.06.2018).

¹³Colantonio A. Social sustainability: a review and critique of traditional versus emerging themes and assessment methods. Oxford Brookes University. UK. 2009. In: Horner M., Price A., Bebbington J. and Emmanuel R., (eds.) SUE-Mot Conference 2009: Second International Conference on Whole Life Urban Sustainability and its Assessment: conference proceedings. Loughborough University, Loughborough, pp. 865–885. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/35867/> (дата обращения: 11.06.2018).

Обобщая имеющиеся подходы, социальную устойчивость можно трактовать как такое состояние социумов различного уровня, при котором обеспечиваются высокие качество и уровень жизни, высокий уровень здоровья, социальная справедливость, вовлеченность и ответственность граждан, а будущие поколения имеют такой же или более широкий доступ к социальным и другим ресурсам как нынешнее поколение, что, в конечном счете, обеспечивает существование социума в неопределенно долгой перспективе¹⁴. Кратко, социальная устойчивость характеризует качество общества.

Важным трендом в эволюции концепции стало дополнение (или даже замещение) «жесткого» понимания социальной устойчивости, базирующегося на оценках таких ее аспектов как занятость, бедность, уровень жизни и т.п., более «мягкими» и гораздо менее поддающимися измерению составляющими. Например, такими как счастье, чувство места (местная идентичность), социальное смешивание различных социальных групп (преимущества, являющиеся результатом взаимодействия людей в сетях сотрудничества)¹⁵.

В теории рассматриваются два основных аспекта социальной устойчивости: процедурный и контекстуальный. Понятие процедурной социальной устойчивости относится к таким процессам и понятиям как политическое участие (например, в местных выборах процессах), участие населения в местном управлении (например, участие в публичных общественных слушаниях), равноправие, справедливость, доступ к информации и ресурсам, чувство общинного владения (sense of community ownership).

Контекстуальная социальная устойчивость связывается с такими явлениями и понятиями как социальная сплоченность, создание социального капитала, сохранение социально-культурных характеристик или местных культур, качество жизни в настоящее время и в перспективе¹⁶.

Высокая специфичность социально-эколого-экономических процессов как на планетарном Севере в целом, так и в Арктике как его особой части с собственными ярко выраженными чертами, ставит задачу изучения специфики понимания, оценки и реализации устойчивого развития и устойчивости на этих территориях.

Север и Арктика — уникальные и разнообразные территории, где «переплетение экологических, социальных, экономических и культурных процессов создает сложную палитру интересов, дискурсов, понимания и интерпретаций смыслов, целей и реализации таких широких концепций как

---

¹⁴Рябова Л. А. Концепция устойчивого развития и формирование социальной политики в местных сообществах Севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 27. С. 155–163.

¹⁵Colantonio A. Social sustainability: a review and critique of traditional versus emerging themes and assessment methods. Oxford Brookes University. UK. 2009. In: Horner M., Price A., Bebbington J. and Emmanuel R., (eds.) SUE-Mot Conference 2009: Second International Conference on Whole Life Urban Sustainability and its Assessment: conference proceedings. Loughborough University, Loughborough, pp. 865–885. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/35867/> (дата обращения: 11.06.2018).

¹⁶Suopajarvi L., Poelzer G.A., Eidemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia // Resources Policy – 2016. Vol. 47. Pp. 61–68.

устойчивость и устойчивое развитие»¹⁷. В международном научном сообществе сегодня активно обсуждается необходимость изучения многоликого множества северных и арктических «устойчивостей» (Northern and Arctic sustainabilities), различных не только для разных стран и уровней от местного до глобального, но и для разных групп с их специфическими интересами — коренное и некоренное население, государственные и корпоративные акторы и др.¹⁸.

В книге ведущих зарубежных исследователей социальных процессов в современной Арктике «Исследования устойчивости в Арктике: прошлое, настоящее и будущее», вышедшей в 2017 г., указывается, что устойчивость Арктики — это вопрос растущей озабоченности как в Арктике, так и за ее пределами, и представлен обзор хода исследований в области устойчивости в мировой Арктике, определены пробелы в знаниях и даны рекомендации по определению приоритетов в исследованиях на следующее десятилетие¹⁹. Одним из таких приоритетов являются исследования социальных аспектов устойчивого развития и социальной устойчивости.

Первой попыткой всестороннего международного обсуждения социальных аспектов устойчивого развития северных и арктических регионов планеты стал Arctic Human Development Report («Доклад о развитии человека в Арктике»), изданный в 2004 г. под эгидой Арктического Совета и переведенный на русский язык в 2007 г.²⁰

Цели доклада состояли в изучении условий и качества жизни людей, живущих в Арктике, и идентификации проблем по аналогии с выявляемыми Индексом развития человеческого потенциала ООН. Оценивалась ситуация в различных сферах — демография, культура, экономика, политические и правовые системы, управление ресурсами, местные сообщества, здоровье, благосостояние, образование, гендерные вопросы, международные отношения и геополитика. Были определены главные социальные проблемы и выделены три важнейших для жителей Арктики аспекта — сохранение культурной идентичности, жизнь в близости к природе и контроль собственной судьбы.

Продолжением работы стали доклады Arctic Social Indicators («Арктические социальные индикаторы») 2010 г. и 2014 г.²¹, где исследовался ряд

---

¹⁷Funding opportunities. NSF Arctic-FROST Annual Network Meeting and Early Career Scholars Workshop. URL: <http://uni.edu/arctic/frost/funding-opportunities/> (дата обращения: 13.06.2018).

¹⁸Northern Sustainabilities. Keynote Presentations and Other Highlights from the Eighth International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS VIII). Prince George, Canada. 2014. Ed. by G. Fondahl and G. N. Wilson. Topics in Arctic Social Sciences, Volume 8, 2014. URL: <http://iassa.org/images/publications/TASS-8-edit.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

¹⁹Petrov A. N., BurnSilver S., Chapin F. S., Fondahl, G., Graybill J., Keil K., Nilsson A. E., Riedlsperger R., Schweitzer P. Arctic sustainability research: past, present and future. Taylor and Francis. 2017.

²⁰Доклад о развитии человека в Арктике (ДорЧА). Головнёв. Екатеринбург; Салехард, 2007. 244 с. URL: http://ethnobs.ru/library/publications/_aview_b18301 (дата обращения: 13.06.2018).

²¹Arctic Social Indicators — a follow-up to the Arctic Human Development Report. Nordic Council of Ministers, Copenhagen, 2010. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/39> (дата обращения: 13.06.2018).

индикаторов и обсуждался их потенциал для измерения благополучия населения Арктики с целью предоставления информации для принятия решений. В Arctic Human Development Report-II на основе анализа статистических показателей и кейсов исследуются региональные и глобальные процессы в их взаимосвязи, арктические экономики, новые вызовы в области условий и качества жизни, адаптация, источники средств к существованию коренных жителей и другие темы²².

По мысли Орана Янга, ученого-североведа мирового уровня, приложенные «усилия по операционализации показателей ... продемонстрировали трудности в разработке количественных измерений важных социальных явлений. Но эти усилия также подтвердили необходимость дополнить Индекс человеческого развития (*специфическими для Арктики индикаторами*) для того, чтобы придать смысл идее человеческого благополучия в Арктике и отслеживать тенденции в этом отношении в пространстве и во времени»²³.

В этих и других работах (например, проект SLiCA — Survey of living conditions in the Arctic, 2007 г., по оценке субъективного восприятия условий и качества жизни коренным населением Арктики) количественные измерения социальных процессов велись в рамках концепций уровня и качества жизни, субъективного благосостояния, человеческого потенциала, но не в рамках концепции социальной устойчивости.

К нынешнему дню за рубежом выполнено заметное количество работ по анализу социальной устойчивости северных и арктических сообществ, основанных на качественных методах и отвечающих на вопросы «как?» и «почему?», фокусирующихся на местном уровне. Опубликованные количественные исследования, отвечающие на вопрос «сколько?» и охватывающие региональный уровень, нам не известны. С 2016 г. идут исследования в рамках международного проекта Arctic PIRE — Promoting Urban Sustainability in the Arctic (Содействие устойчивому развитию городов в Арктике), одна из целей которого — разработка Индекса устойчивости арктических городов²⁴.

В российской региональной науке исследований социальной устойчивости пока мало. Можно отметить работы Т. В. Усковой по региональной устойчивости²⁵, где содержатся полезные общие подходы, например, к формированию шкалы для качественной оценки устойчивости, и которые, модифицировав, мы применили в данной работе.

---

²²Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages-II. Nordic Council of Ministers, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A788965&dswid=-958> (дата обращения 17.06.2018).

²³Northern Sustainabilities. Keynote Presentations and Other Highlights from the Eighth International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS VIII). Prince George, Canada. 2014. Ed. by G. Fondahl and G. N. Wilson. Topics in Arctic Social Sciences, Volume 8, 2014. URL: <http://iassa.org/images/publications/TASS-8-edit.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

²⁴Arctic PIRE — Promoting Urban Sustainability in the Arctic. URL: <http://grantome.com/grant/NSF/IIA-1545913> (дата обращения: 20.06.2018).

²⁵Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: изд-во ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

Исследования социальной устойчивости на Севере и в Арктике в российской науке немногочисленны. Есть работы по различным аспектам социального развития этих территорий — среди них хотелось бы упомянуть во многом пионерные для нашей науки публикации А. Н. Пилясова и Н. Ю. Замятиной, посвященные человеческому измерению северных и арктических экономик^{26, 27}, исследования Д. А. Гайнанова и С. А. Кирилловой по оценке социального потенциала Арктики с позиций устойчивого развития²⁸. В последние годы появились работы В. В. Фаузера и его коллег по оценке демографической устойчивости северных регионов России²⁹.

С середины 2000-х гг. исследования социальной устойчивости регионов и местных сообществ Севера и Арктики ведутся авторами этой книги в Отделе социальной политики на Севере Института экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН^{30, 31, 32, 33, 34, 35}.

Особую актуальность исследованиям социальной устойчивости придает то, что они исключительно сильно настроены на практическое применение, стремятся обеспечить практиков информацией для принятия решений и чрезвычайно

---

²⁶Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009. 542 с.

²⁷Замятина Н. Ю. Городская среда как фактор городского развития (сопоставление городов Губкинский и Муравленко, ЯНАО) // Городской альманах. 2012. № 5. С. 210–221.

²⁸Гайнанов Д. А., Кириллова С. А., Кантор О. Г. Социальный потенциал российской Арктики с позиций устойчивого развития // Российская Арктика: современная парадигма развития. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.

²⁹Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С. Методический инструментарий оценки демографической устойчивости северных регионов России // Экономическая наука сегодня. 2018. № 7. С. 151–164.

³⁰Тоичкина В. П. От диагностики устойчивости к определению проблем демографической сферы Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 22. С. 119а–123.

³¹Рябова Л. А. Концепция устойчивого развития и формирование социальной политики в местных сообществах Севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1(27). С. 155–163.

³²Рябова Л. А. Социально устойчивое развитие и отражение его идей в концептуальных и институциональных основаниях государственной политики на Севере и в Арктике РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 41. С. 56а–61.

³³Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // ЭКО. 2016. № 3(501). С. 80–95.

³⁴Рябова Л. А., Торопушина Е. Е., Корчак Е. А., Тоичкина В. П., Новикова Н. А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В. С. Селина, д.э.н., проф. Т. П. Скуфыной, к.э.н., доц. Е. П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276–294.

³⁵Торопушина Е. Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО. 2016. № 6(504). С. 99–108.

востребованы в реальной жизни³⁶. Индикаторы социальной устойчивости должны являться ориентиром для лиц, принимающих решения, и для широкой общественности. В некоторых случаях они могут служить основой для принятия с законодательных решений.

Сегодня в России, несмотря на риторику о необходимости «человекоориентированного» подхода, большинство исследований по северной и арктической проблематике сосредоточено на вопросах освоения и эксплуатации природных ресурсов. Работы же, что посвящены социальным темам, редко основаны на концепции социальной устойчивости, либо связь с ней устанавливается весьма формально.

То же происходит и на практике. При формировании и реализации государственной политики в отношении северных и арктических территорий РФ концепция устойчивого развития редко используется в качестве базовой. Это касается и процесса формирования северного и арктического законодательства. Например, последний проект Федерального закона о развитии Арктической зоны Российской Федерации не содержит упоминания о необходимости учета принципов устойчивого развития в управлении этой территорией³⁷.

При этом со стороны ученых и практиков постоянно звучат многочисленные призывы положить в основу закона концепцию устойчивого развития как единственную сегодня признанную мировым сообществом, Организацией Объединенных Наций, стратегию выживания человечества, так и потому, что «это предполагает учет тех подходов и трендов, которые имеются в мировой практике... при развитии арктических территорий»³⁸.

В условиях ограниченности ресурсов, которые могут быть направлены на социальные цели, определение приоритетов достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ становится одной из важнейших задач государственной северной и арктической социальной политики.

В российской региональной науке существует дефицит исследований, которые дали бы возможность более обоснованно принимать практические решения и определять приоритеты в сфере государственной северной и арктической социальной политики. Нужны исследования, с одной стороны, способные обеспечить целостное видение ситуации, а с другой — дать возможность ее детализации с точки зрения идентификации ключевых проблем и пространственной локализации «болевых точек». Наше исследование было направлено на хотя бы частичное восполнение этого пробела.

1.2. Методический подход к измерению социальной устойчивости регионов на основе интегральных индексов

Оценка социальной устойчивости — методически сложная задача. Подходам к решению задачи измерения социальной устойчивости территорий

---

³⁶Jacobsen R. B., Delaney A. E. When social sustainability becomes politics — perspectives from Greenlandic fisheries governance // *Maritime Studies* – 2014. Vol. 13. No. 6. URL: <https://maritimestudiesjournal.springeropen.com/articles/10.1186/2212-9790-13-6> (дата обращения: 11.06.2018).

³⁷Проект Федерального закона "О развитии Арктической зоны Российской Федерации". URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).

³⁸Резолюция 5-го заседания Арктического экспертного клуба "Экспертиза проекта Федерального закона об Арктической зоне РФ". URL: <https://irsup.hse.ru/news/187265970.html> (дата обращения: 20.10.2018).

в российской региональной науке посвящены единичные работы, например, Г. И. Поподько³⁹. Опубликованные российскими авторами исследования такого рода, объектами которых были бы регионы Севера и Арктики РФ, нам не известны.

Оценки социальной устойчивости могут строиться на «жестком» ее понимании, на «мягкой» трактовке и на их сочетании. «Жесткое» понимание основано на анализе таких аспектов как уровень жизни, бедность и других поддающихся измерению составляющих. «Мягкое» понимание устойчивости фокусируется на аспектах счастья, чувства места (местной идентичности), преимуществ, возникающих в результате сотрудничества (социальный капитал), и т.п. Эти аспекты гораздо меньше поддаются измерению, слабо формализуемы и трудно сопоставимы⁴⁰.

Нашим исследовательским коллективом (рук. к.э.н. Рябова Л. А., коллектив в составе к.э.н. Торопушиной Е. Е., к.э.н. Корчак Е. А., с.н.с. Тоичкиной В. П., н.с. Новиковой Н. А.) была разработана и апробирована методика количественной оценки социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ, основанная на расчете интегральных индексов уровня устойчивости.

Идея этой работы и основной методический подход возникли в конце 1980-х гг., когда в диссертации Л. А. Рябовой «Планирование социальной инфраструктуры региона (на материалах Мурманской области)» была разработана и апробирована методика построения интегрального индекса социальной эффективности деятельности комплекса социально-инфраструктурных отраслей в регионах Крайнего Севера⁴¹.

В исследовании, результаты которого представлены в нашей книге, были развиты идеи и методические подходы этой диссертационной работы, которая, в свою очередь, во многом была вдохновлена разработками ее научного руководителя, д.э.н., профессора Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского Владимира Анатольевича Ланцова — одного из основоположников ленинградской школы по разработке методических основ комплексной социально-эколого-экономической оценки состояния территорий^{42, 43, 44}.

---

³⁹Поподько Г. И. Концепция управления социальной устойчивостью региональной экономической системы // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 6. С. 511–515.

⁴⁰Colantonio A. Social sustainability: a review and critique of traditional versus emerging themes and assessment methods. Oxford Brookes University. UK. 2009. In: Horner M., Price A., Bebbington J. and Emmanuel R., (eds.) SUE-Mot Conference 2009: Second International Conference on Whole Life Urban Sustainability and its Assessment: conference proceedings. Loughborough University, Loughborough, pp. 865–885. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/35867/> (дата обращения: 11.06.2018).

⁴¹Рябова (Коваленко) Л. А. Планирование социальной инфраструктуры региона (на материалах Мурманской области): автореф. дис. ...к-та экон. наук: 08.00.25 / Л. А. Коваленко; Ленинград, Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского. Ленинград, 1989 г. 24 с.

⁴²Ланцов В. А., Бабкина Л. Н., Песоцкая Е. В. Потенциал территории: экономический, социальный, экологический аспекты. СПб.: Изд-во СПб УЭФ, 1994. 145 с.

⁴³Дмитревский Ю. Д., Ланцов В. А., Песоцкая Е. В. Ресурсный потенциал и типология малых и средних городов // *Регионология*. 1996. № 2. С. 121–128.

⁴⁴Ланцов В. А., Бабкина Л. Н., Песоцкая Е. В. Проблемы качественной и количественной оценки потенциала территории // *Региональная экология*. 1994. № 2. С. 12–17.

Были проведены расчеты, охватывающие 16 регионов Севера и Арктики РФ и период 2013–2016 гг. Оценка уровня социальной устойчивости осуществлялась по регионам Севера и Арктики РФ, территории которых законодательством Российской Федерации полностью или частично отнесены к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям: Республики Карелия, Коми, Тыва, Саха (Якутия); области Архангельская, Мурманская, Иркутская, Магаданская, Сахалинская; автономные округа Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский, Ханты-Мансийский; края Красноярский, Камчатский, Хабаровский⁴⁵ (рис. 1.1).

Мы стремились к тому, чтобы разработать методические подходы, позволяющие, по выражению О. Янга, отслеживать на Севере и в Арктике РФ «тенденции изменения человеческого благополучия в пространстве и во времени»⁴⁶.

Прежде всего, мы исходили из того, что основой оценки может служить измерение «жестких» аспектов устойчивости, отражающих качество жизни, на основе статистических (количественных, так называемых объективных) показателей.

Для оценки «мягких» аспектов нужны специальные исследования, например, социологические опросы. С начала 2000-х гг. наш Отдел проводит социологические исследования "мягких" аспектов социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ, преимущественно, в городах Мурманской области⁴⁷. Однако получение такого рода сопоставимых данных по всем регионам Севера и Арктики РФ — научная и методическая проблема, для решения которой нужны масштабные ресурсы. Поэтому в данном исследовании эти аспекты в расчеты не включались, хотя как в научном, так и в практическом плане решение данной задачи весьма актуально и возможно.

В исследовании были применены два основных понятия — уровень и степень социальной устойчивости. Уровень социальной устойчивости мы соотносим с количественными оценками — это частные и интегральные индексы уровня устойчивости, рассчитываемые на основе статистических данных.

Понятие «степень социальной устойчивости» относится к выводам о качественном состоянии устойчивости, полученным на основе сопоставления количественных оценок (индексов) со шкалой степеней устойчивости — от абсолютной социальной неустойчивости, кризиса до ее высокой степени.

---

⁴⁵Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 г. № 12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).

⁴⁶Northern Sustainabilities. Keynote Presentations and Other Highlights from the Eighth International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS VIII). Prince George, Canada. 2014. Ed. by G. Fondahl and G. N. Wilson. Topics in Arctic Social Sciences, Vol. 8, 2014. URL: <http://iassa.org/images/publications/TASS-8-edit.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

⁴⁷Гущина И. А. Роль социологических исследований в изучении эффективности социального управления в муниципальном образовании // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 1. С. 31а–35.

Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности

В соответствии с Постановлением Совмина СССР от 03.01.1983 г. №12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. №1029» от 03.01.1983 №12 (ред. от 03.03.2012)

Рис. 1.1. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности
(составлено в соответствии с Постановлением Совмина СССР от 03.01.1983 г. № 12, ред. от 03.03.2012 г.⁴⁸)

⁴⁸Карта составлена к.э.н. Е. Е. Торопушиной.

Задачи исследования состояли в том, чтобы:

- 1) количественно оценить уровни социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ с помощью интегральных индексов;
- 2) на основе значений индексов дать качественные оценки степени устойчивости по регионам;
- 3) составить рейтинги регионов по уровню социальной устойчивости;
- 4) на основе мониторингового подхода выявить динамику агрегированных индексов по отдельным блокам (составляющим социальной устойчивости) в разрезе регионов Севера и Арктики РФ, а также динамику интегрального индекса уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ за 2013–2016 гг.;
- 5) по критерию степени устойчивости определить пространственные (в разрезе регионов) и проблемные (с точки зрения остроты проблем по отдельным составляющим устойчивости) приоритеты достижения социальной устойчивости на российском Севере и в Арктике.

Оценка уровня социальной устойчивости включала следующие этапы:

- (1) выбор частных оценочных показателей;
- (2) расчет индексов выбранных показателей;
- (3) определение и введение в расчет коэффициентов весомости (весов);
- (4) расчет агрегированных индексов по группам показателей и укрупненным блокам (по составляющим социальной устойчивости);
- (5) расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ по каждому году в выбранном временном периоде.

В основе методики лежит расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости региона, агрегирующего частные показатели качества жизни. Набор исходных показателей был составлен на основе сопоставимых по регионам Севера и Арктики РФ статистических данных⁴⁹.

Неполная сопоставимость данных, в т. ч. из-за частичного отнесения территорий регионов к районам Севера и Арктической зоне РФ, — проблема, затрудняющая социально-экономические исследования на российском Севере и в Арктике. Доля погрешности возникает, в том числе по статистическим причинам, но, по нашим оценкам, не искажает картину в целом.

Экспертным путем мы отобрали 25 показателей⁵⁰. Они были объединены в 11 групп, затем в 5 блоков по составляющим «жесткой» социальной устойчивости, — «социальная инфраструктура», «уровень жизни», «демографическое развитие», «уровень здоровья и образования», «качество городской среды» (табл. 1.1). Для сопоставимости разнородные показатели переводились в индексную форму со значением от 0 до 1.

---

⁴⁹Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 16.06.2018).

⁵⁰Группа экспертов из 6-ти человек, квалифицированных специалистов в области исследований социальной политики на Севере и в Арктике.

Таблица 1.1

Распределение средневзвешенных весов показателей, групп показателей и блоков для оценки уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Вес блока	Блок	Вес группы показателей	Группа показателей	Вес показателя	Показатель
1	2	3	4	5	6	7
Интегральный индекс уровня социальной устойчивости	0,21	Социальная инфраструктура	0,42	Здравоохранение	0,69	Обеспеченность врачами, на 10 тыс. населения
					0,31	Обеспеченность больничными койками, на 10 тыс. населения
			0,35	Образование	0,49	Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в ДОУ, мест на 1000 детей
					0,51	Обеспеченность услугами учреждений профессионального образования (численность студентов учреждений ВПО и СПО, на 10 тыс. чел. населения)
			0,23	Спортивная инфраструктура, культура и искусство	0,49	Обеспеченность спортивными сооружениями, на 100 тыс. населения
					0,26	Число посещений театров, на 1000 населения
	0,25	Число посещений музеев, на 1000 населения				
	0,22	Уровень жизни населения	0,6	Рынок труда и заработная плата	0,34	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
					0,66	Соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения, раз
			0,4	Материальное благосостояние	0,58	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %
					0,16	Коэффициент фондов (соотношение доходов 10 % наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), раз
					0,26	Доля расходов на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов домохозяйств, %

1	2	3	4	5	6	7
Интегральный индекс уровня социальной устойчивости	0,18	Демографическое развитие	0,8	Естественное воспроизводство населения	0,63	Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении (оба пола), лет
					0,37	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте, 15–49 лет)
			0,2	Миграционные процессы	1,0	Условный коэффициент внешней миграции (отношение прибывшего в i-й регион населения за вычетом прибывших внутри i-го региона к выбывшим из i-го региона за вычетом выбывших внутри i-ого региона)
	0,19	Уровень здоровья и образования населения	0,58	Уровень здоровья населения	0,28	Заболеваемость населения, на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)
					0,36	Смертность населения в трудоспособном возрасте (на 100 000 человек трудоспособного возраста), без учета смертности от внешних причин
					0,36	Младенческая смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся)
			0,42	Уровень образования населения	0,44	Численность жителей в возрасте 15 лет и старше не имеющих среднего образования, на 1000 человек населения
			0,66		Доля населения с высшим образованием в общей численности населения в возрасте 15 лет и старше, %	
	0,20	Качество городской среды	0,53	Городская среда и безопасность	0,59	Обеспеченность населения питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, %
					0,41	Количество зарегистрированных преступлений, на 100 тыс. населения
			0,47	Жилищные условия	0,39	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ²
					0,34	Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %
	0,27	Доля жилищного фонда, оборудованного всеми видами благоустройства, %				

Для вычисления индексов по исходным показателям мы применили метод линейного масштабирования. Он основан на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений индикаторов) и показывающий реальное расположение показателя каждого региона между ними⁵¹.

Для сопоставления данных по регионам, измеряемых в разных по диапазону и размерности шкалах, был использован относительный безразмерный показатель (K_i), отражающий степень приближения абсолютного значения каждого показателя (Q_i) к максимальному ($Q_{\max}$) и минимальному ($Q_{\min}$) показателям (в данном случае — к максимальному и минимальному показателю по РФ). Значения каждого показателя отображены в интервале от 0 до 1. Благодаря этому сохраняются все пропорции между отдельными значениями.

Для вычисления каждого частного индекса отдельного показателя для каждого региона была использована формула 1:

$$K_i = \frac{Q_i - Q^{\min}}{Q^{\max} - Q^{\min}}, \quad (1)$$

где Q_i — значение показателя в регионе; $Q^{\min}$ — минимальное значение по РФ; $Q^{\max}$ — максимальное значение по РФ.

В случае, когда показатель отрицательно связан с качеством жизни (например, уровень младенческой смертности), применяется обратное линейное масштабирование, то есть полученный в линейном масштабе показатель вычитается из единицы.

Поскольку отдельные свойства, характеризующие качество жизни, имеют неодинаковую значимость, были использованы показатели с учетом их значимости. Для определения относительного веса (g_i) каждого показателя, группы показателей и блоков также использовался метод экспертного опроса.

Для определения весов использовался диапазон $0 < g_i < 1$. На основе экспертной оценки мы получили распределение коэффициентов весомости, представленное в таблице 1.1.

Места регионов Севера и Арктики России по уровню социальной устойчивости определялись в результате агрегирования интегральных индексов регионов по всем анализируемым группам. Индексы групп показателей (Y_i) с учетом веса (G_i) каждого показателя рассчитаны с помощью формулы 2⁵²:

$$y_i = \frac{\sum_{i=1}^n K_i \times G_i}{\sum_{i=1}^n G_i} \quad (2)$$

где K_i — индекс показателя; G_i — вес показателя.

Аналогично были рассчитаны индексы для блоков с учетом веса каждой группы показателей.

---

⁵¹Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

⁵²Гмошинский В. Г., Флиорент Г. И. Теоретические основы инженерного прогнозирования. М.: Наука, 1973. С. 89–164.

Методом «свертывания» 25 показателей были агрегированы в интегральные индексы уровня социальной устойчивости для регионов (глава 2, табл. 2.1).

Одна из особенностей Севера и Арктики РФ, наиболее сильно проявляющаяся в Арктике, — «тирания расстояний», удаленность многих поселений, их слабая транспортная доступность при низкой обеспеченности необходимым комплексом объектов социальной инфраструктуры. Для учета этой особенности была разработана методика оценки уровня социальной устойчивости регионов по блоку «социальная инфраструктура», учитывающая территориальную и транспортную доступность услуг здравоохранения и образования⁵³.

Территориальная доступность услуг здравоохранения и образования характеризует возможность их получения в месте проживания (по статистическим причинам рассматривались городские округа, городские и сельские поселения, являющиеся муниципальными образованиями).

Транспортная доступность характеризует развитость внутрирегиональной транспортной сети, обеспечивающей возможность беспрепятственного получения населением услуг образования и здравоохранения в регионе проживания, а также своевременного оказания скорой медицинской помощи.

Был предложен, рассчитан для регионов Севера и Арктики РФ и введен в расчеты интегрального индекса уровня социальной устойчивости регионов поправочный комплексный коэффициент территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования (более подробно методика расчета представлена в разделе 1.3).

Еще одна особенность российского Севера и Арктики — высокая миграционная активность и, часто, отток населения. Для учета этой особенности при оценке устойчивости демографического развития регионов была предложена методика расчета условного коэффициента внешней миграции⁵⁴.

Он представляет собой отношение числа прибывшего в регион населения за вычетом прибывших за счет миграции внутри региона к выбывшим из региона за вычетом выбывших за счет внутрирегиональной миграции за определенный период. Значение показателя более единицы указывает на миграционный прирост, менее единицы — на миграционный отток населения.

Были рассчитаны индексы уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «качество городской среды», «уровень жизни населения», «демографическое развитие» за период 2013–2016 гг. по данным на начало года (результаты представлены в главе 2).

На этой основе были рассчитаны интегральные индексы и определены уровни социальной устойчивости по регионам и рассчитан интегральный индекс уровня социальной устойчивости для территории Севера и Арктики РФ в целом (глава 2, табл. 2.1–2.5).

Также были составлены рейтинги регионов и выполнено картирование территорий Севера и Арктики РФ по критерию уровня социальной устойчивости без учета и с учетом коэффициентов территориальной и транспортной доступности здравоохранения и образования (глава 2, рис. 2.3 и 2.4).

---

⁵³Автор – к.э.н. Торопушина Е.Е.

⁵⁴Автор — с.н.с. Тоичкина В. П.

На основе полученных количественных оценок уровней социальной устойчивости были сделаны выводы о качественном состоянии (степени) социальной устойчивости регионов по шкале, являющей собой модифицированный вариант шкалы устойчивости региональной социально-экономической системы, предложенной д.э.н. Т. В. Усковой⁵⁵.

Исходя из того, что интегральный индекс уровня устойчивости находится в пределах от 0 до 1, при определении границ интервала (пороговых значений) индекса применена шкала оценки степени социальной устойчивости с равнозначным шагом интервалов внутри шкалы, равным 0,2, и шагом интервалов в крайних значениях степени устойчивости, равным 0,1.

Определение частных интервалов индексов по анализируемым блокам было проведено на основе экспертной оценки, учитывающей особенности формирования частных индексов социальной устойчивости по отдельным составляющим социальной устойчивости.

В результате обобщения полученных результатов было выделено 6 степеней социальной устойчивости, находящихся в интервале между состояниями «абсолютная социальная неустойчивость, кризис» и «высокая степень социальной устойчивости», и разработана Шкала оценки степени социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900–1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700–0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500–0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300–0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100–0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000–0,099

Разработанная методика дает возможность оценивать социальную устойчивость как отдельных регионов Севера и Арктики РФ, так и определять уровень социальной устойчивости этой территории в целом.

1.3. Методика учета территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования при оценке социальной устойчивости регионов

Исследования показывают, что тенденции развития социальной инфраструктуры, в первую очередь, объектов здравоохранения, в регионах Севера и Арктики России и остальных субъектах РФ, различаются. Для северных

⁵⁵Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: изд-во ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

и арктических регионов характерна более сильная поляризация в размещении объектов социальной инфраструктуры (см. работы автора данного раздела ^{56, 57, 58}). Она проявляется в концентрации значительной доли учреждений здравоохранения и образования в административных центрах и в относительно крупных (по сравнению с остальными населенными пунктами региона) монопрофильных поселениях⁵⁹.

Учитывая это, при оценке уровня социальной устойчивости регионов в сфере развития системы здравоохранения в расчет интегрального индекса предлагается вводить разработанный автором данного раздела поправочный коэффициент доступности медицинской помощи⁶⁰ (формула 3):

$$Kah_i = \sqrt[3]{Kaa_i \times Kap_i \times Kat_i}, \quad (3)$$

где Kah_i — коэффициент территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения субъекта Российской Федерации; Kaa_i — коэффициент доступности скорой медицинской помощи субъекта РФ; Kap_i — коэффициент обеспеченности муниципальных образований субъекта РФ амбулаторно-поликлиническими и больничными учреждениями; Kat_i — коэффициент транспортной доступности субъекта Российской Федерации.

Коэффициент доступности скорой медицинской помощи (Kaa) рассчитывается по разработанной автором формуле 4:

$$Kaa_i = \frac{Ara_i + Aad_i}{2} / 100, \quad (4)$$

где Ara_i — доля выездов бригад скорой помощи, доезжающих до места ДТП в течение 20 минут, в среднем по субъекту РФ; Aad_i — доля выездов бригад скорой помощи, доезжающих до места вызова в течение 20 минут, в среднем по субъекту Российской Федерации.

⁵⁶Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / Под научной редакцией В. С. Селина, Т. П. Скуфьиной, Е. П. Башмаковой, Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 356–362.

⁵⁷Торопушина Е. Е. Тенденции развития социальной инфраструктуры в регионах Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4(41). С. 78а–84.

⁵⁸Торопушина Е. Е. Социальная инфраструктура как фактор саморазвития территории российской Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2018: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2018. С. 71–72.

⁵⁹Торопушина Е. Е. Социальная инфраструктура городов с монопрофильным и диверсифицированным типом экономического развития: арктический регион // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 365–371.

⁶⁰Более подробно см. в работе: Торопушина Е. Е. Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4(60). С. 101–111.

Коэффициент обеспеченности муниципальных образований амбулаторно-поликлиническими и больничными учреждениями (K_{ap}) рассчитывается по разработанной автором формуле 5:

$$K_{ap} = \frac{P_i - Pac_i}{2 \times (Mu_i - 1)}, \quad (5)$$

где P_i — количество амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений, расположенных на территории субъекта РФ; Pac_i — количество амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений, расположенных в административном центре субъекта РФ; Mu_i — число городских округов, городских и сельских поселений субъекта РФ, являющихся муниципальными образованиями в соответствии с муниципально-территориальным делением субъектов РФ.

Показатель Mu_i включает только муниципальные образования — городские округа, городские и сельские поселения, а не все населенные пункты, расположенные на территории региона. В данном показателе не учитываются муниципальные районы, поскольку их административные центры учтены в группе городских и сельских поселений.

Для субъектов РФ, в которых значение коэффициента обеспеченности муниципальных образований амбулаторно-поликлиническими и больничными учреждениями выше 1, K_{ap} принимается равным 1.

Коэффициент транспортной доступности субъекта РФ (K_{at}) рассчитывается по формуле 6, разработанной Министерством финансов РФ:

$$K_{at} = \left(3 - 2 \times \frac{Z_i}{Z_{cp}} \right) \times \left(1 + \frac{D_i}{D_{cp}} \right) \times H_{отд}, \quad (6)$$

«где Z_i — плотность транспортных путей постоянного действия (железных дорог и автодорог с твердым покрытием) в субъекте РФ; Z_{cp} — плотность транспортных путей постоянного действия (железных дорог и автодорог с твердым покрытием) в среднем по РФ; D_i — доля сельских населенных пунктов в субъекте РФ, не имеющих связи по дорогам с твердым покрытием и не обеспеченных связью с ближайшей железнодорожной станцией, морским, речным портом, аэропортом; D_{cp} — доля сельских населенных пунктов, не имеющих связи по дорогам с твердым покрытием и не обеспеченных связью с ближайшей железнодорожной станцией, морским или речным портом, аэропортом, в общей численности сельских населенных пунктов в среднем по РФ; $H_{отд}$ — удельный вес населения субъекта РФ, проживающего в районах с ограниченными сроками завоза товаров и в горных районах, в численности постоянного населения данного субъекта РФ.

Для определения удельного веса населения, проживающего в горных районах субъекта РФ, применяется коэффициент 0,5, для определения удельного веса населения, проживающего в районах с ограниченными сроками завоза товаров, — 1,2. Для субъектов Российской Федерации, в которых плотность транспортных путей постоянного действия выше аналогичного показателя в среднем по России, отношение Z_i/Z_{cp} принимается равным 1.

Отношение D_i/D_{cp} рассчитывается для субъектов РФ, в которых более половины численности населения проживает в районах с ограниченными сроками завоза товаров и в горных районах, и доля сельских населенных пунктов, не

имеющих связи по дорогам с твердым покрытием и не обеспеченных связью с ближайшей железнодорожной станцией, морским или речным портом, аэропортом, в общей численности сельских населенных пунктов больше среднего значения по России. Для остальных регионов отношение D_i/D_{cp} принимается равным 0»⁶¹.

Коэффициент транспортной доступности применяется лишь в случае значения $Kat_i > 0$. В настоящее время, по расчетам Министерства финансов РФ, насчитывается всего 36 субъектов РФ, для которых коэффициент транспортной доступности учитывается. Однако все регионы Севера и Арктики являются субъектами РФ с низкой транспортной доступностью. Значения коэффициентов транспортной доступности по регионам отображены в диапазоне от 0 до 1, в целях сохранения пропорций между отдельными значениями.

Для определения реального уровня обеспеченности регионов Севера и Арктики объектами образования, при проведении оценки уровня развития системы образования на основе интегрального индекса в расчет предлагается вводить разработанный автором поправочный коэффициент территориально-транспортной доступности услуг образования⁶² (Kae), который рассчитывается по формуле 7:

$$Kae_i = \sqrt{\frac{Kk_i + Kcu_i}{2} \times Kat_i}, \quad (7)$$

где Kk_i — коэффициент обеспеченности муниципальных образований субъекта Российской Федерации дошкольными образовательными учреждениями; Kcu_i — коэффициент обеспеченности муниципальных образований субъекта РФ учреждениями среднего и высшего профессионального образования; Kat_i — коэффициент транспортной доступности субъекта РФ.

Коэффициент обеспеченности муниципальных образований дошкольными образовательными учреждениями (Kk) рассчитывается по разработанной автором формуле 8:

$$Kk_i = \frac{K_i - Kac_i}{Mu_i - 1}, \quad (8)$$

где K_i — число дошкольных образовательных учреждений, расположенных на территории субъекта РФ; Kac_i — число дошкольных образовательных учреждений, расположенных в административном центре субъекта РФ; Mu_i — число городских округов, городских и сельских поселений субъекта РФ, являющихся муниципальными образованиями в соответствии с муниципально-территориальным делением субъектов РФ (см. пояснения к формуле 5).

Коэффициент обеспеченности муниципальных образований учреждениями среднего и высшего профессионального образования (Kcu) рассчитывается по разработанной автором формуле 9:

⁶¹Постановление Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 (ред. от 09.12.2013 г.) «О распределении дотаций из федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ» (вместе с "Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации") // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁶²Более подробно см. в работе: Торопушина Е. Е. Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4(60). С. 101–111.

$$K_{cu}_i = \frac{U_i + C_i}{Mu_i} / 2, \quad (9)$$

где U_i — число учреждений высшего профессионального образования, включая филиалы вузов, расположенных на территории субъекта РФ; C_i — число учреждений среднего профессионального образования, расположенных на территории субъекта РФ; Mu_i — число городских округов, городских и сельских поселений субъекта РФ, являющихся муниципальными образованиями в соответствии с муниципально-территориальным делением субъектов РФ (см. пояснения к формуле 5).

Коэффициент транспортной доступности субъекта РФ (Kat) рассчитывается по формуле 6.

Для субъектов РФ, в которых значение коэффициента доступности образования выше 1, Kae принимается равным 1.

В результате, при выбранных в начале исследования показателях, интегральный индекс уровня социальной устойчивости в регионах Севера и Арктики РФ по блоку «социальная инфраструктура» с учетом поправочных коэффициентов территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования будет рассчитываться по формуле 10:

$$Y_{si}_i = 0,42 \times \left(0,69 \times \frac{Nd_i - Nd_{\min}}{Nd_{\max} - Nd_{\min}} + 0,31 \times \frac{Nb_i - Nb_{\min}}{Nb_{\max} - Nb_{\min}} \right) +$$

$$+ 0,35 \times \left(0,49 \times \frac{Ak_i - Ak_{\min}}{Ak_{\max} - Ak_{\min}} + 0,51 \times \frac{Ae_i - Ae_{\min}}{Ae_{\max} - Ae_{\min}} \right) +$$

$$+ 0,23 \times \left(0,49 \times \frac{S_i - S_{\min}}{S_{\max} - S_{\min}} + 0,26 \times \frac{T_i - T_{\min}}{T_{\max} - T_{\min}} + 0,25 \times \frac{M_i - M_{\min}}{M_{\max} - M_{\min}} \right), \quad (10)$$

где Y_{si}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура»; Nd — обеспеченность врачами, на 10 тыс. населения; Nb — обеспеченность больничными койками, на 10 тыс. населения; Ak — обеспеченность детей дошкольного возраста местами в ДООУ, мест на 1000 детей; Ae — обеспеченность услугами учреждений профессионального образования (численность студентов учреждений ВПО и СПО, на 10 тыс. населения); S — обеспеченность спортивными сооружениями, на 100 тыс. населения; T — число посещений театров, на 1000 населения; M — число посещений музеев, на 1000 населения; $Q_{\max}$ — максимальное значение показателя по РФ; $Q_{\min}$ — минимальное значение показателя по РФ.

Все числовые значения — средневзвешенные весовые коэффициенты, рассчитанные на основе весов, определенных группой квалифицированных экспертов для каждого показателя/группы показателей.

Предложенная методика обладает всеми необходимыми атрибутами, обеспечивающими возможность использования доступных статистических данных для оценки уровня развития социальной инфраструктуры, в том числе при

проведении динамического анализа. Это высокий уровень информативности получаемых результатов, корректное сравнение уровней социальной устойчивости по составляющей «социальная инфраструктура» (как в целом, так и отдельных составляющих — сфер здравоохранения и образования) субъектов Российской Федерации.

Предложенный методический подход позволяет более четко идентифицировать имеющиеся проблемы в социальной сфере на региональном уровне, что актуально как для научных исследований, так и для практической деятельности органов власти.

При этом оценка уровня социальной устойчивости по составляющей «социальная инфраструктура» может выступать одним из основных инструментов, обеспечивающих повышение эффективности деятельности в сфере развития социальной инфраструктуры, управления объектами, находящимися на территории субъектов РФ, и в целом повышающих качество государственного управления социально-экономическим развитием регионов.

1.4. Методика оценки демографической устойчивости с учетом миграционной составляющей

Для оценки уровня устойчивости регионов Севера и Арктики РФ в сфере демографии автором данного раздела была разработана методика расчета, и на ее основе рассчитаны интегральные индексы демографического развития — I_{DR_i} .

Расчеты выполнялись с учетом анализа показателей естественного воспроизводства населения (сведенных в индекс естественного воспроизводства I_{EV_i}) и миграционных процессов внешней миграции (индекс миграционных процессов внешней миграции I_{MP_i}).

Необходимость учета миграционной составляющей при оценке устойчивости регионов Севера и Арктики РФ в сфере демографии обусловлена большой значимостью миграционного компонента в демографических процессах на северных и арктических территориях РФ⁶³.

С точки зрения формирования и реализации социальной политики на Севере и в Арктике РФ это требует, прежде всего, специальных методов управления демографической обстановкой по отношению к наиболее проблемным территориям с целью предотвращения неконтролируемого оттока населения и стабилизации численности населения для преодоления серьезной угрозы социальной устойчивости территорий и национальной безопасности⁶⁴.

Для расчета интегральных индексов демографического развития I_{DR_i} в составе структурных компонентов I_{EV_i} и I_{MP_i} были выбраны следующие показатели:

---

⁶³Более подробно см. в работе: Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости процессов воспроизводства населения в регионах российской Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 359–365.

⁶⁴Тоичкина В. П. Институциональные условия обеспечения демографической устойчивости регионов Севера и Арктики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 3, № 12. С. 12–18.

• ожидаемая продолжительность жизни при рождении J_i — стратегический показатель устойчивого демографического развития, обобщающий показатели половозрастной и младенческой смертности, достаточно точно характеризующий динамику уровня и качества жизни населения;

• суммарный коэффициент рождаемости S_i — среднее число детей, рожденных женщиной в возрасте 15–49 лет, который не зависит от возрастного состава населения и характеризует средний уровень рождаемости в данный календарный год⁶⁵.

Для расчета индекса миграционных процессов населения (миграционный прирост, убыль) была разработана автором данного раздела и применена методика расчета условного коэффициента внешней миграции — M_i (миграция из других регионов РФ и зарубежных стран).

Условный коэффициент внешней миграции M_i представляет собой отношение числа прибывшего в i -й регион всего населения за вычетом прибывших за счет миграции внутри i -го региона к выбывшим из i -го региона всего населения за вычетом выбывших внутри i -го региона за определенный период по формуле 11:

$$M_i = \frac{P_i - P_{VN_i}}{V_i - V_{VN_i}}, \quad (11)$$

где M_i — условный коэффициент внешней миграции; P_i — прибывшие в i -й регион всего; P_{VN_i} — прибывшие внутри региональные мигранты в i -й регион; V_i — выбывшие из i -го региона всего; V_{VN_i} — выбывшие внутри региональные мигранты из i -го региона.

Принимаем предельно-критическое значение демографической устойчивости для условного коэффициента внешней миграции M_i за единицу (1,0), что соответствует равному количеству прибывших и выбывших внешних мигрантов (из других регионов РФ и зарубежных стран) в регионе. Значение показателя более единицы ($M_i > 1,0$) соответствует миграционному приросту, менее единицы ($M_i < 1,0$) — миграционному оттоку населения.

Экспертным путем⁶⁶ в пределах интервала [0–1] были определены веса индексов соответствующего показателя ($I_{J_i} = 0,63$, $I_{R_i} = 0,37$; $I_{M_i} = 1,0$) и каждого структурного компонента ($I_{EV_i} = 0,8$, $I_{MP_i} = 0,2$).

В результате анализа статистических данных Росстата каждому показателю (J, R, M) был присвоен соответствующий интервал минимальных (min) и максимальных (max) значений за 2013–2016 гг.

На основе формулы интегрального индекса как линейной комбинации показателей демографического развития с учетом их весовых коэффициентов были произведены расчеты I_{DR_i} для регионов Севера и Арктики РФ за 2013–2016 гг.

Алгоритм расчета интегрального индекса устойчивости демографического развития I_{DR_i} i -го региона представлен в таблице 1.3.

---

⁶⁵Более подробно см. в работе: Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости рождаемости в регионах Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4(47). С. 37–44.

⁶⁶Группа экспертов из 6-ти человек, специалистов в области исследований социальной политики на Севере и в Арктике.

Алгоритм расчета интегрального индекса демографического развития I_{DR_i} i-го региона

Показатель	J_i Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении (оба пола), лет	S_i Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте, 15–49 лет)	M_i Условный коэффициент внешней миграции (отношение прибывшего в i-й регион населения за вычетом прибывших внутри i-го региона к выбывшим из i-го региона за вычетом выбывших внутри i-го региона)
Индекс	I_{J_i}	I_{R_i}	I_{M_i}
Формула перевода показателя в индекс	$I_{R_i} = \frac{J_i - J_{\min}}{J_{\max} - J_{\min}}$	$I_{R_i} = \frac{R_i - R_{\min}}{R_{\max} - R_{\min}}$	$I_{M_i} = \frac{M_i - M_{\min}}{M_{\max} - M_{\min}}$
Вес индекса	0,63	0,37	1,00
Структурный компонент	I_{EV_i} - индекс естественного воспроизводства		I_{MP_i} - индекс миграционных процессов внешней миграции
Формула структурного компонента	$I_{EV_i} = 0,63 * I_{J_i} + 0,37 * I_{R_i}$		$I_{MP_i} = 1,00 * I_{M_i}$
Вес структурного компонента	0,80		0,20
Интегральный индекс	I_{DR_i} - интегральный индекс демографического развития		
Формула интегрального индекса	$I_{DR_i} = 0,80 * I_{EV_i} + 0,20 * I_{MP_i}$		

Для построения рейтинга регионов российского Севера и Арктики по степени устойчивости демографического развития предложена шкала пороговых значений степени социальной устойчивости по обобщенной характеристике индекса I_{DR} демографического развития (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Шкала пороговых значений степени социальной устойчивости по обобщенной характеристике индекса демографического развития I_{DR}

Высокая степень социальной устойчивости	Наличие социальной устойчивости	Наличие признаков социальной устойчивости	Наличие признаков социальной неустойчивости	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис
0,850 – 1,000	0,700 – 0,849	0,530 – 0,699	0,450 – 0,529	0,350 – 0,449	0,000 – 0,349

Методика количественной оценки демографической устойчивости регионов Севера и Арктики РФ, основанная на расчете интегральных индексов уровня устойчивости, позволяет идентифицировать проблемы в этой сфере в разрезе регионов и в целом для территории Севера и Арктики РФ.

Она может быть использована в научных исследованиях, в деятельности органов власти при разработке стратегий и программ демографического и социально-экономического развития, для оценки эффективности государственного управления развитием северных и арктических регионов РФ.

1.5. Обоснование приоритетов государственной политики в отношении российского Севера и Арктики по критерию социальной устойчивости: подход и алгоритм

В условиях ограниченности ресурсов, которые могут быть направлены на социальные цели, определение приоритетов достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ становится одной из важнейших задач северной и арктической социальной политики.

В рамках данной работы нашим исследовательским коллективом (руководитель — к.э.н. Л. А. Рябова, исследователи — к.э.н. Е. Е. Торопушина, к.э.н. Е. А. Корчак, с.н.с. В. П. Тоичкина, н.с. Н. А. Новикова) был разработан и апробирован алгоритм определения приоритетов достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Цель этого этапа исследования состояла в получении информации для выбора главных направлений управляющего воздействия на федеральном уровне и в регионах.

Алгоритм базируется на выявлении пространственных (в разрезе регионов) и проблемных (с точки зрения остроты проблем) «болевых точек» регионов Севера и Арктики РФ с позиций социальной устойчивости.

На 1-м этапе идентификации таких «болевых точек» осуществляется расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов по основным ее составляющим, отражающим аспекты качества жизни. В нашем исследовании — по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «уровень жизни населения», «демографическое развитие», «качество городской среды».

На 2-м этапе производится ранжирование проблем и регионов в соответствии со значениями индексов и на основе их соотнесения со шкалой степеней устойчивости. Результаты этой работы представлены в главе 2.

На 3-м этапе осуществляется отнесение проблем и регионов к трем категориям приоритетности по принципу «сигнальных огней светофора», где «красная» зона означает наихудшую ситуацию и максимальную приоритетность.

Полученные результаты дают информацию для определения главных направлений управляющего воздействия как на федеральном уровне, так и в регионах. Разработанный алгоритм определения приоритетов государственной социальной политики на Севере и в Арктике по критерию социальной устойчивости представлен на рис. 1.2.

Рис. 1.2. Алгоритм определения приоритетов государственной социальной политики на Севере и в Арктике РФ по критерию социальной устойчивости

Определение пространственных приоритетов. В соответствии со значениями индексов уровня социальной устойчивости и результатами их соотнесения со шкалой устойчивости, регионы Севера и Арктики РФ были разделены на 3 категории по принципу «сигнальных огней светофора». Регионы, по которым значения интегрального индекса указывают на области неустойчивости, были отнесены к «красной зоне».

Сюда попадают регионы со значением интегрального индекса [0,300–0,499] — аутсайдеры в рейтинге по данному индексу, находящиеся в группе регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости. Это пространственные «болевы точки» Севера и Арктики РФ с точки зрения социальной устойчивости. Эти регионы следует рассматривать в качестве пространственных приоритетов достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ. В них необходимы активные дополнительные меры социальной политики, направленные на решение социальных проблем и повышение социальной устойчивости.

Регионы, по которым значения индекса указывают на наличие признаков социальной устойчивости, отнесены к «желтой зоне». Здесь дополнительные меры социальной политики также нужны, но их приоритетность ниже. В эту зону попадают регионы со значением индекса [0,500–0,699].

Если значения индекса указывают на область «социальная устойчивость» [0,700–1,000], регион относится к «зеленой зоне», что означает благополучную ситуацию и отсутствие необходимости принятия дополнительных мер социальной политики.

Определение проблемных приоритетов. На основе расчета частных индексов уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов по 5-ти блокам (основным составляющим качества жизни — «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «качество городской среды», «уровень жизни населения», «демографическое развитие») были определены проблемные приоритеты достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ в разрезе этих составляющих устойчивости. Расчет частных индексов уровня социальной устойчивости по составляющим в среднем для регионов был выполнен с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из этих субъектов РФ.

В соответствии со значениями индексов и шкалой устойчивости, проблемы были проранжированы и также разделены на категории. Те проблемы, по которым значения индекса в целом для Севера и Арктики по шкале устойчивости указывают на области «кризис, предкризисное состояние, наличие социальной неустойчивости, наличие признаков социальной неустойчивости», отнесены к «красной зоне».

Проблемы, по которым значения интегрального индекса указывают на область «наличие признаков социальной устойчивости», отнесены к «желтой зоне».

Если значение индекса указывает на область «социальная устойчивость», проблема относится к «зеленой зоне», что означает благополучную ситуацию по данному направлению и отсутствие необходимости принятия дополнительных мер по ее решению.

Результаты, получаемые при применении разработанной методики, дают информацию для определения главных направлений управляющего воздействия как на федеральном уровне, так и в регионах.

ГЛАВА 2

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ И ПРИОРИТЕТЫ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

2.1. Динамика уровня и степени социальной устойчивости северных и арктических регионов РФ в 2013-2016 гг.

Расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости проводился путем агрегирования частных показателей качества жизни⁶⁷ в соответствии с формулой 12.

$$Y_{ss_i} = 0,21 \times Y_{si_i} + 0,19 \times Y_{he_i} + 0,20 \times Y_{ue_i} + 0,22 \times I_{sl_i} + 0,18 \times I_{dr_i}, \quad (12)$$

где Y_{ss_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере качества жизни; Y_{si_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости по социальной инфраструктуре; Y_{he_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения; Y_{ue_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере качества городской среды; I_{sl_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере уровня жизни населения; I_{dr_i} — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в демографической сфере, все числовые значения — средневзвешенные весовые коэффициенты, рассчитанные на основе весов, определенных группой квалифицированных экспертов для каждого показателя/группы показателей.

Расчеты индексов за 2013–2016 гг. по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения» выполнялись к.э.н Е. Е. Торопушиной, «уровень жизни населения» — к.э.н. Е. А. Корчак, «демографическое развитие» — с.н.с. В. П. Тоичкиной, «качество городской среды» — Е. Е. Торопушиной с использованием расчетных данных по индексу устойчивости в сфере жилищных условий, предоставленных н.с. Н. А. Новиковой.

---

⁶⁷См. гл. 1.

Обобщающие расчеты интегральных индексов, их анализ и ранжирование проблем и регионов по критерию социальной устойчивости выполнены к.э.н. Е. Е. Торопушиной. Подробно результаты, полученные по отдельным блокам, освещены в научных отчетах^{68, 69, 70}, и публикациях^{71, 72, 73}.

По итогам расчета интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики за 2013, 2014, 2015, 2016 годы⁷⁴ был рассчитан уровень и определена степень социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ за 2013–2016 гг., составлены рейтинги регионов по данным критериям, оценены уровень и динамика социальной устойчивости территории Севера и Арктики РФ в целом. Также было выполнено картирование Севера и Арктики РФ по критерию социальной устойчивости (к.э.н. Е. Е. Торопушина).

Расчет интегральных индексов социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ был выполнен как без учета, так и с учетом коэффициентов территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования.

Расчет интегральных индексов социальной устойчивости без учета территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования показал, что, во-первых, в указанном периоде число регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, снижалось (табл. 2.1, рис. 2.1). Если в 2013 г. таких регионов было 14, то в 2015 г. и в 2016 г. их осталось 12. Республика Карелия и Иркутская область переместились в группу регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, увеличив эту группу с 2-х (Архангельская область и Республика Тыва) в 2013 г. до 4-х в 2015 и 2016 гг.

---

⁶⁸Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-13-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Торопушина Е. Е. [и др.]. Апатиты, 2015. 124 с. № ГР 01201359579.

⁶⁹Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-13-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Башмакова Е. П. [и др.]. Апатиты, 2016. 172 с. № ГР 01201359579.

⁷⁰Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (заключит.): 3-10-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Башмакова Е. П. [и др.]. Апатиты, 2017. 220 с. № ГР 01201359579.

⁷¹Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости процессов воспроизводства населения в регионах российской Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 359–365.

⁷²Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО. 2016. № 3. С. 80–96.

⁷³Торопушина Е. Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО. 2016. № 6. С. 99–108.

⁷⁴По данным на начало года.

Таблица 2.1

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу уровня социальной устойчивости
(без учета территориально-транспортной доступности) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (на начало года)

	Позиция в рейтинге 2013	Индекс 2013	Позиция в рейтинге 2014	Индекс 2014	2014/ 2013	Позиция в рейтинге 2015	Индекс 2015	2015/ 2014	Позиция в рейтинге 2016	Индекс 2016	2016/ 2015	2016/ 2013
Ханты-Мансийский АО	1	0,632	1	0,648	↑	1	0,628	↓	1	0,610	↓	↓
Ямало-Ненецкий АО	2	0,616	2	0,616	~	3	0,593	↓	2	0,590	↓	↓
Мурманская обл.	3	0,610	4	0,601	↓	2	0,594	↓	4	0,568	↓	↓
Магаданская обл.	4	0,603	3	0,602	↓	4	0,579	↓	3	0,579	~	↓
Чукотский АО	5	0,563	5	0,569	↑	8	0,560	↓	6	0,556	↓	↓
Ненецкий АО	6	0,561	15	0,481		6	0,558	↑	8	0,532	↓	↓
Камчатский край	7	0,551	6	0,565	↑	8	0,543	↓	7	0,543	~	↓
Республика Коми	8	0,548	10	0,549	↑	12	0,523	↓	12	0,510	↓	↓
Сахалинская обл.	9	0,547	7	0,564	↑	7	0,551	↓	5	0,567	↑	↑
Хабаровский край	10	0,546	11	0,544	↓	11	0,524	↓	11	0,524	~	↓
Красноярский край	11	0,532	8	0,554	↑	9	0,534	↓	10	0,527	↓	↓
Респ. Саха (Якутия)	12	0,524	9	0,553	↑	10	0,525	↓	9	0,531	↑	↑
Республика Карелия	13	0,513	13	0,521	↑	13	0,496	↓	14	0,457	↓	↓
Иркутская обл.	14	0,501	14	0,508	↑	14	0,481	↓	13	0,480	↓	↓
Архангельская обл.	15	0,482	12	0,537	↑	15	0,453	↓	15	0,453	~	↓
Республика Тыва	16	0,391	16	0,392	↑	16	0,369	↓	16	0,357	↓	↓

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

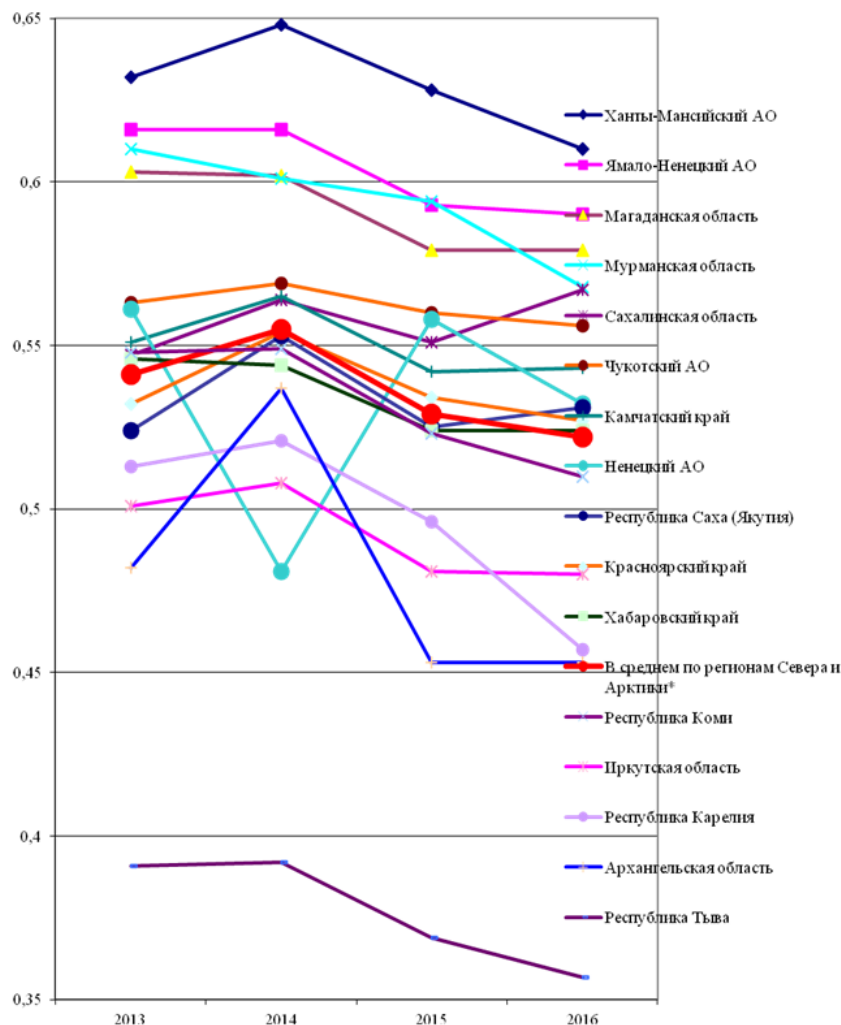

Рис. 2.1. Динамика интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики России (без учета территориально-транспортной доступности) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (по данным на начало года)*

Во-вторых, лишь два региона — Сахалинская область и Республика Саха (Якутия) — демонстрировали рост интегрального индекса в 2016 г. по сравнению с 2013 г., тогда как в остальных регионах Севера и Арктики РФ наблюдалось снижение индекса. Наиболее существенно снизились позиции Республики Коми, переместившейся с 8 места в рейтинге-2013 на 12 место в рейтинге-2016. Лидерами по росту позиций стали Сахалинская область, переместившаяся с 9 на 5 место в рейтинге регионов по уровню социальной устойчивости, и Республика Саха (Якутия), переместившаяся с 12 на 9 место.

*Расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов проведен с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из этих субъектов РФ.

В-третьих, интегральный индекс уровня социальной устойчивости в среднем для территории Севера и Арктики, рассчитанный с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из них, демонстрирует снижение. В 2013 г. средний индекс уровня социальной устойчивости в целом по этой территории составлял 0,541, возрос к 2014 г. до 0,555, а в дальнейшем начал снижаться: в 2015 г. — до 0,529, в 2016 г. — до 0,522.

Лидирующую позицию в рейтинге регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу уровня социальной устойчивости, рассчитанному без учета территориально-транспортной доступности, занимает Ханты-Мансийский АО с индексом 0,610 в 2016 г.

Четыре региона Севера и Арктики России — Республика Карелия, Иркутская и Архангельская области, Республика Тыва — являются аутсайдерами рейтинга-2016, относятся к группе регионов с признаками социальной неустойчивости и имеют интегральные индексы уровня социальной устойчивости в интервале [0,300–0,499].

Расчет интегральных индексов социальной устойчивости без учета территориально-транспортной доступности показал, что ни один регион российского Севера и Арктики в 2013–2016 гг. не являлся социально устойчивым. Все регионы в рейтинге-2016 относятся лишь к двум группам из шести возможных: 1) имеющие признаки социальной устойчивости — 12 из 16 регионов и 2) имеющие признаки социальной неустойчивости — 4 (Республика Тыва и Архангельская область). Число регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, имеет тенденцию к сокращению.

Расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости с учетом территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования показал, что в этом случае оценки устойчивости для всех регионов Севера и Арктики РФ существенно снижаются (табл. 2.2, рис. 2.2).

Расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости с учетом поправочных коэффициентов территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования проводился в соответствии с формулой 13.

$$Y_{ssk}_i = 0,21 \times Y_{sik}_i + 0,19 \times Y_{he}_i + 0,20 \times Y_{ue}_i + 0,22 \times I_{sl}_i + 0,18 \times I_{dr}_i, \quad (13)$$

где Y_{ssk}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере качества жизни; Y_{sik}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости по социальной инфраструктуре с учетом коэффициентов территориально-транспортной доступности услуг здравоохранения и образования; Y_{he}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения; Y_{ue}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере качества городской среды; I_{sl}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в сфере уровня жизни населения; I_{dr}_i — интегральный индекс уровня социальной устойчивости в демографической сфере, все числовые значения — средневзвешенные весовые коэффициенты, рассчитанные на основе весов, определенных группой квалифицированных экспертов для каждого показателя/группы показателей.

Таблица 2.2

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу уровня социальной устойчивости
(с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования) за 2013–2016 гг. (на начало года)

	Позиция в рейтинге 2013	Индекс 2013	Позиция в рейтинге 2014	Индекс 2014	2014/ 2013	Позиция в рейтинге 2015	Индекс 2015	2015/ 2014	Позиция в рейтинге 2016	Индекс 2016	2016/ 2015	2016/ 2013
Ханты-Мансийский АО	1	0,629	1	0,643	↑	1	0,626	↓	1	0,606	↓	↓
Мурманская обл.	2	0,607	3	0,598	↓	2	0,592	↓	3	0,565	↓	↓
Ямало-Ненецкий АО	3	0,605	2	0,607	↑	3	0,584	↓	2	0,586	↑	↓
Магаданская обл.	4	0,561	5	0,559	↓	8	0,506	↓	8	0,499	↓	↓
Ненецкий АО	5	0,554	15	0,470	↓	5	0,544	↑	5	0,510	↓	↓
Сахалинская обл.	6	0,541	4	0,560	↑	4	0,547	↓	4	0,549	↑	↑
Республика Коми	7	0,535	7	0,537	↑	7	0,511	↓	9	0,494	↓	↓
Хабаровский край	8	0,530	8	0,524	↓	9	0,505	↓	7	0,502	↓	↓
Красноярский край	9	0,520	6	0,541	↑	6	0,522	↓	6	0,505	↓	↓
Камчатский край	10	0,502	11	0,506	↑	10	0,476	↓	13	0,453	↓	↓
Республика Карелия	11	0,493	12	0,500	↑	11	0,474	↓	14	0,426	↓	↓
Иркутская обл.	12	0,487	13	0,494	↑	13	0,468	↓	11	0,464	↓	↓
Респ. Саха (Якутия)	13	0,486	10	0,508	↑	14	0,467	↓	10	0,465	↓	↓
Архангельская обл.	14	0,469	9	0,523	↑	15	0,441	↓	15	0,422	↓	↓
Чукотский АО	15	0,467	14	0,475	↑	12	0,469	↓	12	0,458	↓	↓
Республика Тыва	16	0,367	16	0,370	↑	16	0,343	↓	16	0,324	↓	↓

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

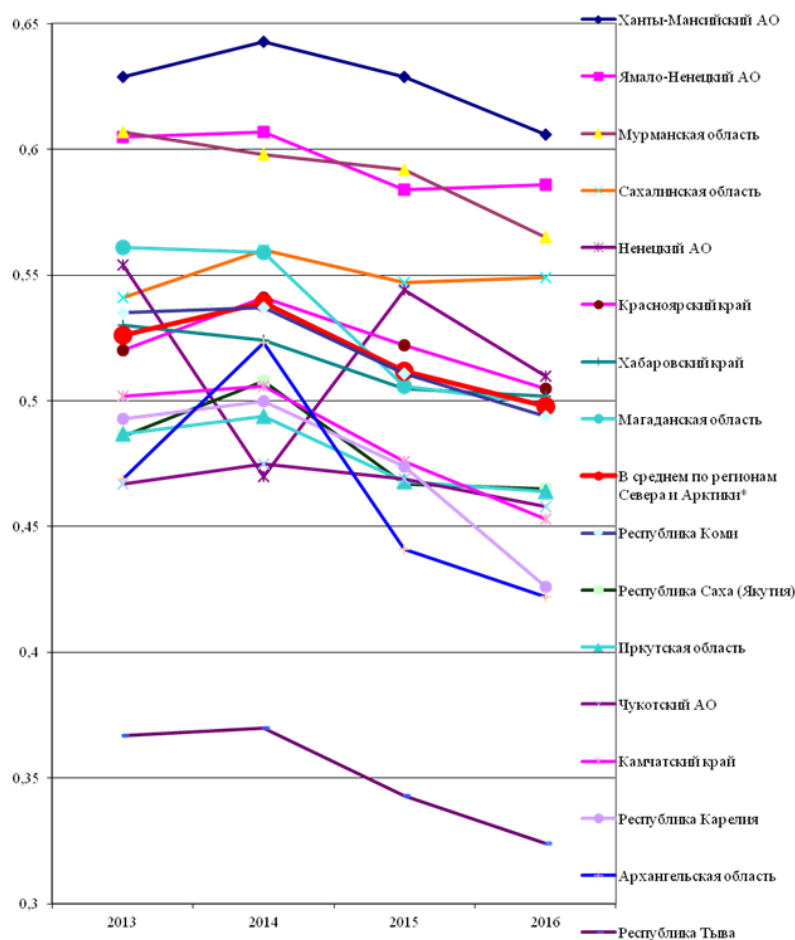

Рис. 2.2. Динамика интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики России (с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (по данным на начало года) **

Расчет интегральных индексов социальной устойчивости регионов Севера и Арктики с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования за 2013, 2014, 2015, 2016 годы показал следующее (табл. 2.2, рис. 2.2).

Во-первых, в данном периоде число регионов с признаками социальной устойчивости сократилось с 10 до 7. Из этой группы «ушли» Магаданская область, Республика Коми, Камчатский край. Они переместились в группу регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, расширив ее с 6-ти до 9-ти регионов. Часть регионов ухудшила позиции в рейтинге по уровню социальной устойчивости.

*Расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов проведен с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из этих субъектов РФ.

Во-вторых, лишь один регион — Сахалинская область — демонстрировал рост интегрального индекса уровня социальной устойчивости в 2013–2016 гг.

В остальных регионах Севера и Арктики РФ наблюдалось его снижение. Лидерами по росту позиций стали Сахалинская область, переместившаяся с 6 на 4 место, и Красноярский край, перешедший с 9 на 6 место (регион улучшил позиции даже на фоне снижения интегрального индекса в течение всего периода). Наиболее существенно ухудшились позиции Магаданской области, переместившейся с 4 места в 2013 г. на 8 место в 2016 г.

В-третьих, лишь 12 из 16 регионов Севера и Арктики демонстрировали рост индекса уровня социальной устойчивости в 2016 г. по сравнению с 2013 г. хотя бы по одному блоку. Лишь 2 региона — Сахалинская область и Красноярский край — показали рост индексов по 3-м блокам; 3 региона — Ненецкий АО, Чукотский АО и Республика Саха (Якутия) — демонстрировали рост по 2-м блокам; в 7 регионах — Иркутской и Магаданской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, Республике Тыва, Камчатском и Хабаровском краях — наблюдался рост лишь по 1-му блоку. В 4-х регионах — Мурманской и Архангельской областях, Республиках Коми и Карелия — ни по одному из блоков увеличения индекса уровня социальной устойчивости в 2016 г. по сравнению с 2013 г. не наблюдалось.

В-четвертых, расчет интегрального индекса уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов РФ, проведенный с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из них, демонстрирует снижение.

В 2013 г. средний индекс уровня социальной устойчивости всей территории Севера и Арктики РФ составлял 0,526, в 2014 г. он возрос до 0,539, а в дальнейшем начал снижаться: в 2015 г. — до 0,512, в 2016 г. — до 0,498. Интегральный индекс, рассчитанный для Севера и Арктики в целом, указывает на появление в 2016 г. признаков социальной неустойчивости этой территории.

В рейтинге регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу уровня социальной устойчивости 2016 г. (табл. 2.2) из 7-ми регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, лидирующие позиции занимает Ханты-Мансийский АО — единственный регион Севера и Арктики, имеющий индекс более 0,600.

Остальные 6 регионов этой группы (ранжированы по убыванию ранга) — Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область, Сахалинская область, Ненецкий АО, Красноярский и Хабаровский край имеют позиции в этой группе с индексами в интервале [0,500–0,599].

Аутсайдерами в рейтинге (это группа регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости) являются 9 регионов (по убыванию ранга) — Магаданская область, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Чукотский АО, Камчатский край, Республика Карелия, Архангельская область и Республика Тыва, имеющие интегральные индексы уровня социальной устойчивости в интервале [0,300–0,499].

На основе расчета интегральных индексов было выполнено картирование регионов Севера и Арктики РФ по уровню и степени социальной устойчивости без учета и с учетом коэффициентов территориальной и транспортной доступности здравоохранения и образования (рис. 2.3 и 2.4).

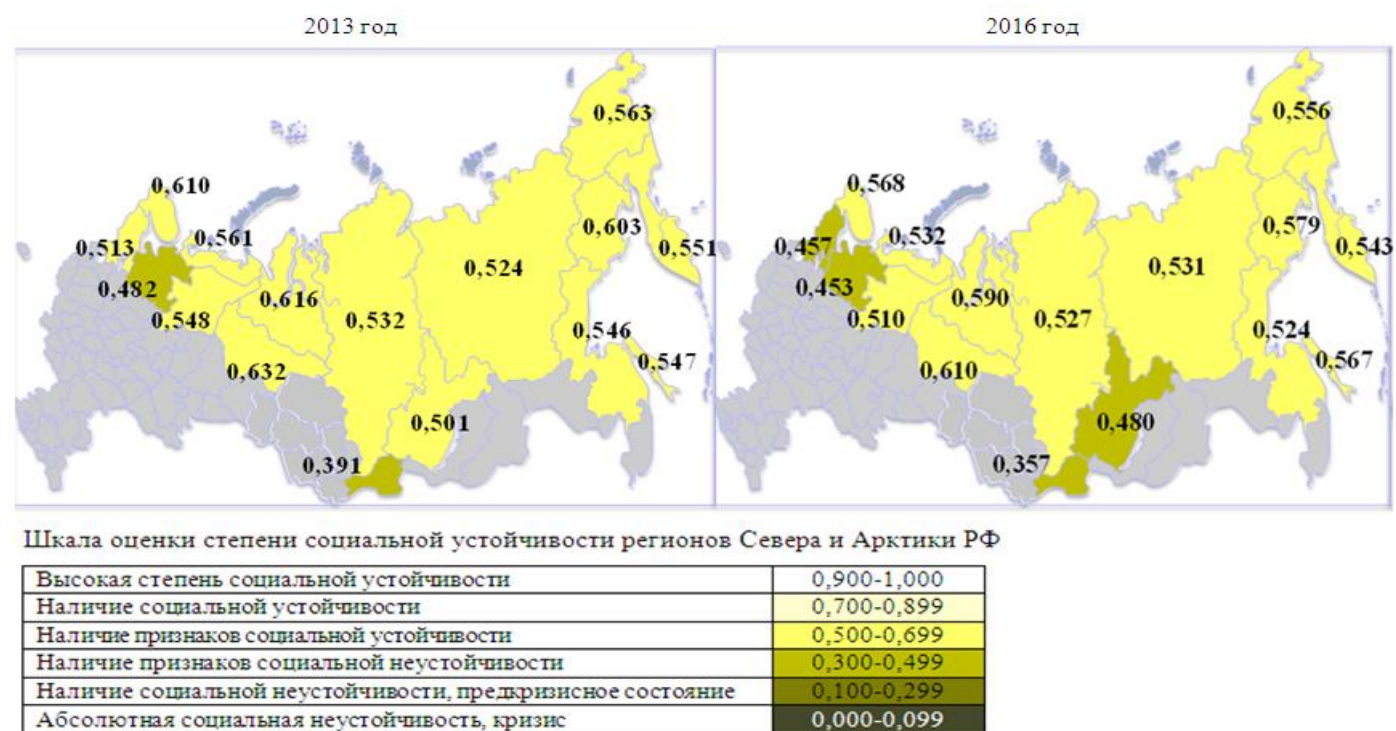
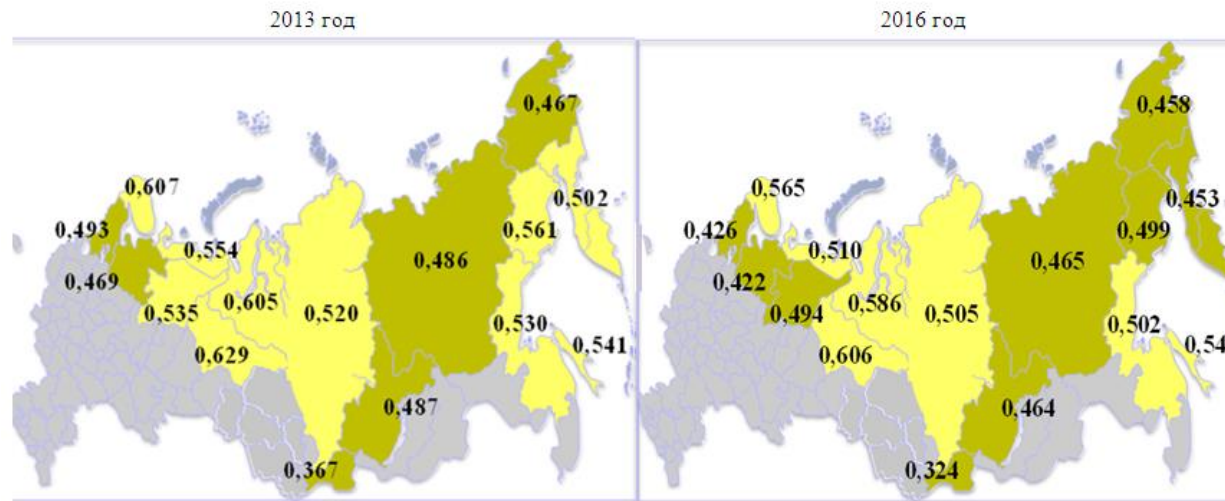

Рис. 2.3. Карта уровня и степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ (без учета коэффициентов территориальной* и транспортной доступности здравоохранения и образования), 2013 г. и 2016 г.

*Коэффициент территориальной доступности предложен для учета возможности получения населением услуг здравоохранения и образования непосредственно в месте проживания (городских округах, городских и сельских поселениях, являющихся муниципальными образованиями)

Шкала оценки степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

Рис. 2.4. Карта уровня и степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ (с учетом коэффициентов территориальной* и транспортной доступности здравоохранения и образования), 2013 г., 2016 г.

*Коэффициент территориальной доступности предложен для учета возможности получения населением услуг здравоохранения и образования непосредственно в месте проживания (городских округах, городских и сельских поселениях, являющихся муниципальными образованиями)

2.2. Анализ социальной устойчивости по регионам и отдельным составляющим

Расчеты индексов социальной устойчивости по ее отдельным составляющим позволили провести нюансированный сравнительный анализ динамики социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ в 2013–2016 гг.

В качестве примера результатов, полученных при расчете индексов уровня устойчивости по отдельным блокам (составляющим социальной устойчивости), в таблицах 2.3, 2.4, 2.5, 2.6 приведены рейтинги регионов Севера и Арктики РФ по индексу уровня социальной устойчивости по отдельным блокам⁷⁵.

Здесь и далее в этом разделе представлены результаты, полученные с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования.

Анализ показал, что неизменным лидером рейтинга регионов Севера и Арктики РФ по уровню социальной устойчивости является **Ханты-Мансийский АО**, занимавший 1 место весь анализируемый период. Однако после роста интегрального индекса в 2014 г. (с 0,629 в 2013 г. до 0,643), регион демонстрирует его снижение: до 0,626 в 2015 г. и до 0,606 в 2016 г. (табл. 2.2).

Регион характеризуется высоким уровнем устойчивости в сфере уровня жизни (4 место в рейтинге-2016 по блоку «уровень жизни» с индексом 0,822). Однако, в связи со снижением индекса уровня социальной устойчивости в этой сфере, он сдал позиции в 2016 г. по сравнению с 2013 г., уступив Сахалинской области (в рейтинге-2013 Ханты-Мансийский АО занимал 3 место по этому блоку с индексом 0,863).

Несмотря на лидирующую позицию (1 место, индекс 0,691 в рейтинге-2016) по уровню социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения положение региона ухудшилось: если в 2013–2015 гг. Ханты-Мансийский АО имел устойчивость в этой сфере (и был единственным регионом Севера и Арктики РФ, относящимся к этой группе), то снижение индекса в 2016 г. привело к изменению степени социальной устойчивости региона по этому блоку с социально устойчивого на «имеющий признаки социальной устойчивости».

В сфере качества городской среды в ХМАО, после роста индекса социальной устойчивости в 2014 г. (индекс составил 0,644), началось постепенное его снижение, наблюдаемое весь дальнейший период. Однако по сравнению с рейтингом-2013 (8 место с индексом 0,607) регион улучшил свои позиции, перейдя на 5 место в рейтинге-2016 по этому блоку (0,635).

Ухудшилось положение региона по уровню социальной устойчивости в демографической сфере. В рейтинге-2013 ХМАО был единственным из рассматриваемых регионов, имеющим признаки устойчивости в этой сфере (1 место с индексом 0,532). Уже в 2014 г. снижение индекса привело к изменению степени социальной устойчивости региона с имеющего признаки социальной устойчивости на «имеющий признаки социальной неустойчивости» в демографической сфере. В дальнейшем тенденция снижения индекса продолжилась, и в рейтинге-2016 ХМАО с индексом 0,477 занял 2 место, уступив Ненецкому АО.

---

⁷⁵Расчеты индексов социальной устойчивости по данным блокам и рейтинги выполнены к.э.н. Е. Е. Торопушиной. Напомним, что определение частных интервалов индексов по анализируемым блокам было проведено на основе экспертной оценки, учитывающей особенности формирования частных индексов социальной устойчивости по отдельным составляющим социальной устойчивости (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу социальной устойчивости и индексы по составляющим социальной устойчивости (с учетом коэффициентов территориальной и транспортной доступности здравоохранения и образования), 2013 г.

	Интегральный индекс социальной устойчивости	Позиция в рейтинге	Индекс устойчивости по социальной инфраструктуре	Индекс устойчивости по уровню жизни населения	Индекс демографической устойчивости	Индекс устойчивости в сфере здоровья и образования	Индекс устойчивости по качеству городской среды
Ханты-Мансийский АО	0,629	1	0,405	0,863	0,532	0,720	0,607
Мурманская область	0,607	2	0,514	0,712	0,360	0,619	0,797
Ямало-Ненецкий АО	0,605	3	0,350	0,951	0,486	0,673	0,542
Магаданская область	0,561	4	0,413	0,796	0,251	0,576	0,723
Ненецкий АО	0,554	5	0,445	0,800	0,458	0,438	0,600
Сахалинская область	0,541	6	0,507	0,754	0,301	0,550	0,555
Республика Коми	0,535	7	0,464	0,657	0,334	0,552	0,644
Хабаровский край	0,530	8	0,520	0,605	0,325	0,587	0,588
Красноярский край	0,520	9	0,411	0,619	0,385	0,557	0,614
Камчатский край	0,502	10	0,289	0,548	0,335	0,583	0,747
Республика Карелия	0,493	11	0,419	0,571	0,342	0,504	0,607
Иркутская область	0,487	12	0,407	0,625	0,313	0,493	0,568
Республика Саха (Якутия)	0,486	13	0,347	0,606	0,368	0,567	0,530
Архангельская область	0,469	14	0,429	0,587	0,359	0,533	0,418
Чукотский АО	0,467	15	0,177	0,898	0,166	0,314	0,712
Республика Тыва	0,367	16	0,309	0,413	0,305	0,412	0,389
Шкала оценки степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ							
Степень социальной устойчивости				Границы интервала индекса			
				Для столбцов 2, 4, 7, 8	Для столбца 5	Для столбца 6	
	Высокая степень социальной устойчивости			0,900-1,000	0,917-1,000	0,850-1,000	
	Наличие социальной устойчивости			0,700-0,899	0,750-0,916	0,700-0,849	
	Наличие признаков социальной устойчивости			0,500-0,699	0,583-0,749	0,530-0,699	
	Наличие признаков социальной неустойчивости			0,300-0,499	0,499-0,582	0,450-0,529	
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние			0,100-0,299	0,333-0,498	0,350-0,449	
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис			0,000-0,099	0,000-0,332	0,000-0,349	

Таблица 2.4

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по интегральному индексу социальной устойчивости и индексы по составляющим социальной устойчивости (с учетом территориальной и транспортной доступности здравоохранения и образования), 2016 г.

	Интегральный индекс социальной устойчивости	Позиция в рейтинге	Индекс устойчивости по социальной инфраструктуре	Индекс устойчивости по уровню жизни населения	Индекс демографической устойчивости	Индекс устойчивости в сфере здоровья и образования	Индекс устойчивости по качеству городской среды
Ханты-Мансийский АО	0,606	1	0,385	0,822	0,477	0,691	0,635
Ямало-Ненецкий АО	0,586	2	0,342	0,914	0,417	0,641	0,576
Мурманская область	0,565	3	0,469	0,696	0,325	0,585	0,723
Сахалинская область	0,549	4	0,415	0,852	0,307	0,547	0,580
Ненецкий АО	0,510	5	0,350	0,714	0,506	0,448	0,520
Красноярский край	0,505	6	0,336	0,631	0,361	0,560	0,623
Хабаровский край	0,502	7	0,395	0,605	0,299	0,633	0,561
Магаданская область	0,499	8	0,186	0,729	0,227	0,630	0,694
Республика Коми	0,494	9	0,427	0,620	0,299	0,502	0,601
Республика Саха (Якутия)	0,465	10	0,207	0,649	0,367	0,590	0,504
Иркутская область	0,464	11	0,365	0,602	0,270	0,458	0,596
Чукотский АО	0,458	12	0,179	0,884	0,197	0,296	0,675
Камчатский край	0,453	13	0,068	0,614	0,299	0,551	0,723
Республика Карелия	0,426	14	0,289	0,511	0,312	0,462	0,547
Архангельская область	0,422	15	0,320	0,547	0,323	0,504	0,404
Республика Тыва	0,324	16	0,264	0,363	0,307	0,376	0,317
Шкала оценки степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ							
Степень социальной устойчивости				Границы интервала индекса			
				Для столбцов 2, 4, 7, 8		Для столбца 5	Для столбца 6
Высокая степень социальной устойчивости				0,900-1,000		0,917-1,000	0,850-1,000
Наличие социальной устойчивости				0,700-0,899		0,750-0,916	0,700-0,849
Наличие признаков социальной устойчивости				0,500-0,699		0,583-0,749	0,530-0,699
Наличие признаков социальной неустойчивости				0,300-0,499		0,499-0,582	0,450-0,529
Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние				0,100-0,299		0,333-0,498	0,350-0,449
Абсолютная социальная неустойчивость, кризис				0,000-0,099		0,000-0,332	0,000-0,349

Таблица 2.5

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по индексу уровня социальной устойчивости по составляющей «социальная инфраструктура» (с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (на начало года)

	Позиция в рейтинге 2013	Индекс 2013	Позиция в рейтинге 2014	Индекс 2014	2014/ 2013	Позиция в рейтинге 2015	Индекс 2015	2015/ 2014	Позиция в рейтинге 2016	Индекс 2016	2016/ 2015	2016/ 2013
Хабаровский край	1	0,520	3	0,465	↓	6	0,419	↓	4	0,395	↓	↓
Мурманская область	2	0,514	1	0,511	↓	1	0,511	~	1	0,469	↓	↓
Сахалинская область	3	0,507	2	0,507	~	2	0,506	↓	3	0,415	↓	↓
Республика Коми	4	0,464	4	0,452	↓	4	0,431	↓	2	0,427	↓	↓
Ненецкий АО	5	0,445	5	0,429	↓	5	0,420	↓	7	0,350	↓	↓
Архангельская область	6	0,429	8	0,403	↓	9	0,362	↓	10	0,320	↓	↓
Республика Карелия	7	0,419	10	0,398	↓	10	0,356	↓	11	0,289	↓	↓
Магаданская область	8	0,413	11	0,387	↓	14	0,208	↓	14	0,186	↓	↓
Красноярский край	9	0,411	7	0,411	~	7	0,418	↑	9	0,336	↓	↓
Иркутская область	10	0,407	9	0,402	↓	8	0,395	↓	6	0,365	↓	↓
Ханты-Мансийский АО	11	0,405	6	0,428	↑	3	0,479	↑	5	0,385	↓	↓
Ямало-Ненецкий АО	12	0,350	12	0,350	~	11	0,349	↓	8	0,342	↓	↓
Респ. Саха (Якутия)	13	0,347	13	0,307	↓	13	0,210	↓	13	0,207	↓	↓
Республика Тыва	14	0,309	14	0,295	↓	12	0,257	↓	12	0,264	↑	↓
Камчатский край	15	0,289	15	0,240	↓	16	0,182	↓	16	0,068	↓	↓
Чукотский АО	16	0,177	16	0,182	↑	15	0,185	↑	15	0,179	↓	↑

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

Таблица 2.6

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по индексу уровня устойчивости в сфере здоровья и образования населения (с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (на начало года)

	Позиция в рейтинге 2013	Индекс 2013	Позиция в рейтинге 2014	Индекс 2014	2014/ 2013	Позиция в рейтинге 2015	Индекс 2015	2015/ 2014	Позиция в рейтинге 2016	Индекс 2016	2016/ 2015	2016/ 2013
Ханты-Мансийский АО	1	0,720	1	0,725	↑	1	0,721	↓	1	0,691	↓	↓
Ямало-Ненецкий АО	2	0,673	2	0,656	↓	2	0,660	↑	2	0,641	↓	↓
Мурманская обл.	3	0,619	3	0,624	↑	3	0,623	↓	6	0,585	↓	↓
Хабаровский край	4	0,587	4	0,619	↑	5	0,619	~	3	0,633	↑	↑
Респ. Саха (Якутия)	5	0,567	9	0,589	↑	7	0,588	↓	5	0,590	↑	↑
Камчатский край	6	0,564	7	0,598	↑	6	0,594	↓	8	0,551	↓	↓
Магаданская обл.	7	0,563	5	0,622	↑	4	0,621	↓	4	0,630	↑	↑
Красноярский край	8	0,557	8	0,593	↑	9	0,574	↓	7	0,560	↓	↑
Республика Коми	9	0,552	11	0,551	↓	11	0,537	↓	11	0,502	↓	↓
Сахалинская обл.	10	0,550	6	0,612	↑	8	0,586	↓	9	0,547	↓	↓
Архангельская обл.	11	0,533	10	0,556	↑	10	0,543	↓	10	0,504	↓	↓
Республика Карелия	12	0,496	12	0,531	↑	12	0,501	↓	12	0,462	↓	↓
Иркутская обл.	13	0,481	13	0,510	↑	13	0,488	↓	13	0,458	↓	↓
Ненецкий АО	14	0,438	14	0,449	↑	14	0,476	↑	14	0,448	↓	↑
Республика Тыва	15	0,401	15	0,443	↑	15	0,422	↓	15	0,376	↓	↓
Чукотский АО	16	0,314	16	0,367	↑	16	0,304	↓	16	0,296	↓	↓

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

Таблица 2.7

Рейтинг регионов Севера и Арктики РФ по индексу уровня устойчивости в сфере качества городской среды (с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования) за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. (на начало года)

	Позиция в рейтинге 2013	Индекс 2013	Позиция в рейтинге 2014	Индекс 2014	2014/ 2013	Позиция в рейтинге 2015	Индекс 2015	2015/ 2014	Позиция в рейтинге 2016	Индекс 2016	2016/ 2015	2016/ 2013
Мурманская обл.	1	0,797	1	0,831	↑	1	0,810	↓	1-2	0,723	↓	↓
Камчатский край	2	0,747	2	0,759	↑	2	0,758	↓	1-2	0,723	↓	↓
Магаданская обл.	3	0,723	3	0,753	↑	3	0,746	↓	3	0,694	↓	↓
Чукотский АО	4	0,712	4	0,736	↑	4	0,710	↓	4	0,675	↓	↓
Республика Коми	5	0,644	5	0,646	↑	5	0,672	↑	7	0,601	↓	↓
Красноярский край	6	0,614	7	0,643	↑	7	0,646	↑	6	0,623	↓	↑
Республика Карелия	7	0,607	8	0,641	↑	6	0,649	↑	12	0,547	↓	↓
Ханты-Мансийский АО	8	0,607	6	0,644	↑	9	0,639	↓	5	0,635	↓	↑
Ненецкий АО	9	0,600	10	0,611	↑	8	0,642	↑	13	0,520	↓	↓
Хабаровский край	10	0,588	12	0,577	↓	12	0,590	↑	11	0,561	↓	↓
Иркутская обл.	11	0,568	9	0,616	↑	10	0,613	↓	8	0,596	↓	↑
Сахалинская обл.	12	0,555	13	0,564	↑	13	0,560	↓	9	0,580	↑	↑
Ямало-Ненецкий АО	13	0,542	11	0,583	↑	11	0,592	↑	10	0,576	↓	↑
Респ. Саха (Якутия)	14	0,530	14	0,550	↑	14	0,559	↑	14	0,504	↓	↓
Архангельская обл.	15	0,418	15	0,447	↑	15	0,443	↓	15	0,404	↓	↓
Республика Тыва	16	0,389	16	0,405	↑	16	0,437	↑	16	0,317	↓	↓

Шкала оценки степени устойчивости регионов Севера и Арктики РФ

	Степень социальной устойчивости	Границы интервала индекса
	Высокая степень социальной устойчивости	0,900-1,000
	Наличие социальной устойчивости	0,700-0,899
	Наличие признаков социальной устойчивости	0,500-0,699
	Наличие признаков социальной неустойчивости	0,300-0,499
	Наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние	0,100-0,299
	Абсолютная социальная неустойчивость, кризис	0,000-0,099

По индексу уровня социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура» после роста индекса в 2013–2015 гг. (с 0,405 в 2013 г. до 0,479 в 2015 г.) он снизился до 0,385 в 2016 г. Однако такое снижение индекса не помешало региону перейти с 11 места в рейтинге-2013 на 5 место в рейтинге-2016 по этому блоку.

Второе место по уровню социальной устойчивости принадлежит **Ямало-Ненецкому АО**. По сравнению с 2013 г. интегральный индекс снизился и в 2016 г. составил 0,586 (в 2013 г. — 0,605). Однако такое снижение не помешало ЯНАО занять более высокую позицию по сравнению с рейтингом-2013, где он имел 3 место (2 место занимала Мурманская область) (табл. 2.2).

Несмотря на лидирующую позицию (1 место, индекс 0,914 в рейтинге-2016) по уровню социальной устойчивости в сфере уровня жизни положение региона немного ухудшилось. В 2013–2014 гг. Ямало-Ненецкий АО был единственным регионом Севера и Арктики РФ с высокой степенью устойчивости в этой сфере. Снижение индекса в 2015 г. привело к изменению степени социальной устойчивости региона на «социально устойчивый» и, несмотря на рост индекса в 2016 г., ЯНАО остался в этой группе регионов.

По уровню социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения положение региона ухудшилось, несмотря на высокую позицию — 2 место с индексом 0,641 в рейтинге-2016 (в рейтинге-2013 ЯНАО также занимал 2 место, но с более высоким значением индекса — 0,673).

ЯНАО — один из 5 регионов, демонстрирующих рост индекса уровня социальной устойчивости в сфере качества городской среды по сравнению с 2013 г. Весь период регион находится в группе с признаками социальной устойчивости в этой сфере.

Ухудшилось положение региона по уровню социальной устойчивости в демографической сфере. В 2016 г. Ямало-Ненецкий АО перешел из группы регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, в группу социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии. В 2016 г. регион занял 3 место в рейтинге по этому блоку, уступив Ханты-Мансийскому АО.

По уровню социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура» ЯНАО весь период демонстрирует снижение индекса (с 0,350 в 2013 г. до 0,342 в 2016 г.) и входит в группу регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости в этой сфере.

Третье место принадлежит **Мурманской области** (индекс 0,565 в 2016 г.). С одной стороны, область — единственный регион Севера и Арктики РФ, где наблюдается относительно равномерное развитие всех основных составляющих социальной устойчивости, что позитивно. С другой стороны, весь период регион демонстрирует снижение интегрального индекса уровня социальной устойчивости (0,607 в 2013 г.). Он снизил свои позиции в рейтинге, перейдя со 2-го (2013 г.) на 3-е место (2016 г.) (табл. 2.2).

По блоку «качество городской среды», Мурманская область характеризуется наличием устойчивости в этой сфере, деля 1 место в рейтинге-2016 с Камчатской областью (единственные социально устойчивые регионы в этой сфере среди регионов Севера и Арктики РФ). Однако по сравнению с 2013 г. индекс снизился и составил в 2016 г. 0,723 (в 2013 г. — 0,797).

По блоку «уровень жизни» Мурманская область сохранила 7 место в рейтинге без изменений, несмотря на небольшое снижение индекса (с 0,712

в 2013 г. до 0,696 в 2016 г.), и продолжает оставаться в группе регионов, имеющих признаки социальной устойчивости в этой сфере.

Ухудшилось положение региона по индексу уровня социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения: область переместилась с 3 в рейтинге-2013 на 6 место в рейтинге-2016, индекс за этот период снизился с 0,619 до 0,585.

Несмотря на лидирующую позицию (1 место, индекс 0,469 в 2016 г.) по уровню социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура», положение региона ухудшилось. Если в 2013–2015 гг. Мурманская область имела здесь признаки социальной устойчивости, то снижение индекса в 2016 г. привело к изменению степени социальной устойчивости региона на «имеющий признаки социальной неустойчивости» в этой сфере.

Ухудшилось положение региона по уровню социальной устойчивости и в демографической сфере: снижение индекса наблюдалось весь период, в 2014 г. Мурманская область перешла из группы регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, в группу социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии, и до сих пор относится к ней.

Сахалинская область (4 место в рейтинге-2016) — единственный регион, демонстрирующий рост интегрального индекса уровня социальной устойчивости в 2013–2016 гг. (табл. 2.2). Сахалинская область — один из двух регионов (вместе с Красноярским краем), демонстрирующих рост индексов уровней социальной устойчивости по трем блокам.

Регион значительно улучшил позиции в сфере уровня жизни населения, перейдя с 6 на 3 место в рейтинге. Рост индекса с 0,754 (2013 г.) до 0,852 (2016 г.) позволил Сахалинской области стать регионом с высокой степенью социальной устойчивости в этой сфере.

Улучшились позиции региона в сфере качества городской среды — за счет роста индекса с 0,555 (2013 г.) до 0,580 (2016 г.) Сахалинская область переместилась с 12 места в рейтинге-2013 на 9 место в рейтинге-2016 по этому блоку.

В сфере здоровья и образования населения наблюдается незначительное ухудшение положения: индекс снизился с 0,550 в 2013 г. до 0,547 в 2016 г.

Несмотря на рост индекса уровня социальной устойчивости в демографической сфере (с 0,301 в 2013 г. до 0,307 в 2016 г.), Сахалинская область остается регионом с абсолютной социальной неустойчивостью (кризисом) в этой сфере.

Ухудшилось положение региона по индексу уровня социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура»: индекс снизился с 0,507 в 2013 г. до 0,415 в 2016 г., что привело к изменению степени социальной устойчивости региона на «имеющий признаки социальной неустойчивости» (в 2013–2015 гг. Сахалинская область относилась к регионам, имеющим признаки социальной устойчивости по этому блоку).

Пятое место в рейтинге-2016 занимает **Ненецкий АО**, оставшийся на своей позиции (в рейтинге-2013 также 5 место), но демонстрирующий снижение интегрального индекса уровня социальной устойчивости с 0,554 до 0,510 (табл. 2.2). Особенностью региона является резкое снижение интегрального индекса в 2014 г. (до 0,470), отбросившее его в рейтинге-2014 на 15 (предпоследнее) место среди регионов Севера и Арктики.

Основные причины, обусловившие такое падение, заключаются в следующем: во-первых, произошло снижение в 2014 г. индекса уровня

социальной устойчивости в демографической сфере (с 0,458 в 2013 г. до 0,330 в 2014 г.). В последующие годы в этой сфере наблюдался рост устойчивости, и в рейтинге-2016 НАО занимал уже 1 место с индексом 0,506.

Во-вторых, в 2014 г. произошло снижение индекса уровня социальной устойчивости в сфере уровня жизни (с 0,800 в 2013 г. до 0,518 в 2014 г.). В последующие годы в этой сфере также наблюдался рост устойчивости, и в 2016 г. индекс составил 0,714.

Позиция региона в рейтинге по уровню социальной устойчивости в сфере здоровья и образования осталась неизменной — 14 место весь период. В 2014–2015 гг. по этому блоку для НАО был характерен рост индекса (с 0,438 в 2013 г. до 0,476 в 2015 г.) с последующим снижением до 0,448 в 2016 г. Аналогичная динамика наблюдается и в сфере качества городской среды — рост в 2014–2015 гг. и снижение в 2016 г.

Ухудшилось положение региона по уровню устойчивости по блоку «социальная инфраструктура» — снижение индекса наблюдалось весь период.

Красноярский край, занимающий 6 место в рейтинге-2016, после роста интегрального индекса в 2014 г. (с 0,520 в 2013 г. до 0,541 в 2014 г.) демонстрирует его снижение (до 0,522 в 2015 г. и 0,505 в 2016 г.) и в 2016 г. имел пограничное (близкое к появлению признаков социальной неустойчивости) значение интегрального индекса уровня социальной устойчивости (табл. 2.2). Однако такое снижение индекса не помешало региону улучшить свою позицию в рейтинге, подняться с 9 места в 2013 г. на 6 в 2014 г. и остаться на нем в последующие годы.

Красноярский край является одним из 2-х регионов (наравне с Сахалинской областью), демонстрирующих рост индексов уровней социальной устойчивости по трем блокам. Красноярский край — один из 4-х регионов Севера и Арктики РФ, демонстрирующих рост индекса в сфере уровня жизни (с 0,619 в 2013 г. до 0,631 в 2016 г.); одним из 5-ти регионов, имеющих рост индекса в сфере здоровья и образования (с 0,557 в 2013 г. до 0,560 в 2016 г.); одним из 5-ти регионов, демонстрирующих рост индекса в сфере качества городской среды (с 0,614 в 2013 г. до 0,623 в 2016 г.).

Ухудшилось положение региона в демографической сфере — индекс уровня социальной устойчивости по этому блоку снизился с 0,385 в 2013 г. до 0,361 в 2016 г. Красноярский край по этому показателю продолжает находиться в группе социально неустойчивых регионов с предкризисным состоянием.

Ухудшилась ситуация по индексу уровня социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура» — индекс снизился с 0,411 в 2013 г. до 0,336 в 2016 г. Однако такое снижение не помешало региону сохранить 9 место в рейтинге.

Два региона — **Хабаровский край и Магаданская область** — также имеют пограничные (близкие к появлению признаков социальной неустойчивости) значения интегрального индекса уровня социальной устойчивости (0,502 и 0,499 в 2016 г.). Оба региона демонстрировали весь период снижение интегрального индекса уровня социальной устойчивости (в Хабаровском крае — с 0,530 в 2013 г. до 0,502 в 2016 г.; в Магаданской области — с 0,561 до 0,499) (табл. 2.2).

Оба региона весь период имеют абсолютную неустойчивость в демографической сфере. Ухудшилось положение регионов по индексу уровня социальной устойчивости в сфере качества городской среды. Оба демонстрируют значительное ухудшение ситуации по блоку «социальная инфраструктура».

Хабаровский край с 1 места рейтинга-2013 по индексу уровня социальной устойчивости в этой сфере переместился на 4 место в рейтинге-2016, индекс снизился с 0,520 до 0,395. Это привело к изменению степени социальной устойчивости региона на «имеющий признаки социальной неустойчивости». Магаданская область, с резким снижением индекса с 0,413 в 2013 г. до 0,186 в 2016 г., переместилась с 8 на 14 место, и перешла из группы имеющих признаки социальной неустойчивости в группу социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии.

Положительная динамика наблюдалась в сфере здоровья и образования населения — оба региона демонстрировали рост индексов уровня социальной устойчивости. В Хабаровском крае индекс по этому блоку вырос с 0,587 в 2013 г. до 0,633 в 2016 г. (3 место); в Магаданской области — с 0,563 в 2013 г. до 0,630 в 2016 г. (4 место).

По блоку «уровень жизни» Хабаровский край сохранил 12 позицию в рейтинге, остался с неизменным индексом (0,605 в 2013 и 2016 гг.) и продолжает относиться в группе регионов, имеющих признаки социальной устойчивости в этой сфере. Магаданская область сохранила 5 место в рейтинге без изменений, несмотря на снижение индекса (с 0,796 в 2013 г. до 0,729 в 2016 г.), но произошло изменение степени социальной устойчивости региона — из социально устойчивого он превратился в «имеющий признаки социальной устойчивости».

В группе аутсайдеров в 7-ми из 9-ти регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, — **в Республике Коми, Республике Саха (Якутия), Иркутской области, Чукотском АО, Камчатском крае, Республике Карелия, Архангельской области** (9–15 места в рейтинге-2016) — наблюдается общая картина, характеризующаяся предкризисной ситуацией или кризисом в демографической сфере и состоянием неустойчивости, предкризисным состоянием или абсолютной неустойчивостью по социальной инфраструктуре.

В 2016 г. по сравнению с 2013 г. в большинстве регионов произошло снижение индексов по большинству блоков, а в Республиках Коми, Карелия, Архангельской области — по всем.

В **Республике Коми** в течение всего исследуемого периода снижались индексы уровня социальной устойчивости по социальной инфраструктуре и в сфере здоровья и образования населения. В **Чукотском АО** снижение индекса уровня социальной устойчивости в сфере здоровья и образования населения привело к изменению степени социальной устойчивости региона в этой сфере с «имеющего признаки социальной неустойчивости» на «социально неустойчивый, в предкризисном состоянии».

В **Республике Саха (Якутия) и Республике Карелия** в течение всего периода снижались индексы уровня социальной устойчивости по блоку «социальная инфраструктура», что привело к изменению степени социальной устойчивости регионов в этой сфере с «имеющего признаки социальной неустойчивости» на «социально неустойчивый в предкризисном состоянии». В **Камчатском крае** аналогичная тенденция снижения индекса привела к переходу региона из группы социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии в группу с абсолютной социальной неустойчивостью по этому блоку.

В **Иркутской и Архангельской областях** весь период снижались индексы уровня социальной устойчивости в демографической сфере и по социальной инфраструктуре. В Архангельской области это привело к переходу региона из группы социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии в группу

с абсолютной социальной неустойчивостью по демографии и к переходу из группы регионов с признаками социальной неустойчивости в группу регионов с наличием социальной неустойчивости, предкризисным состоянием по блоку «социальная инфраструктура».

Рост индекса уровня социальной устойчивости в сфере здоровья и образования и уровня жизни населения Республики Саха (Якутия), рост индекса в сфере качества городской среды Иркутской области, рост индекса в демографической сфере и высокое 2 место в рейтинге регионов по индексу уровня социальной устойчивости в сфере уровня жизни населения Чукотского АО, рост индекса в сфере уровня жизни и высокое 1 место в рейтинге регионов по индексу уровня устойчивости в сфере качества городской среды Камчатского края нивелируются указанными проблемами. Это не позволяет этим регионам в целом достичь социальной устойчивости и занять более высокие места в рейтинге.

Самый низкий индекс уровня социальной устойчивости и последнее место в рейтинге весь период демонстрирует **Республика Тыва**. После незначительного роста интегрального индекса уровня социальной устойчивости в 2014 г. — с 0,367 в 2013 г. до 0,370 в 2014 г. — наблюдается его снижение. В 2015 г. индекс снизился до 0,343, а в 2016 г. — до 0,324 (табл. 2.2). По большинству рассмотренных показателей регион занимает в рейтинге последние места.

Находясь в группе регионов с признаками социальной неустойчивости в сфере здоровья и образования населения и в сфере качества городской среды, Республика Тыва демонстрирует снижение индексов: по блоку «здоровье и образование населения» с 0,401 в 2013 г. до 0,376 в 2016 г.; по блоку «качество городской среды» — с 0,389 в 2013 г. до 0,317 в 2016 г.

Ухудшилось положение региона по уровню социальной устойчивости по социальной инфраструктуре: снижение индекса (с 0,309 в 2013 г. до 0,295 в 2014 г., а затем до 0,264 в 2016 г.) обусловило переход Республики Тыва из группы регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, в группу социально неустойчивых регионов в предкризисном состоянии по этому блоку.

По блоку «уровень жизни» наблюдались следующие тенденции: в 2013–2015 гг. снижение индекса уровня социальной устойчивости в этой сфере (с 0,413 в 2013 г. до 0,410 в 2014 г. и до 0,314 в 2015 г.) привело к переходу Тывы из группы регионов, имеющих предкризисное состояние, в группу с абсолютной социальной неустойчивостью по этой составляющей. Незначительный рост индекса в 2016 г. (до 0,363) вновь изменил степень социальной устойчивости региона на «социально неустойчивый, в предкризисном состоянии».

В демографической сфере наблюдались незначительные изменения — небольшое снижение индекса уровня социальной устойчивости с 0,305 в 2013 г. до 0,296 в 2014 г. и в 2015 г., а затем незначительный рост до 0,307 в 2016 г. По индексу уровня социальной устойчивости в демографической сфере Республика Тыва является социально неустойчивым регионом в предкризисном состоянии.

Таким образом, расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости регионов Севера и Арктики за 2013–2016 гг. с учетом территориально-транспортной доступности здравоохранения и образования показал:

- с учетом транспортной и территориальной (означающей возможность получать услуги по месту жительства) доступности услуг здравоохранения и образования оценки социальной устойчивости заметно снижаются для всех регионов Севера и Арктики;

- весь период ни один из регионов Севера и Арктики РФ не характеризовался наличием социальной устойчивости. По интегральному индексу уровня социальной устойчивости регионы относятся к двум группам из шести возможных: 1) имеющие признаки социальной устойчивости и 2) имеющие признаки социальной неустойчивости;

- число регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, сократилось с 10 в 2013 г. до 7 в 2016 г. Магаданская область, Республика Коми и Камчатский край переместились в группу регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости, увеличив число регионов в этой группе с 6 в 2013 до 9 в 2016;

- ранжирование регионов по интегральному индексу социальной устойчивости показало, что лидером рейтинга является Ханты-Мансийский АО — единственный регион рейтинга-2015 и рейтинга-2016, имеющий индекс более 0,600 (в 2013 г. таких регионов было 4, в 2014 г. — 3);

- рост интегрального индекса уровня социальной устойчивости в 2016 г. по сравнению с 2013 г. демонстрировал лишь один регион — Сахалинская область, в остальных регионах Севера и Арктики РФ наблюдалось снижение индекса;

- лидерами по росту позиций стала Сахалинская область, переместившаяся с 6 на 4 место в рейтинге, и Красноярский край, переместившийся с 9 на 6 место (регион улучшил свои позиции даже на фоне снижения интегрального индекса в течение всего периода). Наиболее существенно ухудшились позиции Магаданской области, переместившейся с 4 места в рейтинге-2013 на 8 место в рейтинге-2016;

- лишь 2 региона — Сахалинская область и Красноярский край — показали рост индексов по 3-м направлениям. В 4-х регионах — Мурманской и Архангельской областях, Республиках Коми и Карелия — ни по одному из рассматриваемых блоков роста индекса уровня социальной устойчивости в 2016 г. по сравнению с 2013 г. не наблюдалось;

- после незначительного роста интегрального индекса уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов России (расчет с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из этих субъектов РФ) в 2014 г. произошло его снижение.

В 2016 г. интегральный индекс, рассчитанный для Севера и Арктики РФ в целом, указывает на появление признаков социальной неустойчивости всей этой территории, в то время как в период 2013–2015 гг. эта территория в целом имела признаки социальной устойчивости.

2.3. Приоритеты достижения социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ на среднесрочную перспективу

Проведенная оценка уровня и степени социальной устойчивости позволяет выявить пространственные (в разрезе регионов) и проблемные (с точки зрения остроты проблем, по составляющим социальной устойчивости) приоритеты ее достижения на Севере и в Арктике Российской Федерации, дает информацию для определения главных направлений управляющего воздействия в регионах в среднесрочной перспективе (в государственном стратегическом планировании РФ это период, следующий за текущим годом, продолжительностью 3–6 лет).

В соответствии со значениями индексов уровня социальной устойчивости и результатами их соотнесения со шкалой устойчивости, мы разделили регионы Севера и Арктики РФ на категории по принципу «сигнальных огней светофора». Регионы, по которым значения индекса указывают на области устойчивости, отнесены к «красной зоне». Сюда попадают регионы со значением индекса [0,300-0,499] — аутсайдеры в рейтинге по данному индексу, находящиеся в группе имеющих признаки социальной неустойчивости. Это пространственные «болевы точки» Севера и Арктики РФ с точки зрения социальной устойчивости. Эти регионы следует рассматривать в качестве пространственных приоритетов достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ. В них необходимы активные дополнительные меры социальной политики, направленные на решение социальных проблем и повышение социальной устойчивости.

Расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости за 2013, 2014, 2015, 2016 годы показал, что «красная зона» пространственных приоритетов достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ к 2014 г. сузилась с 6 до 4 регионов, однако в последующие годы ситуация ухудшилась и группа регионов, относящихся к «красной зоне», расширилась с 6 до 9 (рис. 2.5).

В 2016 г. в «красную зону» попадают (ранжированы по степени приоритетности): Республика Тыва, Архангельская область, Республика Карелия, Камчатский край, Чукотский АО, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Республика Коми и Магаданская область.

Регионы, по которым значения интегрального индекса указывают на наличие признаков социальной устойчивости, отнесены к «желтой зоне». Здесь дополнительные меры социальной политики также нужны, но их приоритетность ниже. В эту зону попадают регионы, со значением индекса [0,500-0,699]. Это (по приоритетности, 2016 г.): Хабаровский край, Красноярский край, Ненецкий АО, Сахалинская область, Мурманская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО.

Если значения индекса указывают на область «социальная устойчивость», регион относится к «зеленой зоне», что означает благополучную ситуацию и отсутствие необходимости принятия дополнительных мер. По нашим оценкам, ни один регион Севера и Арктики РФ не характеризовался наличием социальной устойчивости и не попадал в благополучную «зеленую зону» за весь рассматриваемый период.

Интегральный индекс уровня социальной устойчивости, рассчитанный для Севера и Арктики РФ в целом, равный 0,526 в 2013 г., после роста в 2014 г. до 0,539, снизился в 2015 г. до 0,512. В 2016 г. произошло его дальнейшее снижение до 0,498 (рис. 2.6).

Таким образом, степень социальной устойчивости Севера и Арктики РФ как единого макрорегиона в 2013–2016 гг. снизилась — если в начале анализируемого периода эта территория имела признаки социальной устойчивости, то к его концу она стала иметь признаки социальной неустойчивости.

Такое снижение индекса дает сигнал о серьезной необходимости повышения внимания к вопросам реализации социальной политики на всей территории Севера и Арктики России и принятия дополнительных мер в этой сфере.

Область устойчивости	Рейтинг-2013	Рейтинг-2014	Рейтинг-2015	Рейтинг-2016
Зона социальной неустойчивости: необходимы активные меры социальной политики	Республика Тыва Чукотский АО Архангельская обл. Респ. Саха (Якутия) Иркутская обл. Респ. Карелия	Республика Тыва Ненецкий АО Чукотский АО Иркутская обл.	Республика Тыва Архангельская обл. Респ. Саха (Якутия) Иркутская обл. Чукотский АО Респ. Карелия Камчатский край	Республика Тыва Архангельская обл. Респ. Карелия, Камчатский край, Чукотский АО Иркутская область Респ. Саха (Якутия) Республика Коми Магаданская обл.
Зона «наличие признаков социальной устойчивости»: необходимы дополнительные меры социальной политики	Камчатский край Красноярский, Хабаровский край, Респ. Коми Сахалинская обл. Ненецкий АО, Магаданская обл., Ямало-Ненецкий АО Мурманская обл. Ханты-Мансийский АО	Респ. Карелия Камчатский край, Респ. Саха (Якутия), Архангельская обл., Хабаровский край, Респ. Коми, Красноярский край, Магаданская обл., Сахалинская обл. Мурманская обл. ЯНАО, ХМАО	Хабаровский край Магаданская обл. Респ. Коми, Красноярский край, Ненецкий АО Сахалинская область Ямало-Ненецкий АО Мурманская область Ханты-Мансийский АО	Хабаровский край Красноярский край Ненецкий АО Сахалинская область Мурманская область Ямало-Ненецкий АО Ханты-Мансийский АО
Зона социальной устойчивости: дополнительные меры социальной политики не требуются				

Рис. 2.5. Пространственные приоритеты достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ

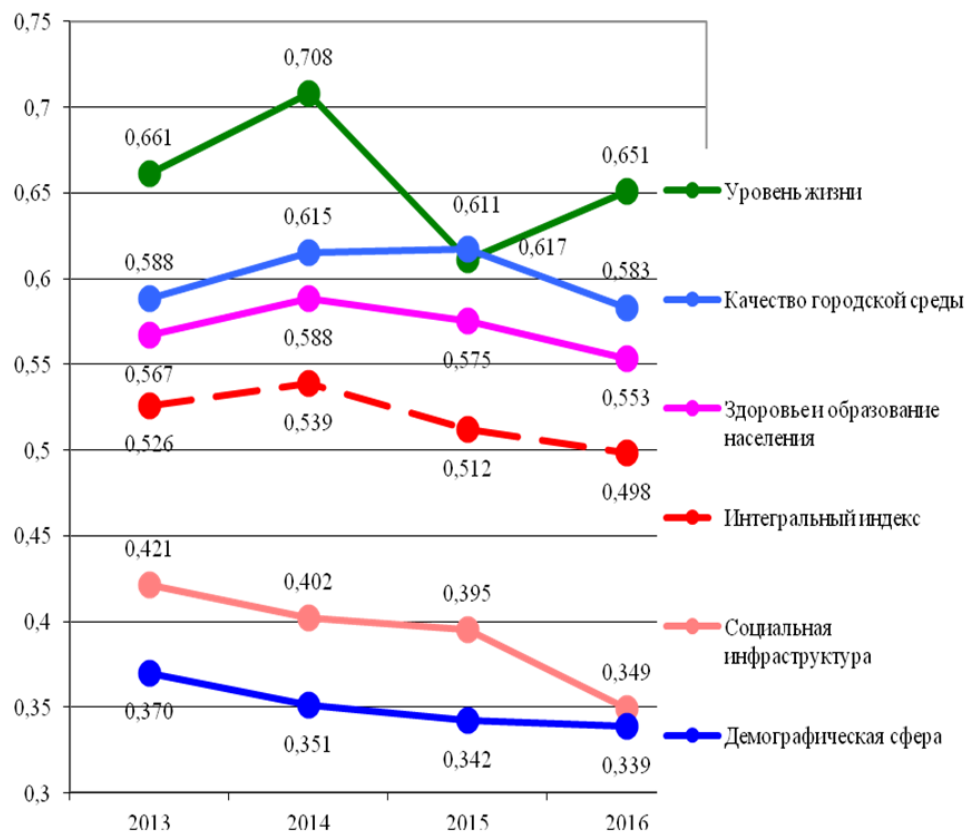

Рис. 2.6. Динамика индексов уровня социальной устойчивости в среднем для регионов Севера и Арктики России за 2013, 2014, 2015, 2016 гг. с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из субъектов РФ (по данным на начало года)

На основе расчета частных индексов уровня социальной устойчивости в среднем для северных и арктических регионов по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования населения», «качество городской среды», «уровень жизни», «демографическое развитие» были определены проблемные приоритеты достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ в разрезе данных составляющих устойчивости.

В соответствии со значениями индексов и шкалой устойчивости, проблемы были проранжированы и также разделены на категории по принципу «светофора». Те проблемы, по которым значения индекса в целом для Севера и Арктики по шкале устойчивости указывают на области «кризис [0,000–0,099], предкризисное состояние, наличие социальной неустойчивости [0,100–0,299], наличие признаков социальной неустойчивости [0,300–0,499]», отнесены к «красной зоне» (рис. 2.7).

В целом для Севера и Арктики РФ (рис. 2.6, рис. 2.7) весь период в «красную зону» попадают две проблемы — демографическое развитие и состояние социальной инфраструктуры.

Область устойчивости	Рейтинг-2013	Рейтинг-2014	Рейтинг-2015	Рейтинг-2016
Зона социальной неустойчивости: необходимы активные меры социальной политики	Демографическое развитие Социальная инфраструктура	Демографическое развитие Социальная инфраструктура	Демографическое развитие Социальная инфраструктура	Демографическое развитие Социальная инфраструктура
Зона «наличие признаков социальной устойчивости»: необходимы дополнительные меры социальной политики	Уровень здоровья и образования Качество городской среды Уровень жизни	Уровень здоровья и образования Качество городской среды	Уровень здоровья и образования Уровень жизни Качество городской среды	Уровень здоровья и образования Качество городской среды Уровень жизни
Зона социальной устойчивости: дополнительные меры социальной политики не требуются		Уровень жизни		

Рис. 2.7. Проблемные приоритеты достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ

На первом месте по приоритетности — **демография**. Индекс по этой составляющей устойчивости в среднем по Северу и Арктике в 2016 г. составил 0,339, что соответствует предкризисному состоянию всей территории в этой сфере. Для демографической сферы весь рассматриваемый период была характерна тенденция снижения индекса: в 2013 г. индекс был равен 0,370, в 2014 г. — 0,351, в 2015 г. — 0,342. Демографическая сфера является наиболее приоритетной и требует первоочередных активных дополнительных мер социальной политики во всех регионах Севера и Арктики РФ.

На втором месте по приоритетности в «красной зоне» — состояние **социальной инфраструктуры**. В среднем по Северу и Арктике в 2016 г. индекс уровня устойчивости по этой сфере составил 0,349. Это определяет территорию в целом как имеющую признаки социальной неустойчивости по этой составляющей. Как и по блоку «демографическое развитие» в этой сфере наблюдается негативная тенденция снижения индекса уровня устойчивости весь рассматриваемый период: в 2013 г. индекс составил 0,421, в 2014 г. — 0,402, в 2015 г. — 0,395, в 2016 г. — 0,349.

Проблемы, по которым значения интегрального индекса указывают на область «наличие признаков социальной устойчивости», отнесены к «желтой зоне». Сюда попадают 3 проблемы — уровень здоровья и образования населения, качество городской среды и уровень жизни населения. По этим составляющим наблюдаются признаки социальной устойчивости, поэтому эти проблемы мы относим в «желтую зону», где меры нужны, но их приоритетность ниже.

Третье место в ряду проблемных приоритетов для Севера и Арктики РФ после демографии и социальной инфраструктуры занимает **уровень здоровья и образования населения**. После незначительного роста индекса в 2014 г. (до 0,588) по сравнению с 2013 г. (0,567), началось его снижение. В 2015 г. индекс опустился до 0,575, а в 2016 г. индекс уровня устойчивости по этому блоку снизился до 0,553, т.е. ниже уровня 2013 г.

На четвертом месте по приоритетности — **качество городской среды**. В среднем по Северу и Арктике индекс уровня устойчивости в этой сфере составил 0,583 (2016 г.), что определяет территорию в целом как имеющую признаки социальной устойчивости по этой составляющей. В 2014–2015 гг. уровень устойчивости по этому блоку вырос: с 0,588 в 2013 г. до 0,615 в 2014 г. и до 0,617 в 2015 г. (в 2015 г. индекс уровня устойчивости по этому направлению находился на первом месте среди всех анализируемых составляющих, опережая, в том числе, и уровень жизни). Однако в 2016 г. индекс упал до значения ниже достигнутого в 2013 г.

Пятое место в ряду проблемных приоритетов для Севера и Арктики РФ занимает **уровень жизни населения**. По сравнению с 2013 г. индекс вырос с 0,661 (2013 г.) до 0,708 (2014 г.), что позволило отнести данное направление к зоне социальной устойчивости, т.е. по уровню жизни регионы Севера и Арктики РФ в целом перешли в «зеленую зону». Однако затем последовало снижение индекса до 0,611 в 2015 г., а последующее увеличение индекса до 0,651 в 2016 г. не позволило обеспечить необходимый рост значения индекса и достичь уровня устойчивости 2013 г.

Единственной из исследованных составляющих социальной устойчивости, значение индекса уровня устойчивости которой попало в область «социальная устойчивость» и, соответственно, в «зеленую зону» является индекс

уровня социальной устойчивости по блоку «уровень жизни населения» в рейтинге-2014 (индекс составил 0,708).

В остальной период ни по одной из исследованных составляющих социальной устойчивости значения индекса уровня устойчивости не попали в область «социальная устойчивость» и, соответственно, в «зеленую зону». Таким образом, для регионов Севера и Арктики в целом отсутствуют благополучные сферы и по каждому из анализируемых направлений необходимо принимать дополнительные меры социальной политики.

Оценка уровня и степени социальной устойчивости позволила выявить **пространственные** (в разрезе регионов) и **проблемные** (с точки зрения остроты проблем, по составляющим социальной устойчивости) **приоритеты** ее достижения на Севере и в Арктике РФ, дать предложения о главных направлениях управляющего воздействия.

Пространственные приоритеты. Регионы с самым низким уровнем социальной устойчивости, по принципу «сигнальных огней светофора», отнесены в «красную зону» — в них необходимы активные дополнительные меры социальной политики.

Расчет интегральных индексов уровня социальной устойчивости за 2013–2016 гг. показал, что к 2014 г. «красная зона» пространственных приоритетов достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ сузилась с 6 до 4 регионов. Однако в последующие годы ситуация ухудшилась, и группа регионов «красной зоны», расширилась с 6 до 9. В 2016 г. в «красную зону» попадают (ранжированы по степени приоритетности): Республика Тыва, Архангельская область, Республика Карелия, Камчатский край, Чукотский АО, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Республика Коми и Магаданская область.

Все остальные регионы Севера и Арктики РФ находятся в «желтой зоне» пространственных приоритетов. Число регионов этой группы сокращается — если в 2013 г. было 10 регионов, находящихся в зоне «наличие признаков социальной устойчивости» (а в 2014 г. число таких регионов выросло до 12), то в 2015 г. их было 9, а в 2016 г. осталось лишь 7. В 2016 г. в «желтую зону» попадают (ранжированы по степени приоритетности): Хабаровский край, Красноярский край, Ненецкий АО, Сахалинская область, Мурманская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО. Здесь дополнительные меры социальной политики также нужны, но их приоритетность ниже.

В «зеленую зону» социальной устойчивости, предполагающую благополучную ситуацию и отсутствие необходимости принятия дополнительных активных мер социальной политики, не попадает ни один регион российского Севера и Арктики.

Проблемные приоритеты. Проблемы, по которым значения интегрального индекса в целом для Севера и Арктики по шкале устойчивости указывают на области неустойчивости, отнесены к «красной зоне».

В «красной зоне» проблемных приоритетов в целом для Севера и Арктики РФ весь исследуемый период находились две проблемы — демографическое развитие и социальная инфраструктура. Для обеих сфер весь период была характерна тенденция снижения индексов уровня социальной устойчивости для территории Севера и Арктики России в целом. При этом ухудшение ситуации с социальной инфраструктурой происходит более интенсивно.

В «желтой зоне» весь исследуемый период (за исключением уровня жизни населения в 2014 г.) находились три проблемы — уровень здоровья и образования населения, качество городской среды и уровень жизни. Для двух сфер — уровня здоровья и образования населения и качества городской среды — были характерны схожие тенденции: рост индексов уровней социальной устойчивости в начале периода и резкое падение индексов к 2016 г. до уровня ниже индексов в этих сферах в 2013 г.

Что касается уровня жизни населения, то это единственная составляющая социальной устойчивости, значение индекса уровня устойчивости которой попало в область «социальная устойчивость» и, соответственно, в «зеленую зону» в 2014 г. (с индексом 0,708). В остальной период ни по одной из исследованных составляющих социальной устойчивости значения индекса уровня устойчивости не попали в область «социальная устойчивость» и, соответственно, в «зеленую зону».

Дальнейшее изменение индекса уровня жизни населения (снижение в 2015 г. и рост в 2016 г.) не позволило обеспечить необходимый прирост, и значение индекса в 2016 г. было ниже уровня 2013 г. Таким образом, проблема уровня жизни населения по результатам рейтингов 2013, 2015 и 2016 гг. находилась в «желтой зоне», и требует дополнительных мер социальной политики.

В «красной зоне» пространственных и проблемных приоритетов в 2016 г. оказалась и социальная устойчивость территории Севера и Арктики России в целом — интегральный индекс снизился до 0,498, что привело к изменению степени социальной устойчивости всей территории с имеющей признаки социальной устойчивости на имеющую признаки социальной неустойчивости».

Такое снижение интегрального индекса социальной устойчивости дает сигнал о серьезной необходимости повышения внимания к вопросам реализации социальной политики на всей территории Севера и Арктики России.

ГЛАВА 3

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РФ

3.1. Теоретические основы становления и развития КСО в России

С определенной степенью условности можно выделить два наиболее существенных этапа эволюции концепции корпоративной социальной ответственности (Corporate Social Responsibility) в наиболее развитых странах. Первый этап — становление концепции (середина 1950-х – середина 1990-х гг.) и второй этап — развитие концепции (с начала 1990-х гг. и до настоящего времени)

Для первого этапа становления концепции корпоративной социальной ответственности (КСО), особенно с середины 1950-х до конца 1970-х гг. характерным являлось определение условий и поиск решений, определяющих направления взаимодействия бизнеса и общества. Среди большого количества исследований и соответствующим этим исследованиям концепций (моделей) наибольшее распространение получила модель А. Керолла⁷⁶, предложившего определять КСО как многоуровневую ответственность (так называемая пирамида Керролла), включающую экономическую, правовую, этическую и филантропическую составляющие. Как подчеркивал А. Керолл, исповедующая КСО фирма должна стремиться получать прибыль, исполнять законы, быть этичной, а также быть хорошим корпоративным гражданином. Эта же модель, как начальный этап становления КСО в России (2000-2007 гг.) приобрела широкую известность среди российских исследователей и российского бизнес-сообщества. Это понятно, поскольку модель проста и логична, что дало возможность бизнесу использовать ее на практике⁷⁷.

В России эта модель была адаптирована к российской действительности и включала: обязательное выполнение установок базового уровня (экономическая эффективность, соблюдение налогового, экологического и трудового законодательства, выплата достойной, конкурентоспособной зарплаты, соблюдение техники безопасности и прав работников — то есть то, что соответствует экономической и правовой составляющим модели А. Керолла), и добровольный вклад, сверх выполнения обязательной базовой части, в развитие собственного персонала, и в развитие общества в социальной сфере (развитие человеческого потенциала, инвестиции в местные сообщества и в экологию, содействие формированию гражданского общества через партнерские программы и проекты общественного развития, благотворительная деятельность, что можно отнести к этической и филантропической составляющим модели Керолла).

---

⁷⁶Carroll A. B. Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // Academy of Management Review – 1979. Vol. 4. No. 4. P. 497–505.

⁷⁷Временной разрыв между началом становления КСО на Западе и в России сразу виден — это почти 50 лет (середина 1950-х и середина 2000-х гг.).

А. Керролл явился автором и другой, в некоторой степени известной в России, концепции «корпоративного гражданства». Эта концепция, хотя и воспринимается бизнесом как прагматичная, практико-ориентированная, поскольку корпорациям предлагается не столько соглашаться с призывами ученых или политиков становиться более «социально ответственными», сколько формулировать собственную программу того, как стать «хорошим корпоративным гражданином»⁷⁸, в России пока не нашла практического воплощения и используется скорее как декларативная составляющая.

Практическая реализация модели А. Керролла позволила вывести российских бизнес из стихийного нигилизма 1990-х годов, когда даже соблюдение правовых основ было присуще далеко не всем российским компаниям, и перейти к более цивилизованным отношениям с государством, собственным персоналом, с социальной сферой и с сообществом территорий присутствия⁷⁹.

Таким образом, становление первого этапа КСО в России, по крайней мере, до середины 2000 гг., шло по тому же направлению, что и в западном мире, но с существенной временной разницей.

Второй этап, который в развитых странах считается уже эволюцией или развитием КСО, можно связать с еще одной концепцией, также получившей наибольшее распространение в мире и в России. Это концепция корпоративной устойчивости. Пионером этой концепции стал Дж. Элкингтон⁸⁰, который ввел понятие «тройного итога деятельности корпорации», включающего социальное, экологическое, экономическое измерения (три основания устойчивости — 3P: People, Planet, Profits).

Концепция корпоративной устойчивости, хотя и относится к устойчивости корпорации, в России в значительной степени ассоциируется с концепцией устойчивого развития, так как в ней рассматриваются те же три уровня (экономический, экологический, социальный), что и в концепции устойчивого развития.

Развитие концепции дало возможность ввести понятие тройного итога в теорию и практику ведения бизнеса. Основные международные стандарты в сфере КСО — стандарты нефинансовой отчетности группы GRI (Global Reporting Initiative) и принятые в 2010–2012 гг. международные стандарты социальной ответственности ISO 26000 — основаны именно на идее корпоративной устойчивости. Концепция была воспринята российским бизнесом, и с середины 2000-х гг. по настоящее время широко используется при составлении нефинансовых отчетов по тройному итогу. То есть и здесь российский бизнес идет в том же направлении, что и теория, и практика мирового уровня в сфере КСО.

Одной из последних концепций в области КСО, набирающей популярность среди российских исследователей и российского бизнеса, стала

---

⁷⁸Carroll A. B. The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // *Business Horizons* – 1991. Vol. 34. No. 4. P. 39–48.

⁷⁹Виттенберг Е. Я. Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве. М.: Изд. Центр российский гуманист. Университет, 2011. 483 с.

⁸⁰Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of Twenty-First Century Business*. Capstone, 1997. Oxford.

концепция разделенной ценности, авторами которой являются М. Портер и М. Крамер^{81, 82, 83}. Инвестиции корпораций в социальную сферу рассматриваются в этой концепции как часть стратегии, направленной на укрепление конкурентных преимуществ. Соответствие ожиданиям общества рассматривается с позиций создания ценности как для компании, так и для общества в целом. Авторы сформулировали две модели привязки КСО к корпоративной стратегии — «реагирующая КСО» и «стратегическая КСО».

Реагирующая КСО ориентирована на позиционирование компании в качестве «хорошего корпоративного гражданина», обеспечивая среднесрочное поддержание репутации и снижение нефинансовых рисков в краткосрочной перспективе. Стратегическая КСО подразумевает интеграцию КСО в корпоративную стратегию, с повышением инновационного потенциала компании в создании ценности. Идея стратегической КСО приняла законченную форму в качестве целостной концепции «создания разделяемой ценности» (Creating Shared Value – CSV) как альтернативы «традиционной» концепции КСО⁸⁴. Пока воплощение этой концепции в практике российского бизнеса ограничено, но интерес к ней научного сообщества и попытки интерпретировать концепцию и адаптировать ее к российским реалиям сохраняются.

В плане взаимодействия сырьевых компаний с местным сообществом интерес представляет концепция социального лицензирования, нашедшая широкое практическое применение в зарубежных странах. Суть ее заключается в необходимости получения компанией неформального «разрешения» местного сообщества на ее деятельность. Концепция в России пока мало известна, но имеются определенные возможности для ее использования как нового инструмента муниципального развития при построении отношений «ресурсодобывающая компания — местное сообщество», в том числе для взаимоотношений компаний и коренных малочисленных народов Севера⁸⁵.

3.2. Практическая реализация и значение КСО для устойчивого социального развития территорий Севера и Арктики РФ

Практическая реализация корпоративной социальной ответственности в нашей стране носит волнообразный характер, обусловленный изменением экономической ситуации в России. Наблюдается рост КСО в более благоприятной экономической ситуации и некоторый спад в кризисные периоды.

---

⁸¹Porter M., Kramer M. The Competitive Advantage of Corporate Philanthropy // Harvard Business Review – 2002. Vol. 80. No. 12. P. 56–68.

⁸²Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // Harvard Business Review – 2006. Vol. 84. No. 12. P. 78–92.

⁸³Porter M., Kramer M. Creating Shared Value: How to Reinvent Capitalism — and Unleash a Wave of Innovation and Growth // Harvard Business Review – 2011. Vol. 89. P. 62–77.

⁸⁴Там же.

⁸⁵Рябова Л. А., Дидык В. В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 61–82.

1990-е годы — период масштабной приватизации, когда шло появление новых собственников, отказ от социальных обязательств бизнеса, зарождались первые ростки КСО в крупнейших сырьевых компаниях, в основном, в виде разовой благотворительности, но в значительных объемах.

Начало 2000-х годов (2000–2007 гг.) — стабилизация экономики. В это время происходил выход сырьевых компаний на мировой рынок, начиналось осознание необходимости использования принципов КСО в их западном значении. Существенный интерес к проблематике КСО, институциональное оформление КСО, адаптированное к рекомендациям мирового сообщества, рост числа компаний, использующих КСО в реальной практике (в основном, среди наиболее крупного сырьевого бизнеса), появление и расширение практики нефинансовой отчетности, позволяют считать этот период основным периодом становления КСО в России⁸⁶.

Период 2008-2010 гг. — глобальный финансовый кризис, задевший, прежде всего, сырьевой сектор. Существенное сокращение финансовых результатов деятельности компаний привело к снижению интереса к КСО, вплоть до полного отказа от выполнения взятых ранее обязательств. Однако и в этот период часть компаний-лидеров в сфере КСО (прежде всего большая часть сырьевых компаний) подтвердили, несмотря на кризис, свою приверженность принципам КСО, даже если объемы КСО несколько сократились⁸⁷.

Этап 2011-2013 гг. — выход из кризиса и восстановление стабильности российской экономики. Этот временной интервал стал периодом внедрения КСО в стратегии развития компаний в соответствии с принципами устойчивого развития, увеличения количества компаний, представляющих нефинансовую отчетность и использующих КСО в деятельности. Этот период можно считать периодом развития (эволюции) КСО в России⁸⁸.

Период 2014-2017 гг. — обострение мировой политической ситуации в связи с событиями в Крыму, в Украине, в Сирии. В эти годы началось «санкционное давление», произошло сокращение возможностей получения зарубежных кредитов, технологий и оборудования. Негативная ситуация в российской экономике привела к некоторому снижению интереса к проблематике КСО, но компании-лидеры уже имели устойчивые тенденции в реализации КСО, масштабы и спектр которой сегодня растут и расширяются.

Для части компаний-лидеров в сфере КСО, а это, прежде всего, большая часть сырьевых компаний, работающих на Севере и в Арктике России, интерес к реализации КСО приобретает все более предметный характер, так как сегодня КСО для этих компаний — атрибут успешного бизнеса, обладающий высоким стратегическим потенциалом и способствующий повышению конкурентных преимуществ компаний.

---

⁸⁶Башмакова Е. П., Степанова Е. Н. Социальная ответственность корпораций // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2008. № 2/(21). С. 3–7.

⁸⁷Башмакова Е. П., Степанова Е. Н. Социальная ответственность регионального бизнеса // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 1(22). С. 105–112.

⁸⁸Башмакова Е. П. Развитие корпоративной социальной ответственности на северных и арктических территориях России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 71–80.

С целью предоставления обществу результатов деятельности компаний в сфере КСО, компании-лидеры в этой сфере, прежде всего, компании, ведущие деятельность в северных и арктических регионах РФ, начиная с 2001 года, стали публиковать нефинансовые отчеты. Это были либо социальные отчеты (СО), либо экологические отчеты (ЭО), и, начиная с 2005-2007 гг., — отчеты по устойчивому развитию (ОУР), в которых отражались все действия компаний в экономической, социальной и экологической сферах. Нефинансовые отчеты стали проходить заверение зарубежными аудиторами или экспертами Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), на основе которых определялись рейтинги компаний в сфере корпоративной социальной ответственности по тройному итогу⁸⁹.

КСО в этих отчетах уже понимается как основа эффективных бизнес-стратегий, направленных на соблюдение баланса интересов и построение добросовестных отношений со всеми заинтересованными сторонами. Это понятие охватывает широкий диапазон действий бизнеса в экономической, социальной и экологической областях. При этом предполагается, что действия в сфере КСО основаны на соблюдении законодательства и включают дополнительные добровольные инициативы, которые способствуют собственному устойчивому развитию компаний и отвечают задачам устойчивого общественного развития.

Результаты постоянного мониторинга РСПП и Ассоциации менеджеров России свидетельствуют о том, что тенденции развития отчетности в РФ в целом соответствуют мировой практике и все более воспринимаются как норма корпоративного поведения. В РСПП по состоянию на 01.01.2017 г. представлены нефинансовые отчеты 164 компаний, которые опубликовали в 2000–2016 гг. 751 нефинансовый отчет, в т.ч. 58 экологических отчетов; 291 социальных отчетов; 247 отчетов в области устойчивого развития; 120 интегрированных отчетов. При этом более 300 отчетов представляют компании, работающие в регионах российского Севера и Арктики⁹⁰.

За относительно короткий по историческим меркам срок корпоративная социальная ответственность лидирующего бизнеса в России прошла путь развития от разовых бессистемных благотворительных и социальных акций до интеграции КСО в стратегию развития компаний и формирования продуманной системной деятельности в сфере социальной ответственности, включающей все три аспекта устойчивого развития – экономический, экологический и социальный.

---

⁸⁹Bashmakova E., Ivanova L. Social Responsibility of Russian Companies Operating on the Arctic Territories (Russian). SPE Arctic and Extreme Environments Technical Conference and Exhibition, 15-17 October, Moscow, Russia, 2013. URL: https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-166962-RU?sort=&start=0&q=SPE-166898RU&from_year=&peer_reviewed=&published_between=&fromSearchResults=true&to_year=&rows=10&_ga=2.227133083.700744614.1549360841-82121057.1549360841 (дата обращения: 10.09.2018).

⁹⁰Комплекс индексов корпоративной социальной ответственности и нефинансовой отчетности 2015 г. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/8/7/877d17fdb3ddfa872d510e30b47d22f1.pdf> (дата обращения 10.09.2018).

Несмотря на большой интерес к проблематике КСО, постоянно растущее количество научных исследований и публикаций, проведение научных конференций, симпозиумов, конгрессов в сфере КСО это пока не привело к созданию собственно российской модели/концепции КСО. Большая часть российских исследований оперирует понятиями, которые разработаны для стабильных и высокоразвитых западных стран, в то время как российская действительность существенно отличается и в экономике, и в государственном строительстве, и в развитии гражданского общества. Поэтому остается широкое поле для дальнейших исследований, которые должны быть сосредоточены на определении компетенций, мотиваций и технологий реализации КСО, механизмов взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества в решении социально-экономических и экологических проблем, возможностей и границ применения зарубежного опыта КСО в России.

Отсутствие российской модели/концепции КСО не помешало передовой части российского бизнеса активно внедрять и использовать западные модели и подходы к корпоративной социальной ответственности. Можно утверждать, что на сегодняшний день в этой сфере имеет место так называемый импорт институтов⁹¹, а практика в России во многом опережает отечественные теоретико-институциональные разработки.

Арктика является одной из территорий России, где значение сырьевого бизнеса для устойчивого социально-экономического развития носит определяющий характер. Признание Арктики одним из приоритетов развития современной России поставило на повестку дня необходимость разработки новой политики, основой которой являлось бы устойчивое социально-экономическое развитие арктического пространства, обеспечивающее национальные интересы и безопасность нашей страны.

Сложность современной ситуации на арктических территориях РФ обуславливает необходимость совместных действий государства и бизнеса, и одним из инструментов таких совместных действий является корпоративная социальная ответственность, ориентированная на устойчивое развитие как самого бизнеса, так и общества в целом.

Экономическая составляющая КСО. Значение крупных корпораций для северных и арктических территорий РФ в экономическом плане обусловлено, прежде всего, тем, что они являются главными в уплате налогов и предоставлении рабочих мест на территориях присутствия, что является важнейшим фактором их социальной устойчивости. Значение КСО особенно усиливается в так называемых моногородах, где от компании, являющейся градообразующей, по сути, зависит вся жизнедеятельность населения⁹² (кейс 1).

---

⁹¹Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 196 с.

⁹²Рябова Л. А., Дидык В. В., Корчак Е. А., Башмакова Е. П., Емельянова Е. Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.

Кейс 1. Экономическая составляющая КСО на северных и арктических территориях РФ: Мурманская область и Ямало-Ненецкий автономный округ

Нефтегазовая отрасль формирует более 50 % экспортной выручки и около 20 % ВВП России. Отрасль формирует спрос на новую технику и оборудование, обеспечивает крупные подряды российским предприятиям, способствуя развитию и модернизации целых отраслей промышленности.

Мировые тенденции развития нефтегазовой отрасли говорят о том, что в ближайшее десятилетие разработка новых традиционных запасов обеспечит не более 20 % общего прироста добычи, а 80 % его планируется получить за счет применения высокотехнологичных методов. Развитие ресурсной базы все более фокусируется на месторождениях морского шельфа Арктики и месторождениях с трудноизвлекаемыми, нетрадиционными ресурсами. Разработка таких ресурсов требует развития новейших технологических методов и высоких финансовых затрат, и нефтегазовая отрасль может стать главным двигателем очередной технологической революции, обеспечивая инвестиции в научно-исследовательскую деятельность и опытно-конструкторские разработки.

Консолидировать усилия всех заинтересованных сторон позволит работа на арктическом шельфе, где у некоторых компаний (в частности ЛУКОЙЛ, Газпром нефть) есть уникальный опыт и технические решения, позволяющие обеспечить добычу в море, в том числе на больших глубинах. Сложные геополитические и геоэкономические условия — нестабильные цены на нефть, санкции, жесткие бюджетные ограничения — безусловно, сказываются на производственной деятельности, но одновременно предоставляют и новые возможности развития, с учетом соотношения их с реальными рисками. Именно такой подход помогает нефтегазовым компаниям России, в том числе действующим на Севере и в Арктике, стабильно развиваться, принося пользу обществу, и тем самым достигать целей устойчивого развития⁹³.

Мурманская область — один из наиболее индустриально развитых арктических регионов России. Специализация региона в большей своей части ориентирована на использование природных ресурсов. Более половины промышленного производства и около 1/3 ВРП производят горнодобывающие предприятия области, они же формируют около 60 % регионального бюджета. Эти же предприятия являются и так называемыми «градообразующими» для городов и районов, где они ведут свою деятельность.

На территории области работают горнопромышленные компании: Кировский филиал АО «Апатит» (часть ПАО «ФосАгро»); ОАО «Кольская ГМК» (часть ПАО «Норильский Никель»); ОАО «Олкон» (часть ПАО «Северсталь»); ОАО «Ковдорский ГОК» (часть АО МХК «Еврохим»).

Налоговые поступления от Кировского филиала АО «Апатит», ОАО «Кольская ГМК», ОАО «Оленегорский ГОК», ОАО «Ковдорский ГОК» в местные бюджеты городов Апатиты, Кировск, Мончегорск, Заполярный, Никель, Оленегорск и Ковдорского района по главному «муниципальному» налогу НДФЛ — составляют от 20–25 % до 35–50 %.

---

⁹³Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы Лукойл за 2015–2016 годы. URL: <http://www.lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease?rid> (дата обращения 19.10.2018).

Доля работников градообразующих предприятий в общей численности работающих муниципальных образований составляет: ОАО «Апатит» — 33,1 % (Кировск, Апатиты); ОАО «Кольская ГМК» — 33,2 % (Мончегорск, Заполярный, Никель); ОАО «Олкон» — 24,5 (Оленегорск); ОАО «Ковдорский ГОК» — 45,6 (Ковдорский район)⁹⁴.

Ямало-Ненецкий автономный округ — один из лидеров в сфере газонефтедобычи в России. На территории ЯНАО работают дочерние общества группы ПАО «Газпром»: ООО «Газпром добыча Уренгой», ООО «Газпром добыча Ямбург», ООО «Газпром добыча Ноябрьск», ООО «Газпром добыча Надым». В 2013 г. эти компании направили в консолидированный бюджет ЯНАО 45,3 млрд руб. (43 % окружного бюджета; в 2014 — 53,7 млрд руб. (43,6 % окружного бюджета); в 2017 г. — 106,6 млрд руб.

Крупнейшие налогоплательщики — Газпром, НОВАТЭК, Газпром нефть, ЛУКОЙЛ, Роснефть. На их долю приходится 72 % доходов окружного бюджета. Росту доходов способствует реализация масштабных проектов: ввод в эксплуатацию крупных месторождений углеводородов, построенный нефтеналивной терминал «Ворота Арктики», проекты по производству сжиженного природного газа «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», проект «Северный широтный ход»⁹⁵.

Экологическая составляющая КСО. Эта составляющая тесно связана с экономическими и социальными аспектами деятельности, устойчивостью бизнеса, его вкладом в устойчивое развитие в широком контексте. Для арктических компаний экологическая составляющая сегодня становится одним из приоритетов стратегий развития, что обусловлено высоким уровнем уязвимости природной среды Арктики.

Усиливающееся внимание к проблемам сохранения окружающей среды с позиций устойчивого развития ориентировано на снижение негативного воздействия хозяйственной деятельности и развитие зелёной экономики, что соответствует общемировой тенденции, которой следуют и арктические компании. Практически все компании, действующие в Арктике, разрабатывают экологическую политику, в которой уделяется существенное внимание охране окружающей среды, рационализации использования всех видов ресурсов, сокращению вредных выбросов, проведению различных экологических акций (кейс 2).

Кейс 2. Экологическая составляющая КСО: ПАО ЛУКОЙЛ и ПАО Газпром

ПАО ЛУКОЙЛ — первая российская нефтегазовая компания, в которой была принята Политика в области промышленной безопасности, охраны труда и окружающей среды. В настоящее время на предприятиях Группы реализуется пятая целевая функциональная Программа экологической безопасности на

⁹⁴Башмакова Е. П. Корпоративный сектор в социальном развитии арктических территорий. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н, проф. В. С. Селина, д.э.н., проф. Т. П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е. П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 325–336.

⁹⁵Об окружном бюджете на 2017 г. и на плановый период 2018-2019 годов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444865430> (дата обращения 19.10.2018).

2014–2018 гг., которая включает более 600 мероприятий общей стоимостью около 130 млрд руб.

В регионах деятельности компании проводятся социальные экологические проекты и акции, такие как «Спасти и сохранить», «Дети и ЛУКОЙЛ за экологию», «Город нефтяников — город цветов» и др. Механизмы реализации экологической политики основываются на долгосрочных и среднесрочных программах обеспечения экологической и промышленной безопасности, улучшения условий и охраны труда, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Только за период 2013–2014 гг. компания вложила более 104 млрд руб. в обеспечение экологической безопасности. В 2015 г. вложения составили 45 млрд руб. в 2016 — 53 млрд руб.

Одна из целей политики в области охраны окружающей среды — использование принципа нулевого сброса при разработке шельфовых месторождений (в т.ч. Баренцева моря) при полном исключении загрязнения морской среды. В 2014 г. был проведён экологический мониторинг морских экосистем Варандейского стационарного ледостойкого отгрузочного терминала (занесён в Книгу рекордов Гиннеса как самый северный круглогодичный действующий нефтяной терминал в мире).

Подразделения компании ведут активную деятельность среди молодёжи по повышению экологической грамотности. При финансовой поддержке ЛУКОЙЛ с 2010 г. в столице Югры проходит Международная экологическая акция «Спасти и сохранить». Более 500 представителей предприятий ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» участвовали во Всероссийской экологической акции «Зелёная Россия» — лучшим, по версии Русского географического общества, социально-информационном проекте по сохранению природного и историко-культурного наследия.

ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» поддерживает природные заповедники и заказники на территории Югры и других регионов Арктической зоны РФ. Общие затраты на эти экологические мероприятия составили: в 2012 г. — 74,7 млн руб.; в 2013 г. — 93,2 млн руб.; в 2014 г. — 91,0 млн руб.; 2015 г. — 92,6 млн руб.⁹⁶.

ПАО «Газпром» в 1995 г. принял корпоративную Экологическую политику, действующая редакция которой (утверждена Постановлением Правления ПАО «Газпром» от 25.05.2015 № 21) является документом, выражающим официальную позицию компании в отношении её роли и обязательств в сохранении благоприятной окружающей среды в регионах присутствия, в том числе северных и арктических.

Основополагающим принципом деятельности компании является максимально рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды. За 5 лет (с 2010 по 2014 г.) инвестиции «Газпрома», направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, составили около 71 млрд руб. В этот период снижение валовых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу составило 13 %; сокращение выбросов парниковых газов — 19%; уменьшение сбросов в поверхностные водные объекты — 22%.

⁹⁶Бизнес, экология, человек. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/c/8/c8f9aee1c6ba4e7f1dcd0eee49d3ec91.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).

Экологическая политика ПАО «Газпром» нашла воплощение в ходе реализации экологических программ, в соответствии с которыми 2013 г. стал Годом экологии, 2014 г. — Годом экологической культуры, 2015 г. — Зелёным годом⁹⁷. В рамках социальных программ в северных и арктических регионах присутствия проводится большая работа, в том числе с участием работников дочерних обществ компании, в части:

- реабилитации водных объектов в рамках акций «Чистый берег», «Живи, родник!» и многих других;
- благоустройства и озеленения территорий в регионах деятельности, очистки от мусора, озеленения и восстановления лесов;
- сохранения и восстановления биоразнообразия, лесных насаждений, защиты диких животных и мест их обитания, содействия персоналу ООПТ в организации экологического мониторинга, задержания браконьеров;
- экологического просвещения и информированности, в том числе проведение экологических форумов, конференций, совещаний федерального и регионального уровней, выставок, приуроченных к Всемирным дням Воды, Земли, Птиц, Дню эколога; циклов теле- и радиопередач, встреч с общественностью, оформление информационных стендов, публикации в СМИ.

Одним из эффективных инструментов повышения степени экологической ответственности крупных промышленных компаний, соблюдения природоохранного и природно-ресурсного законодательства, экологической модернизации производства, повышения прозрачности экологических воздействий компаний и их открытости, а также способствующий диалогу с заинтересованными сторонами, является экологический рейтинг (кейс 3).

Кейс 3. Корпорации, ведущие добычу на Севере и в Арктике РФ, в экологических рейтингах

9 декабря 2016 г. Всемирный фонд дикой природы (WWF) России в партнёрстве с Группой CREON при участии Национального рейтингового агентства (НРА) и ПРООН/ГЭФ/Минприроды России, и при поддержке Минэнерго России представил рейтинги экологической ответственности нефтегазовых компаний. Рейтинг оценивает уровень воздействия нефтегазовых компаний на природу, а также качество корпоративных политик компаний по трем разделам — экологический менеджмент, воздействие на окружающую среду и раскрытие информации.

По результатам рейтинга-2016 г. компания «Сахалин Энерджи» возглавила рейтинг; «Газпром» занял 2 позицию; «Лукойл» — 4; «Новатэк» — 7; «Газпром нефть» — 8; «Роснефть» — 9. Сегодня это единственный в РФ инструмент, позволяющий проводить сравнительные оценки уровня экологической ответственности крупнейших нефтегазовых компаний.

Горнопромышленные компании, в том числе действующие на Севере и в Арктике, в плане раскрытия экологической информации существенно уступают нефтегазовому сектору. В отличие от нефтегазовой отрасли, на данный момент в РФ нет инструмента, позволяющего получить сопоставимую

⁹⁷Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы Газпром. 2016. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/sustainability-report-2016-rus-1.pdf> (Дата обращения 07.09.2017).

информацию об уровне экологической ответственности горнодобывающих компаний и масштабе воздействий их деятельности на окружающую среду (включая биоразнообразие).

По инициативе Всемирного фонда дикой природы (WWF) России и проекта ПРООН/ГЭФ/Минприроды РФ «Задачи сохранения биоразнообразия в политике и программах развития энергетического сектора России» с 2015 г. реализуется пилотный Проект экологического рейтинга горнодобывающих компаний России.

На первом этапе WWF России подготовил проект методики рейтинга, по которому в 2015–2016 гг. прошли очные и заочные обсуждения с участием экспертного сообщества, бизнес-компаний и др. В список для расчёта первого рейтинга вошли 33 компании. В начале 2017 г. был проведён предварительный расчёт рейтинга, который показал существенно более низкий по сравнению с нефтегазовой отраслью уровень открытости горнодобывающих компаний. Более половины оцениваемых компаний (17), имели в публичном пространстве менее трёх показателей из 35 оцениваемых⁹⁸.

Социальная составляющая КСО. В большей части российских компаний, действующих на Севере и в Арктике и исповедующих принципы КСО и устойчивого развития, принят основополагающий документ, определяющий социальную составляющую КСО. Это «Социальный кодекс», «Социальная программа», «Социальные задачи» либо «Социальные приоритеты». Эти документы определяют стратегические направления социальной деятельности компаний. Основные направления можно разделить на две большие группы: социальные инвестиции и традиционная благотворительность и спонсорство.

Социальные инвестиции включают партнерские соглашения с администрациями регионов и муниципалитетов, в т.ч. соглашения с коренными малочисленными народами Севера (КМНС); региональные и федеральные корпоративные программы; конкурсы социальных, культурных, образовательных, спортивных и других проектов; поддержку детских домов и детских образовательных учреждений; программы в области образования, в т.ч. высшего, стипендиальные программы; развитие инфраструктуры и материально-технической базы учреждений образования, здравоохранения и другие виды деятельности, направленной на социальное развитие территорий присутствия.

Программы традиционной благотворительности и спонсорства ориентированы на адресную поддержку музеев и творческих коллективов, издательские проекты; поддержку религиозных конфессий; помощь ветеранам войны и труда, инвалидам, социально незащищенным группам населения, возрождение народных промыслов; корпоративное волонтерство; социальные акции, такие как донорство и др.

По этим направлениям осуществляется большая часть мероприятий и мер в системе социальной деятельности компаний. Эта система является рамочной, и эти рамки могут расширяться или сужаться в зависимости от экономического

---

⁹⁸Комплекс индексов корпоративной социальной ответственности и нефинансовой отчетности 2015 г. – URL: <http://media.rspp.ru/document/1/8/7/877d17fdb3ddfa872d510e30b47d22f1.pdf> (дата обращения 10.09.2018).

положения компании, от специфики территории присутствия, от преобладания тех или иных целевых групп.

Социальную составляющую корпоративной социальной ответственности рассмотрим на примере компаний нефтегазовой и горнопромышленной отрасли (кейс 4).

Кейс 4. Социальная составляющая КСО: группа компаний ПАО Лукойл, ПАО «Газпром» и горнопромышленная компания ПАО «ФосАгро»

Компания ПАО «ЛУКОЙЛ» – одна из первых российских компаний, которая разработала и приняла «Социальный кодекс», ставший базовым документом при формировании соглашений о социальном партнерстве и подготовке других мероприятий социальной направленности. Задачи в области устойчивого развития интегрированы в общую бизнес-стратегию, их решение обеспечивается при реализации целевых программ и планов развития по бизнес-сегментам.

Компания использует разнообразные механизмы реализации обязательств, модернизируя их по мере появления новых форм осуществления такой деятельности и готовности к ним партнеров. Под социальными инвестициями Компания понимает финансирование таких программ и проектов, которые имеют долгосрочный эффект и позитивно влияют на качество жизни в регионах.

Социальные инвестиции осуществляются через механизм соглашений о социально-экономическом партнерстве с администрациями регионов и муниципальных образований и реализацию корпоративных программ. В рамках соглашений решается широкий спектр вопросов: экономических, производственных, инфраструктурных, социальных и других, в том числе специфичных для региона (например, поддержка коренных малочисленных народов Севера). Такой подход является неотъемлемым принципом социального инвестирования.

Основным оператором на северных и арктических территориях РФ является компания ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»⁹⁹, ведущая деятельность в Ханты-Мансийском (ХМАО) и Ямало-Ненецком (ЯНАО) автономных округах (100 % акций этого оператора принадлежит ПАО «ЛУКОЙЛ»). Социальная программа строится на тех же принципах, что и в материнской компании.

Наиболее эффективная форма социальных инвестиций — «Конкурс социальных и культурных проектов», в котором ежегодно участвует Благотворительный фонд «ЛУКОЙЛ». Конкурс предусматривает проектный подход, аналогичный распределению грантов в научной среде. Цель конкурса — поддержка проектов и инициатив местных сообществ в решении проблем территорий. Целевая аудитория — местное сообщество, учреждения образования и культуры, некоммерческие организации и общественные объединения, средства массовой информации регионов присутствия. Партнеры — администрации муниципальных образований (Лангепас, Урай, Когалы, Покачи – ХМАО-Югра; Салехард и Тазовский район – ЯНАО).

⁹⁹Социальные программы компаний. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/e/3/e3008b95ad34520997c666fa8faa5d0d.pdf> (дата обращения: 15.10.2018).

Проекты направлены на социальную адаптацию людей с ограниченными физическими возможностями; пропаганду семейных ценностей; воспитание бережного отношения к природе; сохранение культурного и исторического наследия и развитие традиционного образа жизни коренных народов; активизацию спортивной работы среди подрастающего поколения. Оказывая помощь наиболее активным представителям общества в решении социальных проблем, компания стимулирует формирование гражданского общества. Важно, что в конкурсе реализуется модель трехстороннего сотрудничества бизнеса, власти и общества.

С целью повышения эффективности и системности социальных инвестиций в 1993 г. создан Благотворительный фонд — БФ «ЛУКОЙЛ». Фонд поддерживает тесное взаимодействие с органами власти регионов и местного самоуправления, с жителями и некоммерческими организациями при осуществлении социальных инвестиций в решение социальных проблем. Общий бюджет конкурса с учетом благотворительного фонда БФ Лукойл составил в 2015 г. 81,1 млн руб; в 2016 г. — 103,0 млн руб; в 2017 г. — 125,3 млн руб.

Основные направления социальных мероприятий — поддержка детских домов и образовательных учреждений; программы в области образования; поддержка медицинских учреждений. В 2015–2016 гг. было поддержано 118 социальных и культурных проектов на общую сумму около 30 млн руб. В 2007 г. по инициативе президента «ЛУКОЙЛА» В. Алекперова создан фонд «Наше будущее», который реализует новое направление — социальное предпринимательство, создавая в регионах присутствия устойчивые бизнес-структуры поддержки малого и среднего бизнеса. За 10 лет работы фонд поддержал более 135 проектов на сумму 270,2 млн руб. Фонд «Наше будущее» стал первой российской организацией, которая входит в Глобальную сеть социальных инвесторов.

Компания участвует в программах социальной поддержки коренных малочисленных народов Севера (КМНС). ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь» заключило 151 экономическое соглашение с КМНС на 34-х территориях традиционного природопользования в ХМАО и ЯНАО. Вопросы развития взаимоотношений между компанией и коренными народами решаются на встречах руководства с представителями «Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера», главами муниципальных образований и с коренными жителями. Предприятие заключило соглашения о сотрудничестве с организацией «Спасение Югры» и Ассоциацией «Ямал – потомкам!».

Также компания заключила 60 договоров с владельцами родовых угодий об условиях использования земельных участков в составе территорий традиционного природопользования и компенсаций за ограничения хозяйственной деятельности коренных жителей. Помощь коренным жителям ХМАО и ЯНАО компания оказывает посредством финансовой поддержки окружных и муниципальных программ по сохранению национальной культуры, традиционного образа жизни и хозяйствования. Финансирование мероприятий КМНС составило в 2015 г. — 304,9 млн руб.; в 2016 г. — 304,9 млн руб., в 2017 г. — 341,9 млн руб.¹⁰⁰.

¹⁰⁰Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы компаний Лукойл, 2017 год. URL: <http://www.lukoil.ru/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/SustainabilityReport> (дата обращения: 20.09.2017).

ПАО «Газпром». Важной формой взаимоотношений группы компаний ПАО «Газпром» с регионами, в том числе северными и арктическими, являются соглашения о сотрудничестве и договоры, заключаемые в их развитие по конкретным направлениям деятельности. Также сформирован портфель региональных социальных проектов ПАО «Газпром Нефть»¹⁰¹.

Схема взаимодействия с местными сообществами включает идентификацию основных целевых групп проекта; выявление соответствия целей проекта ожиданиям жителей; определение каналов распространения информации о проекте; выявление возможностей вовлечения местных жителей в разработку и реализацию проекта; оценку эффективности реализованного проекта. «Газпром Нефть» осуществляет социальные благотворительные проекты на северных и арктических территориях — в ХМАО и в ЯНАО.

Одной из существенных для небольших городов является программа «Родные города». «Газпром Нефть» исходит из тезиса о том, что жители небольших городов должны иметь широкий доступ к качественной городской инфраструктуре. Повышенное внимание компания уделяет сфере здравоохранения и качеству медицинских услуг, развитию спорта и оборудованию всепогодных дворовых спортивных площадок.

Проекты по программе «Родные города» компания реализует на основе партнерских соглашений с региональными и муниципальными органами власти. Компания проводит на территориях присутствия грантовые конкурсы социальных инициатив, наиболее значимых для населения. Общие затраты на реализацию программы «Родные города» и другие социальные мероприятия в 2013 г. составили более 3,9 млрд руб. За пять лет (2013-2017 гг.) по этой Программе было реализовано более 2,5 тыс. проектов на сумму 19 млрд руб., привлечено в волонтерское движение более 4500 человек и поддержано более 350 местных инициатив за счет грантов.

В 2013 г. в городе Тарко-Сале (ЯНАО) открыт ледовый комплекс с ареной олимпийского размера в рамках проекта «Хоккейная академия «Авангард»¹⁰². Затраты на строительство составили (в сотрудничестве с Правительством Ямала) более 1,5 млрд руб. Аналогичные спортивные сооружения открыты в 2015 г. в городах Ноябрьск и Муравленко (ЯНАО)¹⁰³. Спортивные сооружения будут построены и в других городах ЯНАО.

ПАО «ФосАгро» осуществляет активную социальную политику, рассматривая социальные программы как долгосрочные инвестиции в устойчивость местных сообществ в регионах своей деятельности¹⁰⁴. Кировский филиал АО «Апатит» — важнейший добывающий актив ФосАгро, работает на территории арктического региона Мурманская область и является «градообразующей» компанией для городов Апатиты и Кировск.

¹⁰¹Отчет об устойчивом развитии ПАО Газпромнефть. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/social/> (дата обращения: 21.08.2017).

¹⁰²Олимпийский размер // Сибирская нефть. 2013. № 10 (107). С. 54–58.

¹⁰³Ямальские нефтяники открыли два новых спортивных центра в Ноябрьске и Муравленко. URL: https://www.znak.com/2015-12-17/yamalskie_neftyanyki_otkryli_dva_novyh_sportivnyh_centra_v_noyabrsk_e_i_muravlenko (дата обращения: 21.09.2017).

¹⁰⁴Отчет об устойчивом развитии «ФосАгро» 2016-2017. URL: <https://www.phosagro.ru/investors/reports/year/> (дата обращения: 07.09.2017).

Соглашения о социально-экономическом партнерстве, заключенные «ФосАгро» с органами государственной власти Мурманской области и местного самоуправления г. Кировск, отличаются широким спектром мероприятий и значительными объемами финансовых ресурсов, расходуемых на эти цели. Соглашения являются конструктивным механизмом частно-государственного взаимодействия¹⁰⁵.

Реализация инфраструктурных проектов и стимулирование развития малого и среднего бизнеса на территории города Кировск — новые для АО «Апатит» направления КСО. Главное направление диверсификации экономики Кировска — туризм, обуславливающий необходимость развития туристической инфраструктуры города. Строительство крупных инфраструктурных объектов в условиях жестких экономических ограничений не под силу ни областному бюджету, ни работающим в туристическом бизнесе малым и средним предприятиям. Поэтому проект по строительству скоростной гондольно-кресельной пассажирской подвесной канатной дороги для создания современной инфраструктуры горнолыжного курорта в г. Кировск был реализован в 2013–2014 гг. в рамках соглашения, заключённого между Правительством Мурманской области, Администрацией города Кировска и АО «Апатит». Инвесторами выступили АО «Апатит», АО «Корпорация развития Мурманской области» (инвестиции со стороны области), ОАО «Корпорация развития инфраструктуры города Кировск» (инвестиции со стороны г. Кировск)¹⁰⁶. Инвестиционный бюджет проекта составил 558,7 млн руб.

Традиционной практикой КСО для Кировского филиала АО «Апатит» является благотворительная деятельность. В настоящее время на территории г. Кировск реализуются следующие благотворительные программы: совместно с Госкомспортом России и Государственным центром образования «Самбо-70» – программа «ДРОЗД» («Дети России образованны и здоровы»); ежегодно выплачиваются стипендии отличникам учебы общеобразовательных, средних и высших учебных заведений; реализуется программа обеспечения деятельности «Центра повышения квалификации преподавателей школьных учреждений».

АО «Апатит» реализует еще ряд благотворительных проектов, перечень которых утверждается соглашениями о социально-экономическом сотрудничестве. Примером совместной работы АО «Апатит» и Администрации г. Кировск является создание автономной некоммерческой организации «Хибинский центр развития бизнеса» (АНО «ХЦРБ»), которая содействует росту предпринимательской активности и занятости в малом и среднем бизнесе.

Таким образом, участие компаний в социальном развитии территорий присутствия на Севере и в Арктике РФ весьма значимо, и имеет широкий спектр. Это, прежде всего, участие в развитии инфраструктуры образования, здравоохранения, спорта и туризма, городской и поселенческой среды. Компании

---

¹⁰⁵Соглашение о социально-экономическом партнерстве Правительства Мурманской области и группы ФОСАГРО. URL: <http://www.kirovsk.ru/> (дата обращения 15.10.2017).

¹⁰⁶Дядик В. В., Дядик Н. В. О роли корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса в социально-экономическом развитии городов Севера России (на примере крупнейших горнодобывающих предприятий Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 86–93.

участвуют в финансировании программ и проектов, которые имеют долгосрочный эффект и позитивно влияют на качество жизни в регионах и муниципалитетах. Социальные инвестиции осуществляются через механизм соглашений с администрациями регионов и муниципальных образований о совместной реализации корпоративных программ, направленных на развитие территорий или на развитие отдельных секторов.

3.3. Взаимодействие сырьевых корпораций и коренных малочисленных народов Севера

Одной из специфических черт северных и арктических регионов РФ является проживание здесь коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Присутствие промышленных предприятий на территориях традиционного природопользования (ТПП) коренных малочисленных народов накладывает на компании дополнительные обязательства. Нахождение баланса между интересами промышленного производства и сохранением территорий и условий для традиционного образа жизни населения — одно из основных направлений КСО многих недропользователей на Севере и в Арктике РФ¹⁰⁷.

Цивилизованное взаимодействие промышленных компаний с КМНС является важнейшим критерием выживания коренного населения, создает условия для устойчивого функционирования самих предприятий и таким образом обеспечивает экономические, демографические и геополитические интересы страны в целом и социальную устойчивость территорий Севера и Арктики РФ.

В таблице 3.1 представлен список северных и арктических регионов РФ, в которых территории традиционного природопользования коренного населения в наибольшей степени испытывают влияние промышленного освоения. Основными недропользователями в данных регионах являются компании нефтегазового сектора, в частности, лидеры российской нефтяной и газовой отрасли — «Роснефть», «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Новатэк».

Перечисленные в таблице 3.1 сырьевые корпорации имеют опыт в осуществлении взаимоотношений с коренными малочисленными народами посредством следующих механизмов:

- соглашения о сотрудничестве с администрациями регионов, с отдельными муниципальными образованиями, с главами территорий традиционного природопользования, с хозяйствами;
- лицензионные соглашения с главами родовых угодий;
- создание рабочих групп, в состав которых входят представители компаний, администраций округов, районов, общественных организаций коренных малочисленных народов Севера (Рабочая группа «Ямал» с участием ООО «Газпром добыча Надым»);
- встречи руководства компаний с представителями Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера, главами муниципальных образований и главами родовых угодий;

---

¹⁰⁷Виноградова С. Н., Маслобоев В. А. Добыча полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов Севера: особенности, проблемы, механизмы регулирования // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2(18). С. 96–103.

- финансовая поддержка и сотрудничество с общественными организациями, ассоциациями КМНС и их районными отделениями (ОО «Спасение Югры», Ассоциация «Ямал – потомкам», Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и др.);
- реализация целевых проектов поддержки коренных малочисленных народов («Красный Чум» — проект компании «ЛУКОЙЛ» по оказанию медицинской помощи, «Школа начинающего каюра» — проект подготовки ездовых собак компании «Роснефть» и др.);
- публичные обсуждения на предпроектных стадиях с коренным населением проектов, затрагивающих их интересы, заслушивание отчетов компаний (ежегодные слушания планов и отчетов Корпорации Кинросс Голд в городах Анадырь, Билибино, Певек, селе Илirianей);
- обучение и предоставление рабочих мест коренным жителям, поддержка традиционных видов хозяйственной деятельности;
- адресная, гуманитарная, спонсорская помощь, поддержка культурно-этнических мероприятий и др.

Таблица 3.1

Регионы тесного соприкосновения интересов коренных малочисленных народов Севера и компаний нефтегазового сектора

Регионы	КМНС, проживающие в регионе	Компании – основные недропользователи
Республика Саха (Якутия)	эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи	ПАО «НК «Роснефть», АК «АЛРОСА» (ПАО), ПАО «Газпром»
Ямало-Ненецкий АО	ненцы, ханты, селькупы	ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром», ПАО «НОВАТЭК»
Ханты-Мансийский АО	ханты, манси, ненцы	ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром»
Чукотский АО	чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, юкагиры, коряки, кереки	ПАО «НК «Роснефть», Корпорация Кинросс Голд, Компания «Полиметалл»
Магаданская обл.	эвены, коряки, ительмены, чукчи, камчадалы, юкагиры	ПАО «НК «Роснефть», Корпорация Кинросс Голд, Компания «Полиметалл»
Сахалинская обл.	нивхи, ульта, эвенки, нанайцы, орочи	МК «Сахалин Энерджи», ПАО «НК «Роснефть», «Эксон Нефтегаз Лимитед»
Республика Коми	ненцы, ханты	ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром», ПАО «Северсталь», ПАО «НК «Роснефть»
Ненецкий АО	ненцы	ПАО «НК «Роснефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ООО «СК «Русвьетпетро»

Особый интерес представляет практика взаимодействия с коренными малочисленными народами Севера таких компаний как «НОВАТЭК» (ООО «НОВАТЭК-ЮХАРОВНЕФТЕГАЗ») и «Сахалин Энерджи» (ПАО «Газпром»), которые являются клиентами международной финансовой корпорации (МФК)¹⁰⁸ и согласно ее требованиям разрабатывают и реализуют Планы развития коренных народов, задачей которых является содействие устойчивому развитию коренного населения. Такая деятельность на сегодняшний день признана наилучшей практикой взаимодействия с КМНС в России. Стоит отметить используемый компанией «Сахалин Энерджи» механизм установления обратной связи — практику жалоб, которая способствует профилактике конфликтов^{109, 110}.

Интерес представляет также опыт Канадской золотодобывающей Корпорации Кинросс Голд, разрабатывающей золотосеребряное месторождение в Чукотском АО. Компанией была создана организация — Фонд социального развития «Фонд Купол», которая является важным элементом устойчивого социального развития региона и поддержки коренных малочисленных народов Чукотки. Основная функция Фонда – финансирование социально значимых проектов, инициированных местным сообществом. Важно подчеркнуть, что ситуация во взаимоотношениях сырьевых корпораций и коренных малочисленных народов Севера в России в целом неоднозначна. Наряду с успешными практиками взаимодействия недропользователей с коренными жителями, есть достаточно примеров негативного опыта.

Особенно остро проблема проявляется в Ханты-Мансийском АО. Одним из примеров является спор вокруг природного парка Нумто между компанией «Сургутнефтегаз», которая рассчитывает добывать нефть на водно-болотных угодьях парка, и коренным населением совместно с экологами, которые ссылаются на святость территории для коренного населения и осложнение экологической ситуации. Та же компания является участником другого конфликта по поводу священного для коренного населения озера Имлор, в районе которого компания допускает нефтяные разливы, незаконные постройки, повреждение естественных водотоков и др.¹¹¹.

Отсутствие взаимодействия проявляется и в других северных регионах России. В Республике Саха (Якутия) в Анабарском районе для доразведки нефтегазового месторождения (ООО «РТ-Глобальные Ресурсы») планируется сократить 20–22 % площади особо охраняемой природной территории «Терпей Тумус». Кроме того, что эта земля является территорией традиционного природопользования (ТПП) коренного населения, здесь обитает множество редких представителей арктической флоры и фауны. В этом же регионе

---

¹⁰⁸МФК — часть Мирового банка (МБ), которая финансирует частный высокорентабельный бизнес.

¹⁰⁹Социальные программы компаний. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/e/3/e3008b95ad34520997c666fa8faa5d0d.pdf> (дата обращения: 15.10.2018).

¹¹⁰Коренные народы и промышленные компании: лучшие практики сотрудничества в Российской Федерации. URL: http://www.simdp.ru/uploads/files/Text_ru.pdf (дата обращения: 24.09.2017).

¹¹¹При ФАНД появится совет по взаимодействию КМНС с промышленниками. URL: <http://nazaccent.ru/content/23287-pri-fadn-poyavitsya-sovet-po-zaimodejstviyu.html> (дата обращения: 12.10.2017).

противостояние происходит в Мирнинском районе по поводу строительства водозабора для ООО «Тас-Юрях Нефтегазодобыча» (дочерняя структура «Роснефти»)¹¹².

По решению такого рода споров в Федеральном агентстве по делам национальностей планируется создать консультативный орган по вопросам взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и промышленных предприятий

В целом применяемые компаниями сегодня механизмы взаимодействия с КМНС, безусловно, оказывают существенную поддержку коренному населению, но лишь отчасти компенсируют тот комплексный урон, который наносит промышленное освоение. Ухудшение экологической ситуации, изъятие значительных ТТП у коренного населения приводит к уменьшению объема необходимых биоресурсов, сокращению традиционных способов хозяйствования, утрате священных мест, что в свою очередь вызывает потерю занятости, психологический стресс, утрату самоидентификации (культурных корней) и негативное отношение к компаниям-недропользователям.

Соглашения и Договора о сотрудничестве играют, в основном, экономическую роль и не направлены на устойчивое развитие малочисленных народов, скорее позволяют им просто выжить. Планы по содействию устойчивому развитию КМНС являются единичными практиками и только отдельных структур некоторых компаний, а именно «НОВАТЭК» и «Газпром».

Большинство проблем во взаимоотношениях компаний и КМНС обусловлены прежде всего тем, что существующая в РФ правовая база регулирования отношений в сфере природопользования, защиты прав КМНС, развития промышленных комплексов не обеспечивает эффективную защиту прав коренных малочисленных народов. Правовое регулирование общественных отношений с участием этих народов остается фрагментарным. Исполнение законодательства в сфере прав КМНС осложняется последующими изменениями в законодательстве о природных ресурсах (Земельном кодексе, Лесном кодексе и т.д.) и правительственными решениями по недропользованию на Севере¹¹³.

Важнейшим инструментом согласования интересов и защиты прав коренных малочисленных народов является этнологическая экспертиза, при проведении которой оцениваются реальное воздействие и все последствия от промышленного влияния на коренное население и ТТП¹¹⁴. Однако в федеральном законодательстве закреплено лишь понятие «этнологической экспертизы» и право малочисленных народов на участие в ней, соответствующего порядка проведения самой процедуры нет.

В связи с данным обстоятельством регионы или некоторые компании пытаются решать этот вопрос самостоятельно. В 2010 г. закон об этнологической экспертизе был принят в Республике Саха (Якутия). Опыт проведения таких

---

¹¹²Как разрешить конфликты между нефтяниками и коренными северянами. URL: https://ecodelo.org/rossiyskaya_federaciya/uralskiy_fo/tyumenskaya_oblast/38868-kak_razreshit_konflikty_mezhdu (дата обращения: 12.10.2017).

¹¹³Там же.

¹¹⁴Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и в ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. № 1(29). С. 125–135.

экспертиз в регионе доказал важное значение обязательности их проведения для достижения взаимоприемлемого диалога. Серьезной проблемой является отсутствие обязательной, учитывающей весь спектр реального ущерба, методики исчисления убытков, причиненных коренному населению.

Одним из международных документов обеспечивающих обратную связь между коренными народами и компаниями, предотвращающих конфликтные ситуации являются принципы, разработанные Организацией Объединенных Наций (ООН)¹¹⁵. Важными шагами для достижения эффективного партнерства между промышленными компаниями и коренными малочисленными народами на Севере и в Арктике РФ являются:

- комплексное совершенствование федерального законодательства Российской Федерации в области прав коренных народов;
- разработка и утверждение на федеральном уровне методики расчета ущерба исконной среде обитания КМНС;
- определение обязательного характера и четкого механизма проведения этнологической экспертизы, увязка данной процедуры с получением предприятием лицензии на промышленное освоение;
- более жесткий государственный и муниципальный контроль за исполнением экономических соглашений, ужесточение штрафных санкций при невыполнении компаниями законов и взятых обязательств;
- выработка общих стандартов деятельности компаний, учитывающих специфику региона;
- разработка компаниями стратегий взаимодействия с КМНС с использованием норм и правил международных документов.

Как показывает практика, компании, ориентированные на международные требования, более эффективны в плане содействия устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера.

3.4. Государственно-частное партнерство как фактор устойчивого развития российского Севера и Арктики

Одним из перспективных способов взаимодействия бизнеса и различных уровней власти, способствующих устойчивому развитию территорий и повышению их социальной устойчивости, является государственно-частное партнерство (ГЧП) — организационно-институциональное объединение ресурсов частного бизнеса и власти для реализации широкого спектра важных общественных проектов на средне- и долгосрочной основе¹¹⁶.

---

¹¹⁵Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Организация Объединенных Наций. Женева, 2011. 47 с. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf (дата обращения: 18.09.2017).

¹¹⁶Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России: Аналитический доклад. М.: Институт экономики РАН, национальный инвестиционный совет, 2006. С. 14.

Важно подчеркнуть, что ГЧП является взаимовыгодным альянсом, позволяющим бизнесу обеспечивать собственный рост и максимизацию прибыли, а государству создавать условия для социальной и экономической устойчивости, преодоления инфраструктурного дефицита, инновационного развития территорий.

Значимость развития механизма государственно-частного партнерства выражается, прежде всего, в том, что такое партнерство позволяет привлечь частные инвестиции для реализации крупных затратных инфраструктурных проектов общественной важности, осуществить которые частному бизнесу или государству в одиночку не под силу. У бизнеса появляется временный, но долгосрочный доступ к находившимся ранее только в государственном ведении сферам деятельности. Снижается неопределенность бизнес-среды с точки зрения бизнеса и органов управления.

Имеет значение и то, что в процессе осуществления проектов государственно-частного партнерства каждый из участников фокусируется на той деятельности, в которой он более компетентен, и, соответственно, повышается эффективность реализации проектов.

Весомым аргументом в пользу такого партнерства является то, что результаты, финансовые риски и затраты распределяются между сторонами в пропорциях согласно взаимным договоренностям¹¹⁷. Для бизнеса, в случае привлечения заемных средств, такой альянс имеет большое значение для повышения надежности инвестиционных проектов в глазах кредитных учреждений.

Одним из аргументов в пользу государственно-частного партнерства является повышение бюджетной дисциплины, то есть менее вероятное нецелевое использование средств. Общественная значимость состоит в том, что на рынке труда появляются дополнительные рабочие места, а общество получает более качественные продукты и услуги.

На начало 2017 г. в РФ прошли стадию подписания 2183 ГЧП-проекта (в 2013 г. — 86 проектов; в 2014 г. — 131; в 2015 г. — 873). Из них: 15 проектов федерального уровня; 193 — регионального; 1975 — муниципального. Совокупные инвестиции по проектам составили 2,040 трлн. руб. (из которых 65,4 % — частные инвестиции)¹¹⁸.

В настоящее время на федеральном уровне отношения в сфере ГЧП регулируются: законом от 13.07.2015 г. (вступил в силу с 01.01.2017 г.) № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (закон о ГЧП); рядом подзаконных актов (приказов Минэкономразвития РФ, постановлений Правительства РФ) о порядке

---

¹¹⁷Государственно-частное партнерство: понятие и перспективы совершенствования законодательного регулирования. URL: <http://pppcenter.ru/ru/press-center/smi-o-centre/19032010> (дата обращения: 25.09.2017).

¹¹⁸Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016-2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf (дата обращения: 20.09.2017).

организации предварительных переговоров, проведении оценки эффективности реализации проектов, предварительном отборе частного партнера и др.; законом от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Важно отметить, что к моменту вступления закона о ГЧП в силу в 71 субъекте РФ уже были приняты региональные законы в этой сфере¹¹⁹. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность и востребованность такого способа взаимодействия власти и бизнеса на региональном уровне. Однако, ввиду того, что региональное законодательство не должно противоречить или дублировать федеральное, после принятия федерального закона ряд региональных законов о государственно-частном партнерстве были упразднены или изменены.

В регионах Севера и Арктики РФ, в связи с социально-экономическим положением и специфическими особенностями этих территорий, государственно-частное партнерство представляется наиболее перспективным способом преодоления инфраструктурного дефицита.

Определенный опыт использования механизмов государственно-частного партнерства на данных территориях уже есть. Для оценки развития государственно-частного партнерства в северных регионах России был проанализирован Рейтинг регионов РФ по уровню развития ГЧП, который ежегодно с 2013 г. проводится Центром развития государственно-частного партнерства.

Регионы в рейтинге за 2013 г., 2014 г. и 2014-2015 гг. оценивались по таким факторам как развитость институциональной среды, опыт реализации проектов, инвестиционная привлекательность.

Рейтинг за последующие два периода рассчитывался по частично измененным факторам, таким как развитость институциональной среды, нормативно-правовое обеспечение, опыт реализации проектов. Изменились и максимальные значения в баллах по каждому из факторов. В расчет за 2015–2016, 2016–2017 гг. не брались проекты, в которых частные инвестиции не превышают 1 млн руб. В связи с данным обстоятельством в рейтингах была рассмотрена не динамика рассчитанных по баллам показателей, а динамика занятых регионами мест (табл. 3.2).

Наиболее высокие места относительно остальных северных регионов занимают Республика Саха (Якутия) и Ханты-Мансийский АО, последний из которых ни разу не выбивался из тридцатки лидеров рейтинга. Архангельская область также заняла неплохую позицию (26 место) и вошла в первые тридцать регионов рейтинга за 2016–2017 годы. Данные регионы, а также Ямало-Ненецкий АО реализуют больше всего проектов ГЧП (с общими инвестициями не менее 1 млн руб.) среди остальных рассматриваемых северных субъектов РФ.

В Республике Саха (Якутия) реализуются более 20 проектов муниципального уровня в социальной сфере преимущественно по созданию и технической эксплуатации объектов дошкольного, общего, дополнительного образования и культуры. Осуществляются проекты и регионального статуса, в марте 2016 года был подписан проект регионального уровня в коммунальной сфере.

---

¹¹⁹Гасникова А. А., Чапаргина А. Н. Государственно-частное партнерство в северных регионах России // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 2. С. 114–131.

Таблица 3.2

Рейтинг северных и арктических регионов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства, места^{120, 121}

Регионы РФ	ГЧП – СТАРТ 2013	2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017
Республика Карелия	19	35	62	61	66
Республика Коми	29	21	23	37	53-54
Республика Саха (Якутия)	47	74	25	14	24
Архангельская область	65	41	49	35	26
Камчатский край	63	63	57	50	59
Магаданская область	77	55	79	77	47
Мурманская область	43	43	38	40	42
Сахалинская область	82	37	34	44	69-70
Ненецкий АО	76	67	70	75	74
Ханты-Мансийский АО	24	12	20	28	22
Ямало-Ненецкий АО	40	64	19	24	40
Чукотский АО	83	83	83	82	64
Республика Тыва	75	46	48	69	77

Ханты-Мансийский АО характеризуется большим количеством ГЧП-соглашений (более 20 проектов) муниципального уровня в коммунально-энергетической сфере. В конце 2014 г. в регионе был подписан крупный проект регионального уровня (общий объем вложений около 11 млрд руб.) в социальной сфере по созданию перинатального центра в городе Сургуте.

Архангельская область имеет самый обширный опыт по реализации ГЧП-проектов из всех рассматриваемых северных регионов РФ (более 30 проектов, учитывая ГЧП-соглашения с инвестициями менее 1 млн руб. (табл. 3.3)). Почти все проекты осуществляются на муниципальном уровне в коммунально-энергетической сфере. Реализуется два проекта регионального уровня в коммунально-энергетической и транспортной сферах.

В Ямало-Ненецком АО реализуется несколько проектов регионального и муниципального уровня в транспортной, социальной, коммунальной и энергетической сферах. Самым крупным по инвестициям в регионе и по всему Северу РФ является проект в транспортной сфере по созданию и эксплуатации железнодорожного объекта «Бованенково-Сабетта» с общим объемом инвестиций 113 млрд руб.¹²².

Республика Коми и Мурманская область имеют не самые низкие позиции в рейтинге благодаря достаточно развитым институциональной среде и нормативно-правовому обеспечению. Однако реальных ГЧП-проектов в этих регионах немного (табл. 3.3).

¹²⁰Рейтинг регионов по ГЧП. URL: <http://pppcenter.ru/proektyi-czentra/rejting-regionov-po-gchp.html> (дата обращения: 22.09.2017).

¹²¹Рейтинг регионов России по уровню развития ГЧП. URL: <http://www.pppi.ru/regions?year=2016&region=all> (дата обращения: 15.09.2017).

¹²²На Мурманский транспортный узел не хватает денег. Новости 16.08.2017. URL: <http://severpost.ru/read/57235/> (дата обращения: 05.10.2017).

Таблица 3.3

Рейтинг северных и арктических регионов Российской Федерации
по уровню развития государственно-частного партнерства, баллы^{123, 124}

Регионы	Опыт реализации проектов		Нормативно-правовое обеспечение		Институциональная среда	
	2015–2016	2016–2017	2015–2016	2016–2017	2015–2016	2016–2017
Республика Карелия	Нет данных	1	1,5	1,0	3,1	4,2
Республика Коми	1,03	1,4	2,0	2,0	5,3	4,8
Республика Саха (Якутия)	4,13	6,7	2,1	2,4	5,6	6,1
Архангельская область	3,69	7,8	0	1,5	4,0	4,9
Камчатский край	0,21	0,2	1,5	1,8	4,7	5,6
Магаданская область	Нет данных	0,2	0	4,2	2,0	5,4
Мурманская область	0,99	1,1	2,3	3,2	4,5	7,4
Сахалинская область	0,86	0,8	1,2	0,5	4,7	4,0
Ненецкий АО	0,14	Нет данных	0,5	1,0	2,0	3,6
Ханты-Мансийский АО	4,05	7,5	0,6	2,9	4,2	4,8
Ямало-Ненецкий АО	3,4	4,7	1,1	0,5	4,9	5,9
Чукотский АО	Нет данных	3	0	0,5	0,6	2,5
Республика Тыва	0,63	0,6	0,5	0,5	2,1	2,0

В Мурманской области реализуются два ГЧП-проекта в коммунальной сфере муниципального и регионального уровня. Проект регионального уровня отличается достаточно длительным сроком реализации — 40 лет. Его целью является создание системы обработки, размещения твердых бытовых коммунальных отходов для нужд нескольких населенных пунктов области. Общий объем инвестиций по проекту составляет 1250 млн руб.¹²⁵. В Республике Коми реализуются три ГЧП-проекта регионального уровня в коммунальной, социальной сферах и масштабный транспортный проект по созданию и реконструкции автомобильной дороги Сыктывкар–Ухта–Печора–Усинск–Нарьян-Мар. Общие инвестиции по транспортному проекту составили 5830 млн руб. Планируется пять проектов регионального уровня в социальной сфере, касающиеся здравоохранения, культуры, спорта и отдыха.

Одним из решений проблемы недостатка бюджетного финансирования при осуществлении значимого для Арктической зоны РФ проекта – Мурманского транспортного узла — стало включение в сценарий его реализации концессионной формы ГЧП. На данный момент проект осуществляется только за счет государственных контрактов с привлечением внебюджетных средств¹²⁶.

¹²³Рейтинг регионов России по уровню развития ГЧП 2015-2016. URL: <http://www.pppi.dev.nologostudio.ru/regions> (дата обращения: 25.09.2017).

¹²⁴База проектов. URL: <http://www.pppi.ru/projects?region=57&etap=4> (дата обращения: 20.09.2017).

¹²⁵Там же.

¹²⁶Концепция развития публичной нефинансовой отчетности». Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Стабильно самые низкие рейтинговые места занимал Чукотский АО, который, однако, за последний период поднялся почти на двадцать пунктов, что объясняется отсутствием данных по региону за предыдущие периоды, а также подписанием в 2016 г. концессионного соглашения Правительством Чукотского АО с ООО «СтройИнвест-Энергия» в коммунально-энергетической сфере сроком на 20 лет. Данный проект имеет региональное значение, общий объем инвестиций — 143,3 млн руб. В регионе планируется осуществление еще 3-х крупных проектов регионального значения в транспортной и коммунально-энергетической сферах, на данный момент в этих сферах реализуются 2 региональных и 2 муниципальных проекта.

В Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях реализуются проекты муниципального уровня преимущественно в коммунально-энергетической сфере. В Республике Карелия в 2016 г. были заключены два ГЧП-соглашения регионального уровня также в коммунально-энергетической сфере. В Республике Тыва с 2015 г. осуществляется региональный проект по строительству дошкольных учреждений. Ненецкий АО реализует муниципальный проект в коммунальной сфере.

Север и особенно Арктика РФ являются одними из наиболее привлекательных для инвесторов регионов России, обладающих огромным потенциалом для развития. Последовательное становление здесь института государственно-частного партнерства, заработав в полную силу, позволит системно инвестировать частный капитал как в глобальные проекты (что имеет огромное значение для развития РФ в целом), так и в менее масштабные, но не менее важные для каждого региона в отдельности, проекты в таких сферах как образование, культура, туризм, здравоохранение.

Недостаточно развитая инфраструктура в различных сферах, особенно в социальной, и другие специфические особенности северных и арктических территорий России усиливают потребность в развитии такого способа сотрудничества власти и бизнеса как государственно-частное партнерство.

В настоящий момент все северные и арктические субъекты РФ осуществляют шаги в этом направлении, что способствует их социально-экономическому развитию. Большинство ГЧП-проектов в данных регионах имеют муниципальный статус, региональные проекты реализуются в меньшей степени, что соответствует общероссийской тенденции. Самой активной сферой применения является транспортная и коммунально-энергетическая, данная тенденция также характерна для РФ в целом.

Отсутствие опыта реализации ГЧП-проектов, как в структурах частного бизнеса, так и в государственных органах власти, является серьезной проблемой на пути развития такого партнерства. Необходима система подготовки кадров, причем подготовка специалистов должна вестись, прежде всего, по отраслевому принципу. Необходимы управленцы, которые одинаково хорошо разбираются в финансах, проблемах реализации государственно-частного партнерства и одновременно знают тонкости функционирования отдельных отраслей.

3.5. Перспективы развития КСО в России, на Севере и в Арктике РФ

Процессы становления и развития корпоративной социальной ответственности различаются в зависимости от традиций, экономической ситуации, принципов политического устройства в той или иной стране, а также от роли государства и границ государственного регулирования данной сферы.

Для европейского общества осознание значимости КСО свидетельствует о зрелости и высоком экономическом потенциале осуществляющих их европейских компаний. Развита и работает система сотрудничества с профсоюзами, общественными организациями, международными и наднациональными органами управления, с максимальной фокусировкой стратегических целей компаний на интересах гражданского общества.

На Интернет-сайтах практически любой крупной европейской корпорации обязательно присутствуют такие рубрики как «социальная ответственность», «корпоративное гражданство», «устойчивое развитие». Это необходимо корпорациям для признания их масштабной деятельности и оправдания экономического могущества в глазах общества. Постиндустриальная экономика превратила социальные издержки в инвестиции (человеческий капитал, образование, здравоохранение, научные разработки), которые приносят ощутимую коммерческую отдачу. Кроме того, сотрудничество с гражданским обществом и государственными институтами позволяет корпорациям формировать стабильную экономическую среду.

В свою очередь, государство также заинтересовано в сотрудничестве с компаниями, поскольку имеет возможность переключать часть своих традиционных функций, в том числе в социальной сфере на частный бизнес. Примером такого взаимодействия является модель PPP (Public Private Partnership), партнерство государства с частным капиталом (в российском варианте — государственно-частное партнерство).

В России ситуация существенно отличается. Позитивные сдвиги в сфере КСО крупных российских компаний, включая соблюдение международных стандартов, системный подход к социальным инвестициям и их объемы, совокупные усилия бизнеса в развитии человеческого капитала, в построении информационного общества, охране окружающей среды пока не получают оценки на высоком политическом уровне. Все это обуславливает отличную от ЕС ситуацию с развитием КСО. Если в Европе гражданское общество, судебная система и государство являлись инициаторами развития КСО, то в России роль инициатора развития КСО до последнего времени выполнял сам бизнес в лице своих общественных организаций, таких как Российский Союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Опора России, Ассоциация менеджеров РФ и др.¹²⁷.

Общественные объединения бизнеса вели и ведут большую работу по продвижению корпоративной социальной ответственности, нефинансовой отчетности бизнеса в публичное пространство, с помощью статей, обзоров, эссе в специализированных изданиях, на сайтах в Интернете, проведения ежегодных выставок, форумов, конкурсов, рейтингов, на которых присуждаются премии за лучшие нефинансовые отчеты, за лучшие практики КСО, за охрану окружающей среды и т. д.

Официальные средства информации — телевизионные каналы федерального и регионального уровня — уделяют этой сфере недостаточное внимание. Из всех федеральных каналов только РБК постоянно дает материалы по взаимоотношениям бизнеса, власти и общества.

---

¹²⁷Башмакова Е. П. Корпоративная социальная ответственность: зарубежный и российский опыт государственного регулирования // Финансы и бизнес. 2014. № 3. С. 108–117.

Отсутствие публичности (Кейс 5), общественной дискуссии о значительной роли корпоративной социальной ответственности не позволяет в полной мере преодолеть негативное отношение части российского общества к бизнесу, и в этом плане ситуация тоже отличается от европейской.

Кейс 5. Осведомленность населения арктических регионов РФ о деятельности крупных промышленных корпораций в сфере КСО: данные социологического опроса в Мурманской области

В 2017 г. автором данного раздела в сотрудничестве с группой ученых-социологов Отдела социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН под рук. к.э.н. И. А. Гущиной, было проведено пилотное исследование с целью выявления уровня осведомленности населения одного из арктических регионов РФ о деятельности крупных промышленных корпораций в сфере КСО. Результаты подтвердили нашу гипотезу о незначительности сведений о деятельности корпораций в сфере КСО у населения.

Опрос проводился в Мурманской области, где работает как минимум 4 дочерних компании очень крупных корпораций. Выяснилось, что менее трети респондентов (27,0 % опрошенных), слышали о КСО, 30,7 % не знают о КСО и 41,4 % затруднились с ответом.

Более 20 % опрошенных смогли ответить о направлениях деятельности КСО. Число знающих о том, что КСО помогает развитию медицинских услуг и помощи малообеспеченным семьям, составляет около 3 % опрошенных. Респондентов, знающих о том, что КСО способствует развитию спорта и здорового образа жизни — 11,6 %; развитию школ — 11,4 %.

Больше осведомленности население обнаружило в отношении деятельности корпораций — в сумме более 60 % знает, что корпорации пополняют доходы бюджета (25,7 %), обеспечивают рабочие места (32,7 %) и загрязняют территорию (22,2 %).

В целом более 30 % и 40 % затруднились с ответом и по поводу корпораций, и по поводу КСО. Это свидетельствует о том, что при таком низком уровне знаний трудно ожидать от общества гражданской позиции в отношении деятельности корпораций и развития их социальной ответственности.

Данные нашего опроса существенно отличаются от результатов опросов, проводимых РСПП, Ассоциаций менеджеров, зарубежными исследователями. Это объясняется тем, что перечисленные организации работают в основном с самими корпорациями, их менеджерами и топ-менеджерами, которые хорошо осведомлены о том, что происходит в их сфере деятельности.

Население же, которое больше всех должно быть заинтересовано в результатах деятельности корпораций, остается в неведении, если это не связано с чрезвычайными ситуациями, подобными эпизоду в Пикалево в 2009 г., или крупными авариями.

Данные об основных отличиях процесса развития регулирующих воздействий на сферу КСО и движущих силах этого развития представлены в таблице 3.4.

Таблица 3.4

Сравнительная характеристика развития корпоративной социальной ответственности в странах ЕС и России

Основные индикаторы	Страны ЕС	Россия
Основные заинтересованные стороны (стейкхолдеры) по степени важности	Персонал Потребители Сообщество (гражданское общество, НКО, СМИ) Акционеры	Государство Собственники Персонал Потребители Сообщество (гражданское общество, НКО, СМИ)
Стимулирующие (движущие) силы развития КСО	Сообщество (гражданское общество, НКО, СМИ) Судебная система Корпорации (бизнес) Государство	Требования зарубежных инвесторов на соответствие международным стандартам Бизнес-сообщество (РСПП, АМР, Опора России и др.) Местные власти Государство
Роль НКО (некоммерческих)	Многочисленные общественные организации (Гринпис, WWF и др.) Общественное мнение, в т.ч. формируемое в СМИ	Сравнительно немногочисленные НКО, сотрудничающие с бизнесом в сфере КСО, недостаточно влиятельные в общественном мнении, СМИ практически не участвуют
Тенденции нефинансовой отчетности	Иницируются государством и бизнесом Хорошо развитые стандарты отчетности Ориентированы на всех стейкхолдеров	Иницируются бизнес-сообществом, зарубежными инвесторами Проходят этап становления и поступательного развития В основном ориентированы на государство, отчасти на стейкхолдеров

Заинтересованность государства в проблеме реализации КСО активизируется, в основном, в кризисные периоды¹²⁸. В настоящее время в РФ достаточно сложная экономическая ситуация, поэтому появились данные, свидетельствующие о наличии определенных сдвигов в отношении политической элиты к социальной ответственности бизнеса (кейс 6).

Кейс 6. Развитие институциональных основ регулирования КСО в России

В приказе Министерства экономического развития и Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 22.08.2014 г. № 306 утверждена методика «Самооценки качества корпоративного

¹²⁸ Яркий пример — события в городе Пикалево 2009 г.

управления в компаниях с государственным участием», где есть раздел VI. Корпоративная социальная ответственность, деловая этика, комплаенс¹²⁹.

Разработано и утверждено несколько отраслевых соглашений работодателей (2014–2017 гг.), где рекомендовано в целях распространения практики КСО принятие работодателями добровольные обязательств по подготовке не реже одного раза в два года корпоративного социального отчета; формирование и проведение работодателями согласованной политики в сфере социально-трудовых и связанных с ними экономических отношений на основе принципов корпоративной социальной ответственности.

Принято несколько приказов Министерства образования и науки РФ, в частности, «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 47.04.03. «Прикладная этика» (уровень магистратуры), где одна из компетенций звучит как «... способность разрабатывать и внедрять в практику проекты по поддержанию этических практик в области функционирования социальных структур, институтов, профессиональных и социальных сообществ, а также программы корпоративной социальной ответственности, снижающие уровень социальной напряженности в обществе, организациях и социальных сообществах (ПК-11)»; «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.04.03. «Управление персоналом» (уровень магистратуры), компетенция «...способность использовать принципы корпоративной социальной ответственности при разработке и реализации стратегии организации, в том числе ее кадровой стратегии (ОПК-6)».

В «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г.» (новая редакция), утвержденных Председателем Правительства Российской Федерации Д. Медведевым 14.05.2015 г., зафиксировано следующее:

- расширение направлений государственной поддержки социального предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций, субсидирование процентных ставок, в том числе с участием институтов развития, поддержка благотворительной деятельности и добровольчества;

- формирование условий для развития механизмов государственно-частного партнерства в социальной сфере (образование, здравоохранение, социальное обслуживание, физкультура, спорт, строительство социального жилья), включая расширение практики заключения концессионных соглашений, передачу части объектов социальной инфраструктуры в управление негосударственным организациям, а также оказание негосударственными организациями отдельных видов услуг, предоставляемых государственными и муниципальными учреждениями;

- внедрение независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, введение публичных рейтингов, выявление и распространение лучшей практики деятельности организаций в социальной сфере;

---

¹²⁹Комплаенс — принцип ведения бизнеса в соответствии с применимым законодательством, правилами, кодексами и стандартами. COMPLIANCE-программы тесно связаны с противодействием коррупции.

- содействие развитию практики корпоративной социальной ответственности, формирование механизмов координации благотворительных и спонсорских программ компаний с государственным участием с приоритетами государственной политики в социальной сфере, спорте, образовании, науке и культуре.

Пока это касается только предприятий с государственным участием, но уже то, что в государственных документах официально говорится о «корпоративной социальной ответственности», является позитивным признаком, тем более, что государственные компании — один из наименее прозрачных сегментов российского бизнеса.

Указом Президента РФ от 30.09.2015 г. N 491 с 1.01.2016 г. учреждена ежегодная Государственная премия Российской Федерации за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности.

Обновлен Федеральный закон от 11.08.1995 г. N 135-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в который введен Раздел IV. Государственные гарантии благотворительной деятельности: статья 1. Гарантируется и обеспечивается защита предусмотренных законодательством Российской Федерации прав и законных интересов граждан и юридических лиц — участников благотворительной деятельности и Статья 18. Поддержка благотворительной деятельности органами государственной власти и органами местного самоуправления.

2015–2017 гг. стали поворотными в государственном регулировании развития КСО в России. Распоряжением Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р утверждена «Концепция развития публичной нефинансовой отчетности»¹³⁰. Концепция развития публичной нефинансовой отчетности (далее — Концепция) разработана во исполнение пункта 9 раздела III плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2016 г. N 1144-р, и направлена на:

- совершенствование системы стимулирования российских организаций к повышению информационной открытости и прозрачности результатов воздействия их деятельности на общество и окружающую среду, включая экономическую, экологическую и социальную составляющие;
- расширение возможностей для объективной оценки на основе публичной нефинансовой отчетности о вкладе результатов деятельности российских организаций в общественное развитие;
- содействие укреплению репутации российских организаций и повышению доверия к их деловой активности в РФ и за ее пределами.

Положения Концепции разработаны с учетом российских и международных документов, включая:

- Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р;

¹³⁰Концепция развития публичной нефинансовой отчетности». Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

- Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденные Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.;

- Стандарта ГОСТ Р ИСО 26000–2012;

- Кодекса корпоративного управления, одобренный Советом директоров Центрального банка Российской Федерации 21 марта 2014 г. (далее — Кодекс корпоративного управления);

- Антикоррупционной хартии российского бизнеса;

- Социальной хартии российского бизнеса;

- Принципов Глобального договора Организации Объединенных Наций;

- Резолюции «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 25 сентября 2015 г. (далее — резолюция Организации Объединенных Наций);

- Международный стандарт ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности»;

- Итогового документа конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим»;

- Руководство по отчетности в области устойчивого развития Глобальной инициативы по отчетности (далее — руководство GRI).

Действие Концепции распространяется, в том числе, на государственные компании, государственные корпорации, публично-правовые компании, государственные унитарные предприятия и хозяйственные общества с государственным участием, соответствующие критериям, установленным разделом V Концепции. Иные коммерческие и некоммерческие организации, органы власти различных уровней могут руководствоваться положениями Концепции в добровольном порядке.

Концепция, безусловно, еще не закон, но то, что все ее основные положения разработаны в соответствии с теми принципами, стандартами и подходами, которыми руководствуются компании в сфере КСО, свидетельствует о том, что наше государство осознало значимость КСО, принципов устойчивого развития и нефинансовой отчетности для социально-экономического развития страны, а также и необходимость государственного регулирования этой очень важной сферы.

Это прямо прописано в Концепции, где говорится о том, что на уровне государственной политики РФ в сфере социально-экономического и экологического развития сформулированы цели, достижение которых становится возможным при условии совместных усилий государственного, частного и общественного секторов. Эти цели включают в себя построение экономики лидерства и инноваций, конкурентоспособной на мировом уровне, повышение качества человеческого капитала как важного фактора конкурентоспособности страны в XXI веке, обеспечение экологической безопасности, достижение социального благополучия и согласия в обществе. Публичная нефинансовая отчетность является одним из важных источников данных, на основании которых на государственном уровне могут приниматься решения о степени достижения обозначенных стратегических целей, а также о необходимости объединения или разграничения усилий различных секторов общества.

В Концепции указано, что в связи с этим актуальной национальной задачей является необходимость повышать осведомленность в государстве и обществе по вопросам социальной ответственности, устойчивого развития и публичной нефинансовой отчетности, а также о регламентирующих эту сферу документах и поддерживать практику публичной нефинансовой отчетности¹³¹.

Можно отметить еще несколько событий и документов, которые окажут существенное влияние на дальнейшее развитие КСО в мире и в России. Большая часть этих документов имеет общемировой характер, и они были приняты в 2014—2016 гг. Перечень документов и оценка их влияния на развитие КСО и нефинансовой отчетности в мире и в РФ представлены в таблице 3.5.

В ближайшем будущем требования к ответственности и информационной открытости организаций, к повышению качества публичной нефинансовой отчетности будут возрастать. Международные инициативы, такие как принятие Целей устойчивого развития до 2030 г., Парижское соглашение по сокращению выбросов парниковых газов, усиливают внимание заинтересованных сторон к воздействию организаций на экономику, общество и окружающую среду. Инициативы стимулируют спрос на информацию, подтверждающую, что бизнес, прежде всего крупный, в своей деятельности ориентирован на достижение сбалансированности всех трёх компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического.

Деловая практика, построенная на принципах ответственности и устойчивого развития — сегодня практическая необходимость для компаний в силу растущего внимания к вопросам «зелёной экономики» и изменения климата, безопасности труда и производства, управления рисками, энергетической эффективности, ответственности в цепочке поставок, внедрения антикоррупционных практик, вклада в развитие территорий присутствия.

Оценка компаний с учётом экологических, социальных, этических норм всё в большей степени будет влиять на доступ к рынкам и капиталам. Финансовые рынки включаются в процесс формирования запроса на нефинансовые показатели. Растёт число фондовых бирж, которые предъявляют к котирующимся компаниям требования раскрывать информацию по экологическим и социальным аспектам деятельности, по вопросам управления. К началу 2017 г. 58 фондовых бирж заявили о намерении продвигать принципы устойчивого развития на своих рынках, они разрабатывают и внедряют рекомендации для своих эмитентов по раскрытию нефинансовых показателей.

Российский бизнес, в том числе северный и арктический, должен быть готов к тому, что подобные тенденции будут усиливаться. Рост спроса на информацию стимулирует всё более широкое использование инструментов независимой оценки деятельности компаний на основе анализа их публичной отчетности. К существенным факторам её развития и повышения качества относятся индексы и рейтинги в сфере устойчивого развития и корпоративной ответственности, которые нашли применение и в российской практике.

Анализ становления и развития КСО и нефинансовой отчетности в России показал, что их развитие идет в русле общемировых тенденций, хотя и с некоторым временным отставанием. Крупнейшие российские компании, в том числе и сырьевые, действующие на Севере и в Арктике, восприняли достижения западной науки и практики и активно используют их в развитии ответственности компаний в экономическом, экологическом и социальном плане.

---

¹³¹ Там же.

Мировые инициативы в области устойчивого развития
и их влияние на развитие КСО и нефинансовую отчетность в мире и в России

Характеристика документа	Реакция мирового сообщества	Реакция России
1	2	3
<p>Саммит ООН 2012 г. по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро «Рио+20»: «Будущее, которое мы хотим».</p> <p>Основной итог - решение о начале разработки Целей устойчивого развития, которые должны заменить Цели развития тысячелетия, срок которых истекает в 2015 г.</p>	<p>Всеми странами согласован набор принципов, которым должны отвечать стратегии развития «зеленой» экономики. Решено подготовить предложения по созданию механизма содействия в разработке, передаче и распространению чистых и экологически безопасных технологий посредством, в частности, оценки технических потребностей развивающихся стран, способов удовлетворения таких потребностей и возможностей в плане создания потенциала. Запуск этих двух новых межгосударственных процессов имеет важное значение для перехода к устойчивому развитию в глобальном масштабе.</p>	<p>В России есть согласие, в том что документ «Будущее, которого мы хотим» служит подтверждением ключевых многосторонних договорённостей и взаимных обязательств стран в социальной, экономической и природоохранной сферах, которым будет следовать и РФ. Российским компаниям предстоит задуматься над оценкой своего вклада в цели устойчивого развития и «зеленой экономики» и более чётко выстроить собственные стратегии в этом направлении.</p>
<p>29.09.2014 г. Совет Европы одобрил Директиву по раскрытию нефинансовой информации. Директива предполагает введение в законодательства стран-членов ЕС требований к компаниям раскрывать минимальный объём нефинансовой информации по обеспечению целостности окружающей среды и социальной защищённости работников, соблюдению прав человека, противодействию коррупции и др.</p>	<p>До конца 2016 г. страны-члены ЕС должны были внести соответствующие изменения в национальные законодательства и гармонизировать требования по нефинансовой отчётности. Документ принят в мягкой формулировке («отчитывайся или объясняй»). По сообщению Совета Европы к началу 2017 г. лишь 57 % государств полностью завершили процесс инкорпорирования Директивы в национальные законодательства. В разных странах процесс проходил с разной степенью активности со стороны правительств, бизнеса и гражданского общества.</p>	<p>Среди стран БРИКС (без Южной Африки) Бразилия значительно опережает остальные страны, а Россия отстаёт от Индии и Китая. В РФ эта Директива, в основном, касается только компаний, непосредственно работающих совместно с европейскими компаниями или на территории ЕС. Документ уже оказывает влияние на российские компании, работающие на европейских рынках, и эта тенденция будет только усиливаться.</p>

1	2	3
<p>В 2015 г. государства-члены ООН приняли документ «Меня наш мир: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года». Впервые странам мира удалось договориться об объединении усилий ради достижения общих целей, которые должны привести к благополучию людей и планеты. Документ представляет собой коллективный план действий, содержит 17 целей устойчивого развития (ЦУР 2030), 169 задач и 230 индикаторов. 1 января 2016 г. 17 целей официально вступили в действие. ЦУР не имеют юридически обязательной силы, но предполагается, что правительства возьмут на себя ответственность и создадут национальные механизмы, содействующие их достижению.</p>	<p>С момента принятия Повестки она становится основным международно-признанным рамочным документом, определяющим содержание деятельности в области устойчивого развития, а также содержание нефинансовой / ESG-отчётности, так как измерение прогресса в достижении целей способствует согласованности и сопоставимости инвестиций и действий в глобальном масштабе. В опубликованном «Отчете о тенденциях ответственного делового поведения 2017» отмечается, что 60% корпоративных респондентов заявляют, что их компании интегрирует ЦУР в свою бизнес-стратегию. Частный сектор всё чаще рассматривается в качестве одной из основных заинтересованных сторон, играющих важнейшую роль в деле достижения целей устойчивого развития. В октябре 2016 г. создана новая платформа сотрудничества под эгидой ООН (<i>Financial Innovation Platform</i>) для поиска инновационных финансовых инструментов, с помощью которых будет возможно достичь ЦУР-2030.</p>	<p>В России цифры скромнее. По нашим оценкам, принципы КСО включены в управленческую модель около ста крупнейших компаний-лидеров. ЦУР в РФ не так популярны и используются в политиках, прежде всего, международных компаний. Такие лидеры как Unilever и Nestle продвигают эту инициативу в нашей стране. В РФ на Повестку, в основном, отреагировали учёные и организации, представляющие Россию на международном уровне. В ходе согласования текста Глобальной повестки дня делегация РФ выступала за то, чтобы будущая стратегия была выдержана в духе Конференции ООН по устойчивому развитию («Рио+20»), и её итогового документа «Будущее, которого мы хотим». Судя по публикациям, российским компаниям предстоит задуматься над оценкой своего вклада в цели устойчивого развития и более чётко выстроить собственные стратегии в этом направлении. Рост спроса на информацию стимулирует всё более широкое использование инструментов независимой оценки деятельности компаний на основе анализа их публичной отчётности.</p>

1	2	3
<p>Страны несут основную ответственность за проведение деятельности и обзора прогресса в реализации целей. Для этого необходимо обеспечить сбор качественных, доступных и актуальных данных.</p>	<p>Эти процессы указывают на значительные изменения, которые будут происходить и уже происходят в той сфере деятельности, которую ещё недавно называли КСО и устойчивое развитие, что, в свою очередь, потребует от многих компаний, особенно крупных, быстрого реагирования и пересмотра своих планов.</p>	<p>Российский бизнес должен быть готов к тому, что подобные тенденции будут лишь усиливаться.</p>
<p>В апреле 2016 г.: 175 стран подписали Парижское соглашение по изменению климата, приняв на себя обязательства разработать меры, которые позволят предотвратить повышение общемировой температуры более чем на 2 градуса Цельсия, а с учётом серьёзности рисков — стремиться ограничить её рост уровнем 1,5 градуса. Соглашение представляет собой «дорожную карту» мер, которые позволят сократить выбросы и укрепить устойчивость планеты к изменению климата. Соглашение взаимосвязано с ЦУР-2030. Помимо целей, в которых прямо сформулировано требование действий в отношении изменения климата, 12 из 17 целей устойчивого развития предусматривают принятие дополнительных мер. Поэтому считается, что Парижское соглашение имеет колоссальное значение для достижения ЦУР-2030.</p>	<p>Правительства многих стран расширяют требования к компаниям, оперирующим на национальных рынках, в отношении ответственного поведения, включая сюда требования повышения подотчётности и прозрачности в экологическом плане. Деловая практика, построенная на принципах ответственности и устойчивого развития, — необходимость для компаний в силу растущего внимания к вопросам «зелёной экономики» и изменения климата. Предоставление заинтересованным сторонам качественной информации о результатах деятельности и влиянии бизнеса на общество и окружающую среду становится всё актуальнее в связи с изменениями, которые ожидаются в обозримой перспективе на глобальном рынке и на уровне стран. Стоит задача уберечь от деградации планету, в том числе посредством внедрения рациональных моделей потребления и производства, рационального использования природных ресурсов и принятия неотложных мер в связи с изменением климата, с тем, чтобы планета могла обеспечивать удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений.</p>	<p>Россия подписала Парижское соглашение, но, по мнению экспертов, его ратификация произойдёт не ранее 2019 г. Характер обсуждения данного события в российской прессе выявляет невысокий уровень интереса к теме и потребности в реальных действиях.</p>

За относительно короткий по мировым меркам срок, корпоративная социальная ответственность лидирующего бизнеса в России прошла путь развития от разовых бессистемных благотворительных и социальных акций до интеграции КСО в стратегии развития компаний и формирования продуманной системной деятельности в сфере устойчивого развития по триединому итогу.

Несмотря на отсутствие собственно российской модели/концепции КСО, в условиях сложной, постоянно меняющейся экономической и политической ситуации в России, отсутствия государственного регулирования, заметная часть российского бизнеса в практике КСО не уступает западному бизнесу как по спектру социальных и экологических мер, так и по их количеству и финансовым показателям.

Пока количество компаний реализующих принципы КСО и Устойчивого развития составляет около 1 % от общего количества компаний России, но это наиболее успешные компании, формирующие около 60% федерального бюджета. В большей своей части это сырьевые компании, остающиеся до настоящего времени не вполне легитимными, поскольку их право собственности, полученное, как правило, путем ваучеров, залоговых аукционов и т.п.¹³², в любой момент может быть оспорено и нарушено, и это в какой-то мере вынуждает их действовать так, чтобы получить общественное признание и установить партнерские отношения с властями всех уровней, как действуют и транснациональные компании и во всем мире.

Для территорий Севера и Арктики РФ деятельность компаний в сфере КСО является одним из важнейших факторов повышения уровня и качества жизни населения, достижения высоких уровней социальной устойчивости. Значение корпораций в экономическом плане не исчерпывается тем, что они являются главными в уплате налогов и предоставлении рабочих мест на территориях присутствия. Компании формируют спрос на новую технику и оборудование, обеспечивают крупные подряды предприятиям, способствуя развитию и модернизации целых отраслей промышленности. Нефтегазовые и горнопромышленные компании, в том числе ведущие деятельность на Севере и в Арктике РФ, могут стать основными двигателями очередной технологической революции, обеспечивая инвестиции в научно-исследовательскую деятельность и опытно-конструкторские разработки.

Экологическая составляющая КСО тесно связана с экономическими и социальными аспектами деятельности, устойчивостью бизнеса и его вкладом в устойчивое развитие в более широком контексте. Практически все компании, действующие на территориях Севера и Арктики РФ, разрабатывают экологическую политику, в которой уделяется существенное внимание охране окружающей среды, рационализации использования всех видов ресурсов, сокращению вредных выбросов, проведению экологических акций.

---

¹³²Maу В. Приватизация: обретение легитимности. 2009. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-03/7235-privatizatsiya-obretnie-legitimnosti> (дата обращения 07.09.2018).

Участие компаний в социальном развитии северных и арктических территорий РФ имеет широкий спектр, и весьма значимо с точки зрения обеспечения их социальной устойчивости. Прежде всего, это участие в развитии инфраструктуры образования, здравоохранения, спорта и туризма, формирование благоприятной городской и поселенческой среды. Компании участвуют в финансировании программ и проектов, которые имеют долгосрочный эффект и позитивно влияют на качество жизни в регионах и муниципалитетах. Развиваются благотворительность и волонтерство, ориентированные на особые группы населения.

Достижение действенного партнерства коренных малочисленных народов и промышленных компаний на северных и арктических территориях РФ становится одним из условий не только выживания этих народов, но и защиты геополитических интересов страны (основной геополитический принцип: заселенная территория — защищенная территория). В ряде северных и арктических субъектов РФ в результате взаимных усилий коренным малочисленным народам Севера и российскому бизнесу удалось расширить рамки сотрудничества и выработать определенные механизмы партнерских взаимодействий, однако, в этом направлении предстоит большая работа.

Благодаря реализации КСО и социально-экономических проектов северных и арктических компаний развиваются экономическая, транспортная и социальная инфраструктура, формируются новые пространственные ареалы и точки развития (города, поселки), новая система расселения. Развитие сотрудничества власти, бизнеса и общества способствует формированию бесконфликтной среды и создает условия для социально-экономического партнерства, которое является необходимой формой сосуществования всех акторов на северных и арктических территориях.

Поскольку социальная, экологическая и экономическая деятельность корпораций, работающих на северных и арктических территориях РФ, охватывает взаимодействие со многими стейхолдерами, отвечает требованиям мировых стандартов по всем параметрам устойчивого развития и социальной ответственности, есть основания полагать, что эта деятельность соответствует высокому уровню КСО.

В плане государственного регулирования и стимулирования КСО ситуация в РФ до последнего времени существенно отличалась от ситуации в развитых странах, где КСО интегрирована в сферу публичной политики, и наблюдается эффективная работа многочисленных групп интересов, развивающих и продвигающих принципы устойчивого развития и КСО (правительство, НКО, НГО, профсоюзы, представительства международных и общественных организаций).

Принятие на глобальном уровне Целей устойчивого развития до 2030 г., Парижского соглашения по изменению климата, Директивы ЕС и принятие в 2017 г. «Концепции развития публичной нефинансовой отчетности» в России должно оказать позитивное влияние на развития КСО и нефинансовой отчетности в РФ. Эти инициативы стимулируют спрос на информацию, подтверждающую, что бизнес, прежде всего крупный, в своей деятельности ориентирован на достижение сбалансированности всех трёх компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического.

Деловая практика, построенная на принципах ответственности и устойчивого развития становится необходимостью для компаний в силу растущего внимания к «зелёной экономике» и изменению климата, безопасности труда и производства, управлению рисками, энергетической эффективности, внедрению антикоррупционных практик, вкладу в развитие территорий присутствия.

В России новые инициативы пока не нашли существенной поддержки на уровне государственного регулирования, но ведущие сырьевые корпорации, работающие на Севере и в Арктике РФ, такие как ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром», ПАО «ГМК «Норильский никель» и другие, уже внедряют в свою практику задачи устойчивого развития.

Необходимо, чтобы этот процесс получил широкое распространение среди компаний и активно продвигался на государственном уровне. В противном случае это может привести к значительному отставанию развития нефинансовой отчетности, сроков внедрения целей устойчивого развития (ЦУР 2030) и Парижских соглашений в стратегию развития большей части компаний, что может замедлить развитие КСО и нефинансовой отчетности и осложнить ситуацию российских компаний на мировых финансовых и сырьевых рынках.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СОЦИУМА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

4.1. Теоретические обоснования исследования социальной устойчивости методами социологии

Социальная устойчивость как понятие, характеризующее состояние воспроизводственных процессов в социуме, имеет многоплановые теоретические обоснования, осмысление которых способствует прогнозированию как позитивных, так и негативных явлений в обществе. Социологический подход к оценке социальной устойчивости ориентирован на изучение процессов и перспектив устойчивого развития регионов российского Севера и Арктики методами социологии.

В основе изучения социальной устойчивости методами социологии лежат теоретические разработки классиков социологии (труды Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, О. Конта, Т. Парсонса), в которых, при исследовании проблем развития общества, делался акцент на линейных социальных изменениях, исключая возможность повторения предыдущих этапов общественного развития. Так, в трудах Т. Парсонса сохранение устойчивости и развитие общества обеспечивается, в том числе, отношениями между личностью и обществом, что предполагает социетальное функционирование на основе стабильных взаимных обязательств¹³³.

Такой аспект рассматриваемой проблемы как зависимость социального развития от состояния социальных структур нашел отражение в более современных социологических теориях. Американский социолог русского происхождения П. А. Сорокин исследовал социокультурную динамику, особое внимание уделяя так называемым социальным лифтам (образование, армия, политика и т.п.), которые в значительной степени способствуют продвижению личности в карьерном росте, инициируя динамику между социальными стратами¹³⁴.

П. Бурдьё, исследуя характеристики предлагаемого им понятия «социальное пространство», делал акцент на том, что это понятие предполагает более или менее произвольное, обоснованное убеждениями социолога определение, применимое к его исследованию, что соответствует концептуальным положениям структурализма и дает возможность рассматривать сочетание любого множества социальных явлений и степень устойчивости связей между ними как специфическое «пространство»¹³⁵.

Э. Гидденс, один из известных современных теоретиков социологической науки, в своей теории структуризации анализирует сущность взаимовлияния и взаимосвязей в обществе на современном витке его развития, тем самым

---

¹³³Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

¹³⁴Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

¹³⁵Бурдьё П. Социальные условия международной циркуляции идей. Социальное пространство: поля и практика. СПб.: Алетейя, 2005. 596 с.

определяя основные положения социологического анализа уровня устойчивости в обществе¹³⁶.

Р. Дарендорф исследовал такое социальное явление как социальный конфликт, имеющее прямое отношение к социальной устойчивости, рассматривая борьбу различных групп за власть как антагонизм между властью и сопротивлением ей¹³⁷.

Проблема социологического осмысления социальных предпосылок и условий перехода территориальных сообществ к устойчивому развитию нашла отражение в трудах известных российских социологов Р. В. Рывкиной, М. А. Шабанова, В. А. Ядова и др. Известный российский социолог Т. И. Заславская полагала, что фундаментальное изменение общественного устройства обеспечивается устойчивой системой взаимодействий социальных акторов, представляющих различные слои и уровни общества, чему способствует наличие как базовых социальных институтов, так и ориентированных на это взаимодействие социальных общностей и индивидов¹³⁸.

Согласно мнениям ряда исследователей, именно территориальные общности регионов и муниципальных образований являются основой динамичной социальной устойчивости и целостности всей страны. Так, В. К. Левашов, являющийся признанным авторитетом в обосновании научных подходов к определению стратегии устойчивых социальных отношений в российском обществе, полагает, что императивы устойчивого развития неоспоримы, но развитие экономических институтов и процессы реформирования не должны рассматриваться как стратегические цели, а являются средствами достижения взаимообусловленности жизнедеятельности общества¹³⁹.

В рамках нашего исследования локальных проблем социальной устойчивости, следует выделить работы таких современных ученых как А. Н. Аверин, обозначившего комплекс проблем социальной устойчивости на уровне регионов¹⁴⁰, Н. В. Зубаревич, в работах которой определены тенденции социального развития регионов и городов России, выявлены факторы территориального неравенства, предложены комплексные методики оценки регионального социального развития¹⁴¹.

Исследования в области социологии управления, экономической социологии (социальное развитие региона, проблемы социальной жизни общества, взаимозависимость и взаимосвязь социальных, административных, социокультурных аспектов), ориентированы на разработку оптимального механизма устойчивого развития социальной сферы территориальных сообществ.

---

¹³⁶Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

¹³⁷Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. 346 с.

¹³⁸Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. С. 568.

¹³⁹Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость: риски и императивы // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4. С. 29–42.

¹⁴⁰Аверин А. Н. Социальные проблемы устойчивого развития России и её регионов // Экономика и управление. 2004. № 1. С. 20–27.

¹⁴¹Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

Эти вопросы нашли отражение в работах Н. Д. Вавилиной, Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, А. С. Гладышева.

Институциональный характер социального управления описан в работах И. А. Коха, достаточно подробно исследовавшего его сущность, заключающуюся в упорядочивании общественных отношений на основе норм, контроля и санкций в различных сферах социальной реальности. Он полагает, что институциональный подход позволяет оперативнее реагировать на вызовы современности, такие как социальные протестные выступления, техногенные катастрофы, неуправляемая миграция, терроризм и др.¹⁴².

Изучение социальной устойчивости включает выявление смыслообразующих ценностей, составляющих основу жизненных стратегий, что необходимо для определения того, насколько ценностные установки социума совпадают с управленческими стратегиями социального развития данной территории. Такой подход нашел отражение в работах польского социолога П. Штомпки, рассматривающего формирование общественного консенсуса как фильтр для отсеивания побочных и незначительных критериев, мешающих социальному прогрессу¹⁴³. Прикладная составляющая этой теории целесообразна к применению при построении механизма эффективной информационной политики, отражающей установки, приоритеты, достижения деятельности властных структур.

Масштабность и многогранность информации, направляемой от власти к обществу, составляют основу для формирования общественного сознания. Его измерение и анализ с использованием методов социологии по своей сути являются каналом обратной связи. Такой подход использован Д. Истоном при построении его известной модели управления в обществе¹⁴⁴ (рис. 4.1).

Рис. 4.1. Система управления по Д. Истону

Модель Д. Истона представляет собой открытую социально-политическую систему управления. Ее взаимодействие с социальной средой осуществляется через импульсы-требования (от части социума, недовольного какими-либо действиями власти) и импульсы-поддержки (проявления лояльности социума к деятельности управленческих структур), которые в переработанном виде (конверсия) трансформируются в решения и действия власти. Так образуется контур постоянного взаимодействия, который Д. Истон называл «взаимосвязанным потоком поведения».

¹⁴²Кох И. А. Институциональность социального управления // Известия Уральского ГУ. 2005. № 37. С. 175–267.

¹⁴³Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. 664 с.

¹⁴⁴Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. 385 с.

Социологические исследования общественного мнения по выявлению «импульсов-требований» и «импульсов-поддержек» призваны способствовать обеспечению структур управления соответствующей информацией о состоянии общественного сознания. К примеру, несвоевременная реакция власти на импульсы-требования может спровоцировать рост социальной напряженности и социального протеста.

Особо актуален такой подход в условиях жизнедеятельности конкретного территориального сообщества, в рамках которого происходит процесс непрерывного сосуществования и взаимодействия социума и власти. В этом случае социальная устойчивость и развитие территории в значительной мере зависит от уровня эффективности реализуемой социальной политики.

Следуя логике Д. Истона, методология социологических исследований социальной устойчивости в значительной степени должна быть ориентирована на изучение взаимодействия и взаимовлияния субъектов социальной деятельности. В рамках нашего исследования таковыми выступает государство, реализующее определенную социальную политику, и население Севера и Арктики, воспринимающее эту политику тем или иным образом.

Исходя из этого, измерение социальной устойчивости предполагает оценку таких позиций как материальное благополучие (самоидентификация по уровню материального достатка), отношение к региону своего проживания; миграционные настроения; уровень социального терпения; оценки доверия к различным ветвям власти; удовлетворенность и уверенность в будущем; оценка информационной открытости власти; оценки возможности оказания влияния на принятие управленческих решений; динамика социальных проблем по основным сферам жизнедеятельности.

В процессе социологического исследования социальной устойчивости особое значение отводится такой категории социального взаимодействия как доверие. Примечательна точка зрения С. Селингема о том, что власть через господство и насилие может на какое-то время решить проблему социального порядка в обществе, но не способна обеспечить его поддержание на долгосрочную перспективу без общественного доверия¹⁴⁵. Э. Гидденс распространяет функциональность доверия как на межличностные, так и на экономические, политические отношения и социальный порядок в целом, имея в виду ценности демократии, общественные и государственные институты. Именно доверие обеспечивает надежность (устойчивость) сосуществования и идентичность личности с обществом¹⁴⁶. Таким образом, социологические исследования социальной устойчивости предполагают обязательное выявление уровня доверия к различным государственным и общественным структурам.

Социологическая информация о социальном взаимодействии, характеризующем степень социальной устойчивости территориальных сообществ, базируется на реализации прикладной функции социологии как отрасли общесоциологического знания. В качестве эмпирических методов, при использовании соответствующего инструментария, могут проводиться массовые опросы (в том числе, по типу мониторинга), статистический анализ, контент-анализ публикаций СМИ, интервью, экспертные опросы, кейс-стади и др.

---

¹⁴⁵Селигмен А. Проблема доверия. М: Идея-Пресс, 2002. 200 с.

¹⁴⁶Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 2005. 632 с.

В основе этих эмпирических методов лежат измерительные концепции для осуществления достоверной диагностики состояния социума и оценок эффективности социального управления. Количественные (классические) методы широко применялись в западной социологии вплоть до 1970-х годов, а в нашей стране — до 1990-х годов. Их использование основывается на системных и структурных концепциях, менее зависимых от субъективистского опыта, и они считаются более достоверными. Описание количественных методов представлено в работах П. Лазарсфельда, смысл которых сводится к тому, что такой подход накопления научного знания в наибольшей степени позволяет классифицировать явления объективной реальности жизни общества¹⁴⁷.

В то же время, объяснять «человеческую сущность» социальных явлений и процессов с помощью исключительно указанных методов весьма затруднительно. В результате переориентации современной социологии от рационального познания глобальных проблем к познанию и пониманию локальных общностей, специфики малых групп и образа жизни отдельного человека в социологических исследованиях произошел поворот от макро- к микроанализу социальных явлений. Это вызвало потребность в качественных методах социологических исследований. Посредством изучения субъективных мнений удовлетворенности людей условиями жизни можно определить общие оценки институциональной эффективности государственного, регионального и муниципального управления.

Методология организации и проведения качественных исследований отражена в работах А. С. Готлиб, В. В. Семеновой, социологические подходы к измерению качества жизни — в работах Н. И. Лапина, В. А. Ядова. Нам наиболее продуктивным представляется подход, не противопоставляющий, а признающий возможность сочетания количественных и качественных методов социологических исследований устойчивого развития общества.

Сложность социологических исследований социальной устойчивости заключается и в том, что, хотя устойчивое развитие как цель современной цивилизации, зафиксировано в официальных документах ООН еще в 2002 г., в Российской Федерации до сих пор не существует единых стандартов оценки этого процесса. Исследователи предлагают различные комбинации факторов и индикаторов, влияющих на развитие регионов, которые, в основном, связываются с развитием экономики, в то время как во многих развитых странах социальная устойчивость определяется вкупе с социальными, экономическими и экологическими составляющими, что нашло отражение в работах С. Н. Бобылева, А. А. Шабуновой, М. А. Груздевой и др.

На практике, как отмечает М. О. Красильникова, социологические измерения социальной устойчивости можно определить как источник информации о факторах и социальных процессах, воздействующих на формирование общественного мнения, динамично реагирующего на изменения во всех сферах жизнедеятельности¹⁴⁸.

В ряде работ западных исследователей социальной устойчивости используется такое понятие как «описательные социальные индикаторы»,

---

¹⁴⁷Lazarsfeld P., Rosenberg M. The language of social research. N. Y., 1969.

¹⁴⁸Красильникова М. О. О методике расчета индекса социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С 23–30.

назначение которых — построение социальных прогнозов с использованием различных инструментов (мониторинговые исследования, социальные отчеты), позволяющих определить обобщенные оценки состояния социума¹⁴⁹. Подходы к измерению уровня социальной устойчивости у исследователей, занимающихся этой тематикой, значительно различаются. Чаще используются интегральные показатели совокупности общественных, экономических, политических и других настроений, вплоть до оценки уровня счастья, удовлетворенности жизнью, самореализации, отражающих степень адаптированности людей к условиям жизни.

Мы согласны с утверждением В. Парето, что лишь отдельно взятый человек может лучше всего судить о собственном благополучии¹⁵⁰. Это положение достаточно близко по смыслу определению качества жизни, предложенному в 1998 г. ВОЗ: «качество жизни — это субъективное восприятие отдельной личностью собственного места в жизни в контексте культуры и совокупности ценностей, в которых она существует, а также с учетом собственных целей, устремлений и забот»¹⁵¹.

В последние годы в нашей стране стали появляться работы, в которых уделяется значительное внимание исследованию уровня и степени социальной устойчивости регионов, в частности, Северо-Западного федерального округа и Арктики, для определения основных проблемных и пространственных приоритетов государственной политики. Т. В. Ускова исследовала современные подходы к управлению устойчивым развитием региональных социально-экономических систем, делая акцент на роли местных территориальных образований, способных влиять на конкурентные преимущества региона¹⁵².

Специфичность социально-эколого-экономических процессов на Севере и в Арктике ставит задачу изучения понимания, оценки и реализации устойчивого развития. На это сделан акцент в исследованиях ученых Института экономических проблем им. Г. П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН в плане понимания и интерпретаций смыслов таких широких концепций как «устойчивое развитие» и «социальная устойчивость»^{153, 154}. Е. А. Корчак выполнен комплексный анализ

---

¹⁴⁹Land K. Models and indicators // *Social Forces* – 2001. 80(2). P. 381–410.

¹⁵⁰Парето В. Учебник политической экономии. М.: РИОР, 2017. 472 с.

¹⁵¹Леочи П. Качество жизни и устойчивое развитие // *Экономические науки*. 2012. 5(90). С. 41.

¹⁵²Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: изд-во ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

¹⁵³Рябова Л. А. Социально устойчивое развитие и отражение его идей в концептуальных и институциональных основаниях государственной политики на Севере и в Арктике РФ // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2014. № 41. С. 56а–61.

¹⁵⁴Рябова Л. А., Торопушина Е. Е., Корчак Е. А., Тоичкина В. П., Новикова Н. А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения // *Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы*. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В. С. Селина, д.э.н., проф. Т. П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е. П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276–294.

процессов в сфере уровня жизни в северных регионах РФ, характеризующий степень социальной устойчивости в этой сфере на Севере и в Арктике РФ¹⁵⁵.

В современных концепциях социального прогресса отстаивается идея консолидации общества на основе эффективного социального управления. Как утверждает П. Штомпка, польский социолог, известный авторитет в области социальных изменений, «...формирование общественного консенсуса по поводу определенных критериев прогресса (выбор большинством членов общества определенных ценностей в качестве основных) представляет своего рода фильтр, отсеивающий побочные, незначительные или случайные критерии. Хуже, когда отсутствует общее согласие того, что является прогрессивным»¹⁵⁶.

Результаты наших авторских исследований включенности населения в процессы социального развития и управления показывают, что властным структурам проще оперировать статистическими категориями, нежели учитывать в практике управления разнообразие и многовариантность запросов и предложений со стороны территориального социума¹⁵⁷. Очевидным условием социальной устойчивости территориальной общности является участие населения в решении вопросов местной жизни (информированность населения о деятельности органов власти, включенность жителей в реализацию функций власти в той или иной форме, участие в работе общественных организаций и др.).

Данные государственной статистики, представленные в системе ЕМИСС, способствуют исследованию особенностей отношения различных социальных групп к власти, уровня их информированности, заинтересованности и готовности к участию в решении проблем, позволяет оценить имеющуюся социальную базу (к примеру, инновационный потенциал, менталитет населения) и определить перспективы развития. К сожалению, в настоящее время, социологические исследования фиксируют низкую активность населения в плане социально-управленческих инициатив¹⁵⁸.

Нами достаточно подробно исследованы методики, применяемые для организации социологических опросов по оценке удовлетворенности населения муниципалитетов и субъектов РФ деятельностью власти, (в соответствии с указами Президента и дополнениями к ним 2008 г., 2012 г., 2014 г.). Выявлено, что анализ оценочных индикаторов в большей мере отражает финансово-экономическую составляющую управления и в меньшей — социальную.

В то же время А. Д. Артамонов и О. В. Шмалый, чью точку зрения мы разделяем, считают, что социологические оценки результативности власти

---

¹⁵⁵Корчак Е. А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО. 2016. № 3. С. 80–96.

¹⁵⁶Гушина И. А., Кондратович Д. Л., Положенцева О. А., Яковчук А. А. Некоторые аспекты социальной адаптации населения арктического региона (по результатам социологических исследований в Мурманской области). ИТпортал, 2016. № 4 (12). URL: <http://itportal.ru/science/economy/nekotorye-aspekty-sotsialnoy-adapta/> (дата обращения 23.12.2016 г.).

¹⁵⁷Там же.

¹⁵⁸Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/44891/> (дата обращения: 21.09.2017).

должны учитывать, в первую очередь, эффективность социальной отдачи управления^{159, 160}.

Отсюда следует, что социологические исследования социальных процессов из позиции сопровождения, как это можно обозначить в настоящее время, целесообразнее перевести в статус реальной, содержательной включенности в процессы управления, на что в свое время указывал академик М. К. Горшков¹⁶¹.

4.2. Тенденции восприятия населением формирования и развития Арктической зоны РФ как единого макрорегиона

Арктическая зона Российской Федерации является уникальным во всех отношениях макрорегионом. Его развитие имеет важное геополитическое значение для РФ, что подтверждается разработкой за последние 10 лет целого ряда документов, определяющих приоритеты и направленность развития данного региона^{162, 163, 164, 165, 166}.

В то же время особенности Арктической зоны в части социально-экономического развития и ее промышленного освоения являются диаметрально противоположными. С одной стороны, в Арктике и на ее шельфе сконцентрированы большие запасы природных ресурсов нефти, газа, твердых полезных ископаемых. С другой стороны, условия проживания людей на арктических территориях сопряжены с высоким уровнем дискомфорта¹⁶⁷.

---

¹⁵⁹Артамонов А. Д. Формирование системы критериев эффективности государственного и муниципального управления: автореф. дис. ...д-ра экон. наук : 08.00.05 / А.Д. Артамонов; С.-Петербург. Гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2008 – 35 с.

¹⁶⁰Шмалий О. В. Административно-правовые средства обеспечения эффективности деятельности исполнительной власти. М.: Медиа-Вак, 2010. 18 с.

¹⁶¹Горшков М. К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика. Публ. лекция, г. Вологда, 20 июня 2014 г.

¹⁶²Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу». URL: <http://government.ru/info/18359/http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁶³Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. М., 2013. 54 с.

¹⁶⁴Программа «Социально-экономического развития АЗРФ на период до 2020 года. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depOsobEcZone/201412263> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁶⁵«Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁶⁶Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁶⁷Гущина И. А., Положенцева О. А. Результативность государственной социальной политики в представлениях жителей арктического региона. Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях. Сб. докл. Междунар. научн.-прак. конф. в 2 томах. / г. Саратов, (28–30 декабря 2015 г.). Т. 2. Саратов, 2016. С. 65–68.

Можно также обозначить ключевое противоречие социально-экономического развития этого уникального макрорегиона — несоответствие между задачами, затрагивающими успешное ведение бизнеса и стратегический потенциал освоения природных ресурсов на этих территориях, со сформировавшимся и существующим на данной территории веками традиционным укладом жизни местного населения, включая коренные народы. В силу указанных обстоятельств, хозяйственное освоение АЗРФ как системы современного бизнеса в своей основе менее стабильно, имеет риски большей непредсказуемости и характеризуется наличием серьёзных барьеров¹⁶⁸.

Основы государственной социальной политики в сфере устойчивого развития Севера и Арктики опираются на ряд положений, которые, в свою очередь, предполагают совершенствование системы государственного управления социально-экономическим развитием Севера и Арктической зоны РФ, в том числе за счет расширения фундаментальных и прикладных научных исследований, а также улучшения качества жизни коренного населения и обеспечения социальных условий хозяйственной деятельности Севера и Арктики РФ.

В этой связи особую значимость приобретают исследования оценок населения, вынужденного приспосабливаться к сложным условиям осуществления как трудовой, так и социальной деятельности, то есть оценок, характеризующих специфику жизнедеятельности на указанных территориях.

С 2013 г. на систематической основе нами проводились исследования, направленные на изучение общественного мнения населения арктического региона. В качестве модельного региона была выбрана Мурманская область.

В результате наших исследований были определены некоторые особенности в восприятии эффективности реализации социальной политики, которые отражали мнения населения о деятельности власти в различных сферах. Жителям городов Мурманской области было предложено по пятибалльной шкале оценить результативность деятельности органов исполнительной власти в следующих сферах: развитие экономики, предоставление населению качественных услуг, политика в сфере обеспечения населения доступным и качественным жильем, здоровье, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, развитие культуры, физической культуры, спорта, обеспечение общественной безопасности.

Сравнение оценок эффективности деятельности власти указывало на их постепенное снижение по всем сферам. Особенно «провальными» выглядели в 2013 г. сфера предоставления населению услуг ЖКХ, ситуация в сфере здравоохранения и обеспечения доступным и качественным жильем.

Оценки эффективности деятельности власти в полной мере коррелируют с рейтингом проблем: чем ниже оценка, тем острее проблема. Это в очередной раз указывает на значимость учета общественного мнения при определении приоритетов социального развития как региона в целом, так и отдельных муниципальных образований. Восприятие населением управленческой

---

¹⁶⁸Плисецкий Е. Е., Зайков К. С., Малицкая Е. А. и др. Социально-экономические особенности развития Российской Арктики: региональный и муниципальный аспекты. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2016», материалы экспедиции: КИРА, 2016. С. 104.

деятельности органов региональной и местной власти является важной частью институционализации, а удовлетворенность населения уровнем развития социальной инфраструктуры региона и муниципального образования — важнейшим показателем институциональной эффективности власти.

Эффективность государственного и муниципального управления напрямую связана и с информационной открытостью местных властей. На протяжении анализируемого периода респонденты отмечали низкий уровень информационного взаимодействия власти с населением. Механизмам разработки и принятия управленческих решений свойственна закрытость, пренебрежение к использованию возможностей обратной связи, в том числе, социологической информации. Так, на «закрытость» местной и региональной власти указали в 2013 г. соответственно 47 % и 45 % респондентов и менее 20 % считали, что власть информационно открыта.

В то же время территория АЗРФ значительно дифференцирована между собой, имеются существенные различия, которые определяются географическим положением и типом локализации, поэтому мнения респондентов также могут отличаться¹⁶⁹, что потребовало проведения дополнительных исследований.

В 2015 г. нами был проведен телефонный пилотный опрос населения, проживающего в ряде регионов Арктической зоны РФ. При определении инструментария опроса мы исходили из того, что в основе исследования государственной политики устойчивого развития Севера и Арктики находятся те неоспоримые положения о необходимости улучшения качества жизни населения и обеспечения социальных условий хозяйственной деятельности, которые предполагалось более глубоко исследовать при проведении основного опроса¹⁷⁰.

Построение выборки производилось по тем же критериям и параметрам генеральной совокупности, которые мы соблюдаем при проведении основного исследования. К учитываемым параметрам были отнесены половозрастные и социальные характеристики респондентов, такие как профессия, место проживания, уровень материального благополучия.

Информация, полученная в ходе этого опроса, способствовала разработке и построению программы исследований на перспективу. Акцент был сделан на отношении ко времени и месту проживания, уверенности в настоящем и будущем, выяснение уровня материального и социального благополучия, оценке

---

¹⁶⁹Плисецкий Е. Е., Зайков К. С., Малицкая Е. А. и др. Социально-экономические особенности развития Российской Арктики: региональный и муниципальный аспекты. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2016», материалы экспедиции: КИРА, 2016. С. 104.

¹⁷⁰Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-10-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А.; отв. исполн.: Башмакова Е. П. [и др.]. Апатиты, 2013. 134 с. № ГР 01201359579.

информационной открытости и деятельности исполнительной власти в сферах медицины, образования, ЖКХ, обеспечении безопасности^{171, 172}.

Основное внимание было направлено на такие аспекты как обеспечение безопасности¹⁷³, оценка уровня материального и социального благополучия, оценка деятельности государственной исполнительной власти в сфере медицины, уверенность в настоящем и будущем, отношение к месту проживания.

В ходе исследования было установлено, что в большинстве случаев местом своего проживания довольны представители среднедоходной категории респондентов (40 %), в то время как о желании покинуть регион заявляли респонденты, которые идентифицируют себя как «бедные» (мужчины — 39,5 %, женщины — 42,5 %) (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Отношение респондентов АЗРФ к месту проживания
(по результатам опроса 2015 г.), %

Варианты ответов Регионы	Доволен	Не доволен	Привык	Хочу уехать
Все регионы	34,7	3,7	21,8	39,8
Мурманская обл.	23,7	-	47,4	28,9
Архангельская обл.	48,5	-	15,2	36,4
Ненецкий АО	55,6	2,8	8,3	33,3
Республика Коми	6,5	6,5	41,9	45,2
Ямало-Ненецкий АО	55,3	5,3	15,8	23,7
Красноярский край	6,9	10,3	6,9	75,9
Чукотский АО	45,5	-	-	54,5

Основываясь на анализе ответов о возможности смены места жительства, стоит отметить преобладание таких факторов как перспектива получения работы и жилья, надежда на более высокий доход, возвращение на малую родину.

Примерно половину тех, кто оказался доволен местом своего проживания, составили жители «обеспеченных» регионов — Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов.

В Мурманской области значительной оказалась доля тех респондентов (50 %), которые смогли адаптироваться и привыкнуть к жизни в данном регионе

¹⁷¹Гущина И. А., Кондратович Д. Л., Положенцева О. А. Восприятие отдельных аспектов социально-экономического развития населением арктического региона (на примере Мурманской области) // Общество: политика, экономика, право. 2017 г. № 1. С. 122–134.

¹⁷²Гущина И. А., Положенцева О. А. Результативность государственной социальной политики в представлениях жителей арктического региона. Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях. Сб. докл. Междунар. научн.-прак. конф. в 2 томах. / г. Саратов, (28–30 декабря 2015 г.). Т. 2. Саратов, 2016. С. 65–68.

¹⁷³Ульченко М. В. Анализ экономической безопасности европейской части севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 43. С. 59–64.

и поэтому не изъявляли желания покидать регион, терять устоявшиеся социальные связи, многие также отмечали развитую инфраструктуру и близость центра страны.

В 2016–2017 гг. были проведены социологические исследования с общей выборкой свыше 1000 респондентов. Результаты исследования позволили оценить сложившуюся в АЗРФ ситуацию на примере одного из арктических регионов — Мурманской области (табл. 4.2, 4.3).

Как и в 2016 г., большая часть опрошенных жителей Мурманской области в 2017 г. уверенно выделила приоритеты, которые наиболее сильно влияют на направленность развития Арктики в целом и имеют первостепенное значение для РФ — наличие и добыча нефти и газа, Северный морской путь, рыба и другие ценные биоресурсы (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Наиболее значимые для России арктические факторы
(по результатам социологического исследования по Мурманской области,
проведенного в 2016-2017 гг.), %

Как Вы считаете, чем ценна и важна Арктика, арктические территории для России?		
Вариант ответа	2016 г.	2017 г.
Нефть, газ	47,9	55,8
Северный морской путь	43,1	57,1
Рыба, другие ценные биоресурсы	45,3	50,4
Твердые полезные ископаемые	22,2	24,4
Первозданная, уникальная природа	10,4	17,4
Большая территория, границы России	15,4	16,4
Льды, пресная вода	13,8	15,8
Особые люди, народы, их традиции	6	6,8
«Фабрика мирового климата»	5	4,7
Другое	-	0,8
Не знаю	-	16,1

Уверенность, что это и есть основные факторы значимости арктических территорий для страны, усиливается. Так, в 2017 г. число респондентов, выбравших вариант «нефть и газ», составило 55,8, против 47,9 % в 2016 г. «Рыбные и другие ценные биоресурсы» в 2017 г. выделили 50,4 против 45,3 % опрошенных в 2016 г. На первой строчке оказался вариант «Северный морской путь» в 2017 г. — 57,1 % против 43,1 % в 2016 г.

К наиболее значимым арктическим факторам для России респонденты также отнесли «твердые полезные ископаемые» — 24,4 % в 2017 г. против 22,2 % 2016 г. и продолжительные границы РФ 16,4 % в 2017 г. против 15,4 % в 2016 г.

Незначительно возросла доля тех, кто считает, что для России представляют интерес люди, которые проживают на данной территории, их культура, традиции и образ жизни. В 2017 г. их доля составила 6,8 %. Столь малая доля свидетельствует о том, что приоритеты за 2017 год у государства не изменились, и в основных направлениях развития АЗРФ, к сожалению, уделяется

незначительное внимание сохранению и развитию человеческого капитала, культурным и традиционным ценностям, характерным для данного региона¹⁷⁴.

За последние 20 лет внимание к арктической проблематике резко возросло со стороны иностранных государств, которые обеспокоены как усилением деятельности Российской Федерации в этом регионе, так и последствиями промышленного освоения Арктики и влиянием человека на эти процессы^{175, 176, 177, 178}.

В этой связи интересны результаты мониторинга общественного мнения относительно осведомленности жителей региона о государственных программах, направленных о развитие Арктической зоны Российской Федерации (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Осведомленность жителей региона о государственных программах, направленных на развитие Арктической зоны Российской Федерации (по результатам социологического исследования по Мурманской области, проведенного в 2017 г.), %

Знаете ли Вы о государственных программах, направленных о развитие Арктической зоны Российской Федерации?	
Да	24,4
Что-то слышал	43,8
Не знаю	31,9

Почти четверть опрошенных жителей Мурманской области знакомы с подобными программами, еще 43,8 % ответили, что слышали о них, но подробно не изучали. Доля тех, кто ничего не знает о данных программах, составляет почти треть — 31,9 %.

Данные показатели свидетельствуют, что население региона недостаточно хорошо осведомлено о содержании программ, направленных на развитие Арктической зоны Российской Федерации, вследствие чего многие затрудняются выделить наиболее приоритетные факторы развития Арктики и арктических территорий для России в целом.

¹⁷⁴Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. М., 2013.354 с.

¹⁷⁵Arctic Human Development Report. AHDR (Arctic Human Development Report) 2004. Akureyri: Stefansson Arctic Institute. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/636?show=full> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁷⁶Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages-II. Nordic Council of Ministers, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A788965&dswid=-958> (дата обращения 17.06.2018).

¹⁷⁷Arctic Pollution Issues: A State of the Arctic Environment Report // AMAP, 1997. Arctic Pollution Issues: A State of the Arctic Environment Report. Arctic monitoring and Assessment Programme (AMAP), Oslo, Norway. xii+188 pp. (дата обращения 07.09.2018).

¹⁷⁸ Lipponen P. A Strategic Vision for the North: Finland's prospects for economic growth in the Arctic region // Published by: Confederation of Finnish Industries EK P.O.Box 30 (Eteläranta 10), 00131 Helsinki, Finland.

Анализируя результаты исследования по вопросу влияния реализации арктической политики РФ на ситуацию в регионе проживания респондентов, можно отметить, что в 2017 г. среди местного населения наблюдается умеренный оптимизм (табл. 4.4). Так, доля тех респондентов, которые считают, что арктическая политика РФ повлияет на экономическое положение региона положительно, но только в отдаленной перспективе, возросла, по сравнению с 2016 г., и составила 33,2 % (в 2016 г. она составляла 30,3 %).

Таблица 4.4

Влияние арктической политики РФ на социально-экономическую ситуацию в регионе, (по результатам социологического исследования по Мурманской области, проведенного в 2016-2017 гг.), %

На Ваш взгляд, повлияет ли реализация арктической политики России на социально-экономическую ситуацию в Вашем регионе?		
Вариант ответа	2016 г.	2017 г.
Повлияет положительно и уже в ближайшее время	8,6	7,3
Повлияет положительно, но в отдаленной перспективе	30,3	33,2
Никак не повлияет	15,8	17,4
Повлияет отрицательно	4,6	2,1
Затрудняюсь ответить	40,7	40

В то же время сократилась доля тех, кто считает, что реализация арктической политики повлияет положительно в ближайшее время: на это надеются лишь 7,3 %, в то время как в 2016 г. их доля составляла 8,6 %.

Возросла доля тех, кто считает, что арктическая политика РФ никак не отразится на положении региона, их доля составила в 2017 г. 17,4 %, против 15,8 % в 2016 г. В то же время сократилось количество ярых скептиков, которые считают, что арктическая политика будет иметь отрицательный эффект, доля тех, кто выбрал данный вариант ответа в 2017 г. — 2,1 %, в то время как в 2016 г. этот показатель был на уровне 4,6 %.

Как и в 2016 г., около 40 % респондентов в 2017 г. затруднились с ответом, что подкрепляется и результатами исследования, представленные в таблице 4.2, из которой следует, что треть опрошенных вовсе не имеют представления о проектах и программах, которые ориентированы на освоение Арктической зоны, а почти у половины населения эти знания носят поверхностный характер.

Анализируя полученные результаты, мы приходим к неутешительному выводу о недостаточной осведомленности населения о включенности данного региона в проект развития Арктики и об отсутствии достаточного информационного сопровождения данного направления. Значительная доля респондентов, не определившихся с ответом, указывает на то, что со стороны государственных органов исполнительной власти существуют серьезные недоработки в отношении информирования населения о планах и мероприятиях, направленных на развитие арктической территории¹⁷⁹.

¹⁷⁹Кондратович Д. Л. Социальное восприятие реалий и перспектив социально-экономического развития арктических регионов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 10, том 1(58). С. 124–130.

В августе 2017 г. на заседании Правительства РФ была представлена новая редакция госпрограммы социально-экономического развития Арктики, рассчитанной до 2025 года, в рамках которой предусматривается выделение 160 млрд руб. из госбюджета на ее реализацию. В рамках второго этапа предусмотрено выделение из федерального бюджета порядка 12 млрд руб., а на третий этап, то есть с 2021 по 2025 год, при условии дополнительного ресурсного обеспечения, планируется выделить еще почти 150 млрд руб.¹⁸⁰. Данные цифры могут подвергаться дополнительной корректировке и, скорее всего, могут быть существенно снижены. Пример тому — планируемое финансирование госпрограммы по развитию Арктики в рамках второго этапа до 2020 года сократилось в 17 раз к настоящему времени¹⁸¹.

Депутаты Государственной Думы и представители отдельных министерств высказываются о необходимости проведения работы по обеспечению поддержки развития данного региона. Так, 9 октября 2017 г. на заседании экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера, заместитель Министра промышленности и торговли В. Осьмаков отметил, что арктические регионы будут активно вовлечены в государственные программы с приоритетом развития авиастроения, судостроения, автомобильной промышленности и производств по заготовке леса. Однако выделяемых 12 млрд руб., из которых 7 млрд направлены на строительство ледостойкой дрейфующей платформы¹⁸², явно недостаточно для реализации столь амбициозных планов.

Незначительные объемы финансирования со стороны государства не позволяют рассчитывать и на улучшение мер государственной поддержки населения, проживающего на территории Арктической зоны Российской Федерации. На заседании экспертного совета депутаты обращали внимание на то, что развитие арктических регионов невозможно осуществить без решения проблем местного населения. Так, председатель Комитета по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Н. Харитонов отмечал, что сегодня гарантии северянам представлены только на бумаге, и люди по 20 лет ждут сертификаты на жилье¹⁸³. По подсчетам депутата, для обеспечения всех нуждающихся жителей региона необходимо 10 млрд руб. ежегодно. Для комплексного решения проблем Севера и Арктики он выступил с инициативой создания Арктического кодекса, который даст государственные гарантии населению и работодателям, как тем, кто готов приехать, так и тем, кто уже проживает на этих территориях. Экспертный совет также поднимал вопросы о необходимости изменения финансирования системы здравоохранения,

---

¹⁸⁰Arctic Human Development Report. AHDR (Arctic Human Development Report) 2004. Akureyri: Stefansson Arctic Institute. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/636?show=full> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁸¹Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014г. №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения 07.09.2018).

¹⁸²Итоги работы первого пленарного заседания Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/2101416/#photo1> (дата обращения 07.10.2018).

¹⁸³Там же.

формирования новой госпрограммы для северных территорий по материальному стимулированию рабочих.

Нами исследовалось также мнение населения о том, каким образом должны осуществляться меры государственной поддержки населения, проживающего на территории Арктической зоны Российской Федерации, и на чем следует акцентировать внимание (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Варианты осуществления мер государственной поддержки населения, проживающего на территории Арктической зоны Российской Федерации, (по результатам социологического исследования по Мурманской области, проведенного в 2016-2017 гг.), %

Каким образом должны осуществляться меры государственной поддержки населения, проживающего на территории Арктической зоны Российской Федерации?		
Вариант ответа	2016	2017
Должны быть разработаны специальные законы и проработаны особые меры поддержки населения данных территорий	39,3	39,2
Поддержка может осуществляться в рамках федерального закона «о северах», но с условием изменений заложенных там нормативов	24,2	24,2
Поддержка в рамках действующих федеральных законов	13,6	6,0
Другое	-	0,5
Затрудняюсь ответить	23	30,1

На заседании экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Член Комитета по международным делам А. Чилингаров отметил, что состояние российского законодательства по Арктике и Крайнему Северу нельзя назвать удовлетворительным. Большая часть нормативных правовых актов была принята более двадцати лет назад, и необходима гармонизация существующего законодательства с участием экспертного сообщества¹⁸⁴.

В этой связи стоит отметить устойчивость оценок населения: почти 40 % жителей Мурманской области в 2016–2017 гг. полагали, что следует разработать специальные законы и определить особые меры поддержки населения, проживающего в АЗРФ. Почти четверть респондентов (24,2 %) сочли, что поддержка может осуществляться в рамках федерального закона «о северах», но с условием изменений заложенных нормативов.

Не изменилось и отношение местного населения в последние годы к работе вахтовым методом в арктических условиях (табл. 4.6).

¹⁸⁴Итоги работы первого пленарного заседания Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/2101416/#photo1> (дата обращения 07.10.2018).

Таблица 4.6

Желание работать вахтовым методом в арктических условиях
(по результатам социологического исследования по Мурманской области,
проведенного в 2016-2017 гг.), %

Хотели бы Вы работать вахтовым методом в арктических условиях?		
Вариант ответа	2016 г.	2017 г.
Да, но только по своей профессии	10,2	7,0
Да, и не только по своей специальности	10,8	12,7
Нет	59,9	60,9
Затрудняюсь ответить	19,2	19,4

Доля тех, кто не хочет работать вахтовым методом в Арктике, по-прежнему выше 60 %. Причины такого отношения — удаленность от семьи и недостаточный уровень личного комфорта, отсутствие востребованности на рынке труда, неопределенность. Несколько изменились в 2017 г., по сравнению с 2016 г., значения показателей ответов респондентов, которые готовы работать вахтовым методом по своей специальности и не только по своей специальности, в пользу последних.

Исследование показало, что государственная социальная политика в отношении регионов Севера и Арктики РФ в настоящее время претерпевает не лучшие времена. Многие заявленные цели носят декларативный характер и не подтверждаются финансовыми возможностями государства. Наблюдается низкий уровень реализации предлагаемых инициатив, что тормозит как принятие законодательных решений, так и исполнение существующих.

У жителей АЗРФ не сформировалось целостного понимания перспектив освоения Арктики, но определились три ключевых составляющих, которые, по мнению жителей, наиболее сильно влияют на вектор развития российского Севера и Арктики и имеют первостепенное значение для страны в целом — это нефть, газ, рыбные и другие ценные биоресурсы Арктики, а также Северный морской путь.

Арктический социум надеется на развитие полноценной инфраструктуры в АЗРФ, и на отношение государства к этой территории не как к сырьевому приращку, а как к центру экономического роста, генерирования новых идей и технологий, ориентированных на устойчивое социальное развитие. Население, проживающее на территории российского Севера и Арктики, имеет ярко выраженную идентичность и устойчивые социальные связи и поэтому настороженно относится к идее осваивать данный регион исключительно вахтовым способом.

4.3. Социологический анализ социальной устойчивости арктического региона (модельный пример Мурманской области)

Среди методов определения эффективности деятельности властных структур, особое место занимают оценочные мнения населения по вопросам обеспечения и организации их жизнедеятельности в рамках территории полномочий того или иного органа власти. В функции официальной

государственной статистики не входит сбор информации, отражающей социальное настроение населения, его отношение к значимым решениям властных структур (например, оптимизация системы здравоохранения, пенсионная реформа), к иным важным аспектам общественной и личной жизнедеятельности. Применение мониторингового подхода способствует пониманию состояния социальной устойчивости и позволяет наиболее полно и объективно оценить социальную эффективность управления, а также влияющие на это факторы и условия.

В ходе исследования, в соответствии с его целью — проведение социологического анализа аспектов социальной устойчивости в Мурманской области — регионе, полностью входящем в АЗРФ, были поставлены следующие задачи: выявление динамики отношения населения к своему региону; миграционные настроения; оценки материального благополучия, текущей жизненной ситуации и степени уверенности в будущем, протестные настроения; оценки эффективности деятельности властных структур и доверия к ним, возможности участия населения в управленческих процессах местного самоуправления и на уровне региона.

В настоящее время идет поиск эффективного механизма управления Арктической зоной РФ как особым макрорегионом, с необходимостью учета как объединяющих характеристик, так и дифференцированности регионов, составляющих эту территорию. Социальная жизнь населения арктических регионов РФ имеет значительное сходство, обусловленное природно-ресурсным потенциалом, геополитическим положением, экономическими реалиями и перспективами. В силу обозначенных характеристик экстраполяция оценок общественного мнения населения Мурманской области на всю территорию российского Севера и Арктики хоть и небезупречна, но, тем не менее, вполне возможна для определения общих подходов к выявлению уровня социальной устойчивости. Результаты анализа социологической информации, представленные здесь, характеризуют состояние социальной устойчивости социума Мурманской области.

Социологические исследования регулярно проводятся группой социологов (рук. к.э.н. И. А. Гущина) в Отделе социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН с 2002 г. по типу мониторинга, назначение которого — сбор социологической информации по значимым социально-экономическим и общественно-политическим вопросам жизнедеятельности территориального социума. Метод исследования — анкетирование населения по месту жительства. Репрезентативность результатов базируется на общепринятых принципах построения выборки, с учетом параметров генеральной совокупности (в данном случае — взрослого населения Мурманской области) за определенный исследуемый период. Тематические блоки периодически обновляются, в зависимости от направленности научно-исследовательских задач. Значительная база обработанной социологической информации позволяет выявить положительные и негативные тенденции, сформировавшиеся в общественном мнении жителей региона.

Исследование социальной устойчивости логично начать с определения отношения населения к своему региону. Это один из основных факторов, формирующих социальную устойчивость (рис. 4.2).

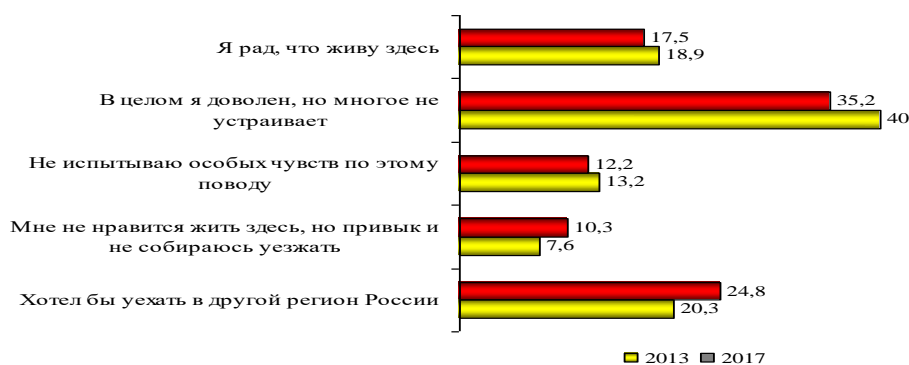

Рис. 4.2. Отношение населения Мурманской области к месту своего проживания (опросы населения Мурманской области 2013 и 2017 гг.), %

В большинстве своем, жители довольны местом своего проживания, хотя многое и не устраивает, в том числе, дискомфортность (полярная ночь, климат), слабая развитость социальной инфраструктуры, удаленность от малой родины и др.

Сумма ответов респондентов, ориентированных на дальнейшее проживание в Мурманской области, составляет примерно две трети всех мнений, в то время как почти четверть респондентов все же хотели бы уехать в другие регионы России. К сожалению, большинство потенциальных мигрантов составляют молодежь и лица среднего трудоспособного возраста.

По результатам опроса 2017 г., заметно некоторое ухудшение оценочных мнений. В общей доле довольных своим проживанием в Мурманской области (17,5 %), большинство составляют женщины старшего возраста и люди со средним уровнем дохода. 35,2 % опрошенных в целом довольны местом своего пребывания. Среди тех, кому «не нравится жить на Севере, но живут здесь, потому что привыкли» (10,3 %), преобладают люди среднего возраста и мужчины со средним достатком.

На определенную стабильность миграционных установок северян указывает схожесть ответов на представленные выше варианты в течение пяти последних лет¹⁸⁵. Подтверждением сказанному, в определенной степени, могут служить оценки рейтингов «своего» региона в сравнении с другими территориями РФ.

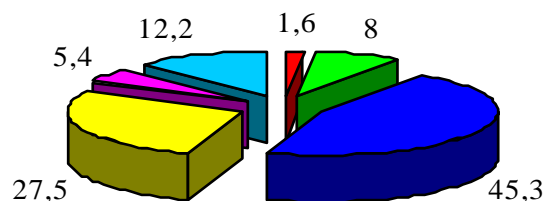
По результатам соцопроса 2017 г., почти 10 % респондентов определили позицию Мурманской области выше среднего уровня, 45,6 % считают свой регион «среднячком», и только 5,4 % — одним из неблагополучных. Сопоставление миграционных настроений северян с их оценками перспектив развития Арктики выявило значительное совпадение позитивных мнений по этим позициям.

На протяжении 5 лет Агентство «РИА Новости» публикует рейтинг лучших регионов Российской Федерации с точки зрения качества жизни, который строится на основе совокупности показателей, демонстрирующих, фактическое

¹⁸⁵Гущина И. А., Иванова М. В., Кондратович Д. Л. Представления жителей Мурманской области о реализации и перспективах арктической политики РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5. С. 13–24.

состояние тех или иных аспектов и условий жизни и ситуаций в различных сферах субъектов РФ. Среди них — насколько легко в регионе найти работу, заработать деньги, получить образование и медицинское обслуживание, жить в нормальном жилье и т.д.

Мурманская область в рейтинге по качеству жизни в 2017 г. находилась на 48 позиции из 85 возможных, то есть примерно в середине рейтинга¹⁸⁶. В значительной степени эти показатели соотносятся с проанализированными выше оценками жителей нашего региона (рис. 4.3).

- Один из самых развитых и благополучных регионов
- Выше среднего уровня
- Примерно на среднем уровне
- Ниже среднего уровня
- Один из самых неблагополучных
- Затрудняюсь ответить

Рис. 4.3. Оценка населением социально-экономической ситуации в Мурманской области, (опросы населения Мурманской области в 2017 г.), %

При ответе на вопрос относительно места региона среди других субъектов РФ, мнения респондентов по половозрастному признаку и доходу распределились следующим образом. Более оптимистичны в своих оценках мужчины среднего и старшего возраста и среднего достатка. Малообеспеченные женщины средних лет имеют более пессимистичные взгляды о месте нашего региона по сравнению с другими регионами РФ.

Поскольку привлекательность для проживания в регионе, как правило, измеряют такими критериями как уровень и качество жизни, очевидно, что региональным властям следует обратить особое внимание на улучшение качества и уровня жизни жителей региона.

Базовым показателем социальной устойчивости является уровень материального благополучия населения. Динамика позитивных изменений за период с 2007–2017 гг. очевидна: оценки фактического дохода возросли в 7,2 раза

¹⁸⁶Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения 07.10.2018).

(табл. 4.7). Однако говорить о реальном материальном благополучии, учитывая инфляционную составляющую, не приходится¹⁸⁷.

За указанный период показатели желаемого (по оценкам населения) среднемесячного дохода выросли лишь в 4,3 раза. Можно предположить, что перманентные кризисные времена побуждают жителей региона пересмотреть свои запросы, осознавая невозможность получить желаемое, и, как часто бывало в России, «потуже затянуть пояса».

Таблица 4.7

Динамика изменений фактического и желаемого среднемесячного дохода на одного члена семьи в месяц (по результатам социологических исследований в 2002, 2009, 2013, 2016, 2017 гг.), руб.

Варианты ответов	2002 г.	2009 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.
Среднемесячный факт. доход, руб.	3495	12482	23886	23399	25085
Желаемый доход, руб.	10900	30985	48977	50673	46688
Соотношение среднемесячного фактического и желаемого доходов (раз)	3,0	2,5	2,3	1,7	1,9
Прожиточный минимум, руб.	2706	7627	10113	13562	14583
Соотношение среднемесячного факт. дохода и прожиточного минимума (раз)	1,3	1,6	2,4	1,7	1,7

Кроме того, в рамках социологического мониторинга населения Мурманской области, нами постоянно отслеживается динамика самоидентификации северян по шкале «богатый – среднеобеспеченный – бедный – нищий» (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Самоидентификация населения Мурманской области по уровню материальной обеспеченности (по результатам социологических исследований 2005, 2009, 2013, 2016, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.
Богатые	0,9	0,7	0,8	0,4	0,3
Среднеобеспеченные	38,6	47,7	49,9	52,5	52,3
Бедные	42,8	37,8	31,7	33,5	32,4
Нищие	6,6	4,6	5,1	4,8	3,9
Затруднились с ответом	11,1	9,3	12,5	8,8	11,1

Изначально эти сопоставления вызывали затруднения у респондентов, поскольку ранжирование по признаку «богач-бедняк» вообще было неуместно для бывших в недавнем прошлом граждан распавшегося СССР, и до сих пор у значительной части пожилых людей в значительной степени сохранены

¹⁸⁷Гущина И. А., Положенцева О. А. Оценки материального благополучия жителей Мурманской области (по результатам социологических опросов населения Мурманской области 2013–2016 гг.). Тр. Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН / г. Апатиты. № 14. Изд.-во КНЦ РАН, 2017. С. 509–512.

ориентации прежней социальной системы, отличающиеся неприхотливостью в плане собственного благополучия.

Следует учесть, что в начале третьего тысячелетия к категории «бедных» в России можно было смело отнести педагогов, работников здравоохранения, военных, которым порой стыдно было признаваться в своем бедственном положении, и они традиционно причисляли себя к среднеобеспеченным.

Очевидно, что, наиболее состоятельные представители регионального социума недоступны для получения такого рода социологической информации, но и притязания попавших в выборку респондентов, считающих себя «богатыми», достаточно невелики: в 2017 г. доход «богатых» составил 60 тыс. руб., а в 2013 г. — 50 тыс. руб. на члена семьи. Причем в указанный период соотношение дохода «богатых» с прожиточным минимумом ощутимо снизилось — с 4,9 до 4,1 раза. Со значительными потерями вышли из кризиса 2014 г. люди со средним достатком, чей доход в 2017 г. составил 1,8 прожиточного минимума (2,5 раза против 2013 г.). Доход «бедных» за исследуемый период сократился и составлял в 2017 г. 1,5 прожиточного минимума.

К настоящему времени динамика показателей самоидентификации по категориям населения в Мурманской области показывает, что доля среднеобеспеченных респондентов имеет постоянную тенденцию к росту: с 38,6 % в 2005 г. до 52,3 % в 2017 г.

В категории «бедные и нищие», напротив, очевиден тренд в сторону сокращения параметров: с 49,4 % в 2005 г. до 36,3 % в 2017 г. Данные положительные изменения должны бы радовать, но, к сожалению, они далеки от тех показателей, которые соответствовали бы общероссийской статистике уровня бедности — 15 % в 2017 г.

В Мурманской области, с ее специфически северным удорожающим фактором, бедность в настоящее время «начинается» с 22,1 тыс. руб. дохода на одного человека — именно таков начальный показатель, указываемый респондентами, идентифицирующими себя с категорией «бедных», причем это бедность работающего населения (так называемая экономическая бедность).

Суждения о том, что ухудшение собственного материального положения сопровождается ощущением беспомощности и безысходности высказали в 2017 г. пенсионеры (60,1 %) и работники сферы услуг (50,5 %), оказавшиеся в наиболее стесненных в материальном отношении обстоятельствах.

Снижение востребованности на рынке труда работников социальной сферы, инженерно-технических работников, служащих предприятий и учреждений отразилось на ухудшении материального благополучия более чем половины состава перечисленных социальных групп. Особенно это коснулось мужчин среднего (54,8 %) и старшего возраста (69,2 %).

Дифференциация доходов, безусловно, проявляется в их покупательной способности (рис. 4.4).

Из сопоставления данных социологических опросов за 2013 и 2017 гг. видно, что покупательная способность населения Мурманской области снизилась по всем предлагаемым к оценке позициям.

Особо следует выделить ответы на такие варианты как: «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»: 18,7 % в 2013 г. и 20,7 % в 2017 г.; «на повседневные затраты уходит вся зарплата»: 13,3 % в 2013 г. и 20,4 % в 2017 г. и «денег не хватает на повседневные затраты»: 10,7 % в 2013 г. и 14,0 %

в 2017 г. Среди высказавшихся таким образом представлены все половозрастные категории, относящие себя к среднеобеспеченным и малообеспеченным слоям населения, что указывает на значительные масштабы обеднения населения Мурманской области в последние годы.

Рис. 4.4. Оценки покупательной способности населения Мурманской области (по результатам соцопросов 2015, 2017 гг.), %

Достаточно информативны для понимания уровня социальной устойчивости оценки жителей региона их текущей жизненной ситуации, поскольку позволяют оценить эмоциональное и психологическое состояние, которое тем или иным образом транслируется на социальную жизнь общества (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Оценки текущей ситуации жителями Мурманской области (по результатам социологических исследований в 2005, 2009, 2013, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2017 г.
Все не так плохо и жить можно	27,5	35,8	37,3	27,9
Жить трудно, но можно терпеть	41,8	35,4	31,4	36,9
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	22,8	13,5	16,9	15,1
Затрудняюсь ответить	7,9	15,3	14,5	20,5

На протяжении длительного времени (2005–2017 гг.) приоритет удерживает мнение «жить трудно, но можно терпеть» — так считают более трети населения Мурманской области. Эти суждения указывают на определенную эмоциональную напряженность, а если учесть долю ответов по варианту «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», пусть и сократившуюся с 22,8 % в 2005 г. до 15,1 % в 2017 г., то приходится констатировать, что эмоционально-психологическое состояние регионального сообщества оставляет желать лучшего.

«Оптимистов», считающих, что «все не так плохо и жить можно», в 2017 г. стало меньше на 10 % по сравнению с 2013 г. Все это указывает на определенную настороженность населения по отношению к происходящим в обществе социальным, политическим и экономическим процессам.

Несмотря на то, что в целом значительных изменений в оценках текущей жизненной ситуации не произошло, показательно, что существенные негативные подвижки зафиксированы у более благополучной части населения, что в определенной степени сокращает потенциал социальной устойчивости и уровень социального терпения.

Важным показателем социальной устойчивости, на наш взгляд, следует считать осознание членами территориального сообщества степени личной ответственности за собственное благополучие, поскольку речь идет об уровне социального иждивенчества. На то, что в российском обществе в значительной степени завершена адаптация населения к новым условиям хозяйствования в режиме рыночной экономики, указывает следующее сопоставление: в 2003 г. лишь 17,1 % опрошенного населения Мурманской области ответили, что улучшение собственной жизни зависит от них самих, а по результатам опроса 2017 г., этот показатель увеличился до 85,4 %.

К факторам, характеризующим уровень социальной устойчивости, следует отнести оценки осознания собственного будущего как важного элемента жизненных стратегий (табл. 4.10). Проекция будущего взаимосвязана с восприятием настоящего и может соотноситься с уровнем материальной обеспеченности, социальным статусом, возрастом, полом и др. По мере взросления личности видение будущего аккумулируется с уже имеющимся жизненным опытом.

Таблица 4.10

Оценки уверенности населения Мурманской области в своем будущем (по результатам социологических исследований в 2005, 2009, 2015, 2016 гг.), %

Варианты ответов	2005 г.	2009 г.	2015 г.	2017 г.
Вполне уверен	11,5	7,7	23,1	13,2
Скорее уверен, чем нет	20,8	18,9	37,0	35,5
Не могу сказать точно	27,3	42,5	33,8	26,5
Скорее не уверен, чем уверен	29,9	20,0	14,6	17,2
Совершенно не уверен	9,8	10,9	1,4	7,6

За период с 2005–2017 гг. сформировалась тенденция преобладания позитивных оценок. В 2017 г. сумма вариантов «вполне уверен» и «скорее уверен, чем нет» составила 48,4 %, что на 16,1 % больше аналогичного показателя в 2005 г., и почти в два раза больше суммы негативных ответов по вариантам «скорее не уверен, чем уверен» и «совершенно не уверен» в 2017 г. (табл. 4.10).

В то же время в период 2015–2017 гг. произошли негативные подвижки в отношении собственных перспектив, что соотносится с ситуацией ухудшения материального благополучия. Безусловно, настроения уверенности в собственном будущем могут колебаться под воздействием как личностных причин, так и изменений в социально–экономической ситуации в обществе

(кризисы, внешняя угроза, процессы реформирования и пресловутой оптимизации). Тем не менее, этот показатель может вполне претендовать на роль измерителя социальной устойчивости в текущий период времени.

В ходе социологического мониторинга жителям региона предлагалось определить волнующие их ключевые проблемы по почти 20 позициям, и на основе этих оценок, в процессе анализа социологической информации, определялся рейтинг актуальных проблем для рассматриваемого периода (рис. 4.5).

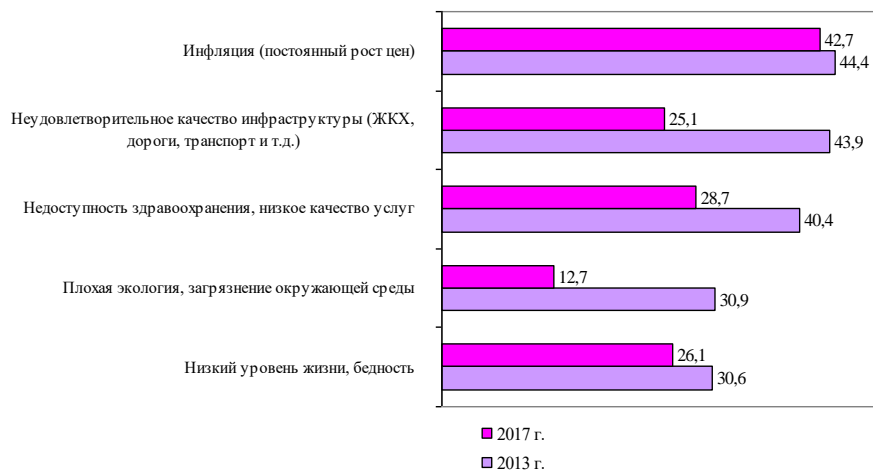

Рис. 4.5. Рейтинг пяти наиболее актуальных проблем (по результатам опросов населения Мурманской области в 2013 и 2017 гг.), %

В течение продолжительного времени на первых позициях остаются проблемы материального плана - инфляция, низкий уровень жизни, бедность, что соотносится с представленными выше оценками.

За пятилетний период (2013–2017 гг.) снизилась, по мнению опрошенных, острота экологических проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, доступнее стали услуги здравоохранения, несколько повысилось качество услуг ЖКХ, транспортное обслуживание. Однако все указанные проблемы по-прежнему остаются в рейтинге наиболее актуальных и требующих разрешения.

Косвенной оценкой результативности деятельности властных структур являются мнения населения о том, от кого зависит социально-экономическое благополучие региона. В течение 2013–2017 гг. изменились настроения жителей Мурманской области в отношении оценок эффективности деятельности региональных и местных властей: в 2017 г. возросла до 54,7 % (28,6 % в 2013 г.) доля респондентов, возлагающих ответственность за социально-экономическое благополучие региона на региональные и местные власти.

Это косвенный показатель того, что население в своих ожиданиях переориентируется на «ближнюю» власть, от которой в большей степени зависит его повседневная жизнь. В то же время, всего на 5,4 %, но все же увеличилось доля тех, кто, как и прежде, уповает на федеральную власть (47,4 % в 2017 г. против 42,1 % в 2013 г.), что традиционно для российского менталитета.

При изучении мнений групп населения по возрасту, полу и доходу, выявлены следующие предпочтения: чаще других молодые женщины и

малообеспеченные считают региональные и местные власти ответственными за социально-экономическое благополучие региона.

Надежду на федеральные и региональные власти возлагают молодые женщины, мужчины среднего возраста и жители с невысоким доходом. То, что крупные предприятия (16,4 %) повлияют на социально-экономическое благополучие, считают чаще женщины среднего возраста и среднеобеспеченные жители.

Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что высокий уровень качества жизни населения в регионах должен обеспечиваться обобщенным результатом эффективного сотрудничества всех ветвей власти, поскольку качество жизни — конституционная норма социального государства. Социальная устойчивость и потенциал развития общества во многом зависят от социальных установок населения, гражданской позиции людей.

В этом плане представляется значимой такая категория социального взаимодействия как доверие. Его динамика по отношению к властным и общественным институтам напрямую зависит от текущей социально-экономической ситуации. Оценка одобрения деятельности властных структур является своеобразным показателем эффективности их деятельности и социального самочувствия населения (табл. 4.11).

У Президента Российской Федерации стабильно высокий уровень одобрения среди населения Мурманской области за весь период наблюдений. В 2017 г., по сравнению с 2013 г., он вырос на 15 %. Чаще доверие Президенту России выражают жители старшего возраста, люди со средним доходом и малообеспеченные, меньше доверия у средней возрастной группы и молодежи.

Уровень доверия населения области к региональным властям существенно выше, чем к органам местного самоуправления (в 2004 г. — 45,9 % против 22,1 %; в 2016 г. — 31,9 % против 23,6 %).

Уровень одобрения действий губернатора в 2017 г. снизился. Объяснить это можно тем, что именно региональные власти отвечают за экономическое и социальное благополучие в регионах, в то время как Президент РФ и федеральные органы власти задают стратегический вектор развития.

По этой же причине закономерна, на наш взгляд, зависимость между снижением оценок одобрения губернатора (- 5 %), местных администраций (- 2,4 %) с одной стороны и ухудшением показателей миграционных настроений +4,5 % и социального терпения - 4,2 % с другой (табл. 4.11).

Положительные изменения в динамике уровня доверия более всего проявились в отношении к российской армии: если в 2004 г. он составлял 25,5 %, в 2009 г. — 26,1 %, то в 2016 г. — 53,1 %, что можно оценить как адекватную реакцию общества на усилия государства по восстановлению могущества вооруженных сил России.

Еще одним фактором, который следует учитывать при оценке социальной устойчивости, является настроение социального протеста, формирующееся под воздействием нерешенных или обострившихся социальных проблем, и определяющее готовность защитить свои интересы тем или иным образом¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸Гущина И. А., Положенцева О. А. Некоторые аспекты социальной жизни в оценках и представлениях жителей российской Арктики (по материалам социологических опросов населения Мурманской области) // Арктика и Север. 2013. № 6. С. 94–100.

Таблица 4.11

Уровень одобрения деятельности Президента РФ, губернатора, местных администраций Мурманской области (по результатам опросов населения Мурманской области 2013 и 2017 гг.), %

	2013 г.	2017 г.	2017 г. к 2013 г.(+/-)
Одобрение Президента	46,0	60,9	+14,9
Одобрение губернатора	27,2	21,7	-5,5
Одобрение местных администраций	19,8	17,4	-2,4
Хотел бы уехать в другой регион России.	20,3	24,8	+4,5
Социальное терпение (все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть)	68,7	64,5	-4,2

Привлекательно выглядит рост оценок о достаточной защищенности интересов населения: 13,4 % в 2017 г. против 7,5 % в 2005 г., однако, в общей картине они занимают далеко не лидирующие позиции (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Мнения жителей Мурманской области о возможных мерах защиты своих интересов (по результатам социологических исследований в 2005, 2009, 2013, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2017 г.
Мои интересы достаточно защищены	7,5	17,5	14,4	13,4
Подпишу обращение к властям	20,5	20,3	19,7	21,0
Выйду на митинг, демонстрацию	14,6	9,0	9,5	16,2
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	8,4	7,7	7,0	4,6
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	11,2	6,2	8,5	5,4
Ничего не буду делать	14,6	9,3	8,3	6,0
Затрудняюсь ответить	23,2	30,0	32,6	33,5

Анализ распределения мнений о возможной защите своих интересов укрепил предположение о высоком уровне социальной апатии в региональном сообществе. Около трети респондентов за указанный период наблюдений выбирали вариант «затрудняюсь ответить», очевидно, не сформировав свои намерения о возможном участии в акциях протеста.

К 2017 г. сложились предпочтения в пользу «мягких» форм в выборе возможного участия: «подпишу обращение к властям» — 21,0 %; «выйду на митинг, демонстрацию» — 16,2 %; «ничего не буду делать» — 6,0 %, при сокращении доли населения, выбравших активные меры защиты своих интересов: «буду участвовать в забастовках, других акциях протеста» — 4,6 %, «если надо, возьму оружие, пойду на баррикады» — 5,4 %.

В целом, протестные настроения можно расценивать и как показатель уровня социальной устойчивости, и как уровень результативности деятельности власти, и как запрос на совершенствование социальной политики.

Средства массовой информации существенно влияют на формирование общественного сознания. Информационная открытость власти значительно повышает уровень доверия к ней и во многом способствует формированию социальной стабильности. В Мурманской области существенны успехи в достижении доступности информационных ресурсов органов власти. Появилась возможность пользования Интернет-сайтами общественной приемной губернатора, Правительства области, Областной думы, органов местного самоуправления. Однако информационная политика региональных и местных структур власти респондентами по-прежнему оценивается как малоудовлетворительная. В 2017 г. 45,7 % респондентов сочли, что власть все еще закрыта для рядовых граждан; обратное мнение высказали 19,3 %.

Возможно, эффективность использования указанных источников информации снижается из-за сложностей их форматов, когда неуверенному пользователю не удастся соблюсти все предлагаемые условия по нахождению интересующей информации, на что сетует значительная часть респондентов. Кроме того, на невысоком уровне остается мнение об объективности информации о деятельности исполнительной власти — так определили более 42 % респондентов и в 2013 г., и в 2017 г., но следует отметить, что позитивные мнения за этот период выросли до 23 %, против 16,7 % в 2013 г. (рис. 4.6).

Больше скептицизма по отношению к объективности получаемой информации у людей с большим жизненным опытом старшего возраста и жителей с невысоким доходом.

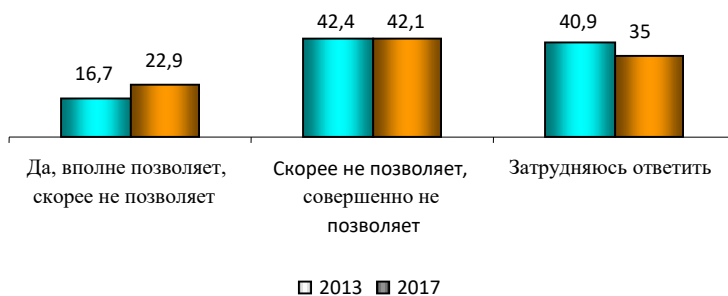

Рис. 4.6. Оценки уровня объективности информации о деятельности органов исполнительной власти жителями Мурманской области (по результатам социологических исследований в 2013 и 2017 гг.), %

Предпочтения иных источников информации представлены в таблице 4.13. Выявлено, что Интернетом, в качестве основного источника, пользуются чаще молодежь, мужчины среднего возраста, жители со средним достатком.

Региональному телевидению и прессе доверяют женщины разных возрастов и среднеобеспеченные жители. Жители старших возрастов верны традиционным федеральным каналам и центральной прессе.

Уровень информационной открытости напрямую связан с тем, насколько четко организован процесс обратной связи. Принцип обратной связи

применительно к управлению на региональном и местном уровнях выражается не только в получении информации и систематическом контроле власти со стороны общества, но предполагает широкую инициативу населения через общественные организации. Такое взаимодействие способствует достижению большего взаимопонимания власти и территориального социума, а значит, и социальной устойчивости.

Таблица 4.13

Оценки жителями Мурманской области источников информации о полноте и качестве изложения событий в стране и регионе (по результатам социологического опроса в 2017 г.), %

Источники информации:	2017 г.
Федеральное телевидение	23,1
Центральные газеты и журналы	15,1
Региональное телевидение и пресса	32,7
Интернет	51,9
Друзья, знакомые, коллеги	18,4
Педагоги, учителя	1,3

По результатам опроса 2017 г. наблюдается незначительное увеличение доли тех, кто считает, что возможно влияние населения при принятии управленческих решений, но по-прежнему преобладает мнение о невозможности такого влияния: 2013 г. — 47,5 %, 2017 г. — 55,1 % (рис. 4.7).

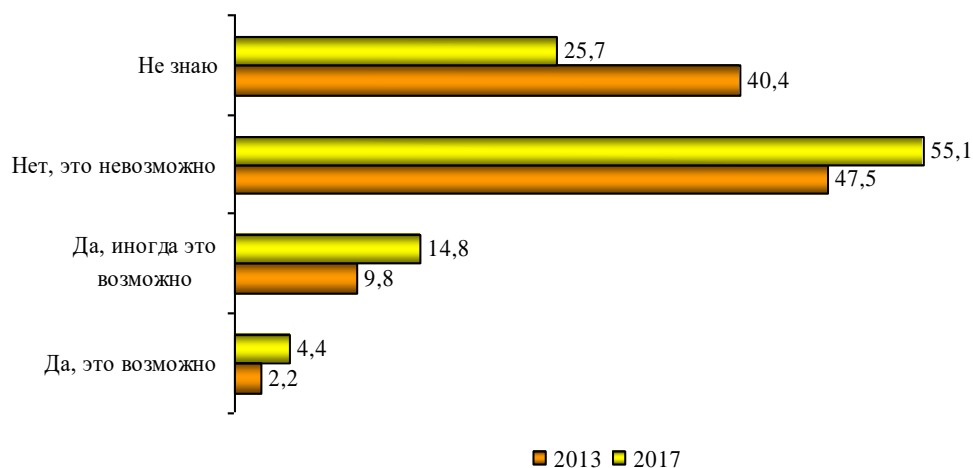

Рис. 4.7. Мнения населения Мурманской области о возможности влияния на местную власть при принятии управленческих решений (опросы населения Мурманской области 2013 и 2017 гг.), %

Не способствует изменению ситуации и действующий с 2015 г. региональный Интернет-портал «Открытый электронный регион», созданный для взаимодействия жителей региона и специалистов органов власти в рамках обратной связи и привлечения населения к участию в работе властных структур.

На электронные площадки жители региона «заходят» редко, не активно участвуют в опросах и считают себя бессильными повлиять на принятие управленческих решений по организации жизнедеятельности¹⁸⁹.

С другой стороны, органы власти пытаются способствовать включению общественности в процессы управления: почти во всех городах области есть теле-радиовещание, газеты, сессии представительных органов власти местного самоуправления проходят в открытом формате, на уровне региона также заметна активизация работы с населением. Однако проблема его включенности в процессы управления остается острой.

Скорее всего, незаинтересованность, отстраненность основной части жителей региона от участия в процессах управления есть следствие тех социальных преобразований, когда интересы населения оказывались вторичными, уступая интересам политическим. Это подтверждается преобладанием настроений социальной апатии, о чем говорилось выше.

Анализ показал, что существенных изменений в оценках жителями модельного региона – Мурманской области – таких аспектов социальной жизни как миграционные настроения, качество и уровень жизни, удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, социальное терпение, протестные настроения не произошло.

Однако по ряду значимых позиций выявлена отрицательная динамика — снижение уровня жизни, качества и доступности здравоохранения, качества услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Работа на Севере и в Арктике, по мнению респондентов, окончательно утратила материальные преимущества перед другими регионами России. Как следствие, сократился запас социального терпения, что отрицательно влияет на социальную устойчивость региона.

Потенциал протестных настроений невелик и ориентирован, в большей степени, на мягкие формы выражения протеста, однако, при сохранении зафиксированных темпов снижения материального благополучия и сокращения реальных доходов жителей данного региона, возможен, рост социальной напряженности, что может привести к снижению уровня социальной устойчивости.

4.4. Социологические оценки террористических угроз в Мурманской области

Необходимость изучения угрозы террористических актов и их последствий определяется разрастающимися масштабами этого негативного явления и исключительно важной ролью этого фактора в обеспечении территориальной социальной устойчивости.

Интернационализация экономической, политической, социокультурной жизнедеятельности человечества привели к изменению изначального понимания терроризма: если раньше это явление рассматривалось как инструмент политической, идейной борьбы, то сегодня терроризм «переключился» на

---

¹⁸⁹Немировский В. Г., Немировская А. В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: изд-во Сибирский юридический институт МВД России, 2010. с. 263.

решение межнациональных, территориальных, межэтнических, мафиозных и межконфессиональных споров. Современные террористические организации сродни концернам, занимающимся специализированной деятельностью, с внутренним разделением труда, обширной материальной базой и неисчерпаемыми финансовыми возможностями¹⁹⁰.

Существует достаточное количество работ, исследующих мотивации и типологии терроризма. Социальные же его аспекты изучены в меньшей мере, при том, что травмирующее воздействие как угрозы, так и последствий следует отнести к самым масштабным факторам влияния на качество жизни и социальную устойчивость, в том числе, на социальное настроение населения, в случае, если человек не может чувствовать себя защищенным от этого глобального зла.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет террористические акты как серьезную и непосредственную угрозу общественному здоровью. Последствия такого состояния в крайнем своем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР), возникающем как затяжная или отсроченная реакция на обозначенные ситуации¹⁹¹. Определение методов социальной профилактики терроризма, исследование факторов его предупреждения представляется актуальным направлением социологических исследований при разработке темы социальной устойчивости.

Восприятие населением Мурманской области террористической угрозы фиксируется на протяжении многих лет в результатах мониторинга общественного мнения населения, проводимого нами в ИЭП КНЦ РАН с 2002 года. Накопленная социологическая информация позволяет выявить динамику изменений в общественном мнении жителей этого арктического региона по указанной проблеме.

В определенной мере многоликость терроризма нашла отражение в представлениях респондентов о том, что такое терроризм (табл. 4.14). Первые позиции занимают суждения о том, что это угроза всему миру (60,6 % опрошенных), преступные акты насилия (53,4 %), форма политической борьбы (28,2 %), бандитизм и разбой (21,5 %), способ ведения боевых действий (22,3 %). Последний вариант более актуален для молодежи — так ответили 37,3 % опрошенных.

Взаимосвязь уровня террористических проявлений и состояния межнациональных отношений очевидна: национализм и терроризм подпитывают друг друга, особенно в периоды социально-экономических кризисов и формационных изменений.

Безусловным фактором влияния на характер межнациональных отношений является национальный состав населения. По результатам последней переписи, в Мурманской области абсолютное большинство составляют русские — 85,3 %; украинцев — 6,4 % и белорусов — 2,3 %. На остальные нации приходится менее чем по одному проценту. Очевидно поэтому межнациональные разногласия здесь не столь «горячи», как, например, в республиках Северного Кавказа.

---

¹⁹⁰Филиппов А. Терроризм как фактор, тормозящий развитие современного общества. URL: <https://sibac.info/conf/social/xxxvii/38383> (дата обращения: 11.03.2017 г.).

¹⁹¹Седых Н.С. Терроризм как социальное явление // Наука и общество: материалы междунар. науч. техн. конф. Днепропетровск, 2005. Т. 67.

Таблица 4.14

Представления жителей Мурманской области о терроризме
(по результатам опроса населения Мурманской области 2017 г.), %

Варианты ответов 2017 г.	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Преступные акты насилия	53,4	50,7	54,0
Способ ведения боевых действий	22,3	37,3	18,8
Форма политической борьбы	28,2	22,7	29,4
Привлечение внимания к острым проблемам	7,8	12,0	6,5
Бандитизм, разбой	21,5	17,3	22,7
Угроза всему миру	60,6	57,3	61,8
Способ изменения государственного строя	8,3	10,7	7,8
Способ восстановить справедливость	2,8	-	3,6
Демонстрация превосходства перед мирным населением	14,2	9,3	15,2
Другое	1,6	1,3	1,6

Динамика ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность со стороны людей другой национальности?» за 2006-2017 гг. свидетельствует о позитивных тенденциях. Изначально невеликий уровень враждебности — 20,8 % в 2006 г. снизился в 2017 г. до 12,1 % (сумма вариантов 1 и 2), при росте доли ответов о незначительном или полном отсутствии враждебности с 49,8 % в 2006 г. до 71,5 % (сумма вариантов 3 и 4) (табл. 4.15).

Таблица 4.15

Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность
со стороны людей другой национальности? (по результатам опросов населения
Мурманской области 2006, 2008, 2016, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2006 г.	2008 г.	2016 г.	2017 г.
Очень часто	5,2	3,5	8,6	6,7
Довольно часто	15,6	4,8	12,0	5,4
Редко	29,4	32,5	30,7	23,8
Практически никогда	33,4	45,9	33,9	47,7
Затрудняюсь ответить	16,4	13,4	14,8	16,3

Почти зеркальным отображением мнений выглядят оценки уровня враждебности респондентов к людям другой национальности, представленные в таблице 4.16.

Безусловно, даже небольшая часть тех, кто чувствует свою враждебность как к людям другой национальности, так и наоборот, не должна оставаться незамеченной, поскольку проявления враждебности могут привлечь внимание тех, кто заинтересован в разжигании соответствующих негативных настроений.

К настоящему времени значительная часть жителей региона (43,5 % в 2017 г.) оценивает межнациональные отношения как стабильные, в то время как в 2006 г. 55,3 % респондентов указывали на рост их напряженности (табл. 4.17).

Таблица 4.16

Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность
к людям другой национальности? (по результатам опросов населения
Мурманской области 2006 г., 2008 г., 2016 г., 2017 г.), %

Варианты ответов	2006 г.	2008 г.	2016 г.	2017 г.
Очень часто	5,4	2,9	5,2	5,4
Довольно часто	14,3	8,6	15,0	8,0
Редко	29,7	28,7	26,1	22,0
Практически никогда	36,1	45,7	35,7	47,7
Затрудняюсь ответить	14,5	14,1	18,0	16,8

Таблица 4.17

Оценки населением изменений в межнациональных отношениях
за последний год в Мурманской области (по результатам опросов населения
Мурманской области в 2006, 2008, 2016, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2006 г.	2008 г.	2016 г.	2017 г.
Стали более напряженными	55,3	19,0	15,2	13,2
Стали менее напряженными	7,5	23,7	13,0	14,8
Заметных изменений не произошло	22,3	34,3	44,3	43,5
Затрудняюсь ответить	14,9	23,1	27,5	28,5

Показательны оценки северян деятельности власти и спецслужб по обеспечению безопасности. В 2006 г. вера в их эффективность была крайне низка: более 70 % ответивших считали, что данные структуры не в состоянии обеспечить безопасность граждан. В 2017 г. этот показатель снизился до 40,9 %, (сумма вариантов 3 и 4), при том, что 35,5 % (против 20,0 % в 2006 г. — сумма вариантов 1 и 2) верят, что спецслужбы могут обеспечить безопасность граждан и предотвратить возможные теракты (табл. 4.18).

Таблица 4.18

Оценки населением возможности спецслужб обеспечить безопасность граждан
РФ, предотвратить в будущем подобные теракты (по результатам опросов
населения Мурманской области в 2006, 2008, 2016, 2017 гг.), %

Варианты ответов	2006 г.	2008 г.	2016 г.	2017 г.
Определенно да	5,3	10,1	12,0	4,4
Скорее да	14,7	38,9	45,1	31,1
Скорее нет	45,6	19,2	13,0	27,2
Определенно нет	25,9	17,3	12,6	13,7
Затрудняюсь ответить	8,5	14,5	17,4	23,6

Еще более обобщающий показатель укрепления правопорядка и обеспечения безопасности в регионе представлен оценками (по пятибалльной шкале) деятельности исполнительной власти региона (табл. 4.19).

Конфликтность в обществе и нарастание протестных настроений, включая межнациональные, напрямую зависит от нерешенности и остроты проблем социально-экономического характера. Средний оценочный балл на протяжении 2010-2016 гг. был низок, но следует отметить, что динамика оценок имеет тенденцию к сокращению, и в 2017 г. этот показатель достиг трехбалльного значения.

Таблица 4.19

Оценки результативности деятельности органов исполнительной власти региона в укреплении правопорядка и обеспечении общественной безопасности (по результатам опросов населения Мурманской области 2010–2017 гг.) (пятибалльная шкала), %

Варианты ответов	2010 г.	2011г.	2012 г.	2013 г.	2016 г.	2017 г.
1 балл -	11,5	9,2	11,2	17,6	11,0	8,1
2 балла	23,8	20,3	19,8	20,6	13,6	13,2
3 балла	33,4	37,2	30,8	29,7	33,7	32,2
4 балла	12,3	18,9	17,6	10,50	23,6	21,3
5 баллов -	2,7	2,8	3,5	2,9	3,6	2,3
Затрудняюсь ответить	16,3	11,5	17,1	18,6	12,6	22,9
Средний балл	2,7	2,8	2,8	2,5	2,9	3,0

В 2017 г. блок вопросов о терроризме был расширен в связи с возрастающим вниманием общества к этой проблеме. Так, оценивая результативность региональной власти, представляется уместным показать мнения северян по поводу того, что мешает борьбе с террористической угрозой (табл. 4.20).

Оценки молодежи более жесткие, основные претензии — к низкому профессионализму тех, кто по долгу службы должен заниматься противодействием терроризму. Настораживает вторая рейтинговая позиция — коррупция как препятствие в борьбе с терроризмом. Получается, что в порочных коррупционных сетях погребено многое из того, что могло бы способствовать противодействию террористической угрозе.

Показательны мнения по варианту 5 — «апатия населения». Нам приходилось исследовать этот феномен, указывающий, что у значительной части российского общества сформировалось неприятие реформ, процессов пресловутой модернизации социальной сферы (образование, наука, здравоохранение пенсионное обеспечение и др.), поскольку обещанные позитивные изменения значительно запаздывали или не проявлялись вовсе.

Мнения по поводу собственной защищенности от террористической угрозы распределились так: достаточно высоки опасения стать жертвами — 56 % (сумма вариантов 3 и 4), что значительно больше доли чувствующих себя защищенными — 18,9 % (сумма вариантов 1 и 2). Возможно, такие оценки объясняются тем, что Мурманская область — пограничный регион, с большим количеством оборонных объектов, атомным флотом, Кольской атомной электростанцией, что, по мнению населения, вызывает повышенный интерес террористических организаций и риски для региона (табл. 4.21).

Таблица 4.20

Мнения населения о том, что мешает борьбе с террористической угрозой
(по результатам опроса населения Мурманской области в 2017 г.), %

Варианты ответов	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Недостаточный профессионализм ответственных лиц	48,2	53,3	46,9
Коррупция	44,6	46,7	44,0
Безразличие власти	37,0	34,7	37,9
Неразвитость гражданского общества	27,5	25,3	27,8
Апатия населения	25,4	21,3	26,2

Таблица 4.21

Оценки собственной защищенности от террористических актов
(по результатам опроса населения Мурманской области в 2017 г.), %

Варианты ответов	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Полностью защищен	2,6	2,7	2,6
В основном защищен	16,3	20,0	14,9
Частично защищен	25,9	24,0	26,5
Совсем не защищен	30,1	28,0	30,7
Затрудняюсь ответить	25,1	25,3	25,2

Косвенно на это же указывает распределение мнений о возможности терактов в Мурманской области (табл. 4.22). Более трети населения не исключают такой возможности (34,7 %), но все же позитивных настроений в целом больше — 42,2 % (сумма вариантов 2 и 3), при этом молодежь настроена еще оптимистичнее — 54,7 % опрошенных верят, что все будет хорошо.

Таблица 4.22

Оценки вероятности терактов в Мурманской области
(по результатам опроса населения Мурманской области в 2017 г.), %

Варианты ответов	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Возможны	34,7	24,0	37,5
Маловероятны	32,9	42,7	30,1
Практически невозможны	9,3	12,0	8,7
Затрудняюсь ответить	23,1	21,3	23,6

Более половины населения региона (58,0 %) готовы принять участие в антитеррористических акциях, таких как поддержка родственников пострадавших, сбор подписей в осуждение терроризма, сдача крови, траурные мероприятия и др., что характеризует северян как активных членов территориального социума.

Основным источником распространения сведений о терроризме выступают средства массовой информации. Их роль двойка — с одной стороны, это необходимое информирование общества о произошедших актах терроризма,

при этом форма подачи материала должна выглядеть не как сенсация, а как освещение крайне негативного для общества события.

С другой стороны, СМИ широко используются террористами для влияния на общественность. Особенно это опасно для молодежной аудитории, поскольку именно она подвержена наибольшему влиянию со стороны адептов идеологии терроризма и часть ее даже готова встать под их знамена. Очевидно, что для минимизации последствий террористических проявлений должна быть ограничена свобода в выборе освещения событий, связанных с террористической ситуацией.

Более половины жителей области (54 %) выразили свое недоверие к средствам массовой информации. Большинство этой группы составляют люди с высоким уровнем образования, род занятий которых чаще связан с социальной сферой, то есть это так называемые бюджетники — ученые, работники сфер образования и здравоохранения, а также предприниматели (табл. 4.23). Предпочтения жителей области по информированию о терактах сводятся к тому, что они хотели бы получать наиболее полную информацию о произошедшем — 37,8 %, причем молодежь более любопытна — 45,3 %.

Таблица 4.23

Предпочтения населения в отношении информации о теракте
(по результатам опроса населения Мурманской области в 2017 г.), %

Варианты ответов 2017 г.	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Детальную, со всеми подробностями о жертвах и последствиях	37,8	45,3	35,9
Сжатую, содержащую только факты, без фото и видеоизображений жертв.	28,8	18,7	31,1
Детальную, но без фото и видеоизображений жертв.	27,2	26,7	27,5
Другое	6,2	9,3	5,5

Почти 40 % северян готовы даже поступиться частью демократических прав и свобод во имя укрепления безопасности от террористической угрозы (табл. 4.24).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Население области осознает многоликость терроризма, понимая опасность вероятности совершения терактов на территории приграничного региона, располагающего соответствующей инфраструктурой. Сдерживающим фактором развития террористической ситуации является мононациональный состав населения Мурманской области, более 85 % которого составляют русские, что обеспечивает относительную стабильность межнациональных и межконфессиональных отношений. Наблюдается положительная динамика в оценках деятельности спецслужб по противодействию террористической угрозе, их способности предотвратить возможные теракты.

Результативность работы исполнительной власти региона в укреплении правопорядка и обеспечении общественной безопасности, по мнению населения, оставляет желать лучшего. Большинство нареканий сводится к недостаточному

профессионализму ответственных лиц, масштабности коррупции, безразличию власти.

Слабым звеном также выглядит информационная составляющая, связанная с деятельностью средств массовой информации, и являющаяся одной из основных в плане формирования психологической устойчивости населения в деле противодействия повышению уровня панических настроений. Отношение северян к СМИ, как основному источнику информации о террористической угрозе и произошедших терактах, в большей степени негативное. Информационный запрос со стороны населения характеризуется потребностью в более полном освещении террористической проблематики.

Таблица 4.24

Мнения населения о необходимости ограничения ряда свобод и прав граждан
во имя безопасности от террористической угрозы
(по результатам опроса населения Мурманской области в 2017 г.), %

Варианты ответов	Все население Мурманской области	Молодежь	Остальное население
Полностью согласен	11,1	6,3	11,5
Скорее, согласен	27,5	31,3	32,1
Скорее, не согласен	22,8	25,0	21,0
Полностью не согласен	14,5	25,0	9,5
Затрудняюсь ответить	24,1	12,5	25,8

Обеспечение контроля по противодействию террористической угрозе осуществляется соответствующими силовыми структурами и надзорными органами в пределах их компетенции. В то же время на региональном уровне следует особо укреплять такие направления антитеррористической защищенности населения как:

- подготовка руководителей региональных организаций и предприятий, органов местного самоуправления в отработке взаимодействия в соответствующих ситуациях;
- совершенствование схем оповещения населения о террористической угрозе, активизация работы СМИ по формированию повседневной бдительности населения;
- просветительская работа с населением о необходимости знания правил поведения в условиях террористической ситуации, понимания вероятности ограничения отдельных прав и свобод в период проведения антитеррористических операций, например, необходимости контроля информационных потоков в период террористических ситуаций для снижения уровня панических настроений и предотвращения утечек сведений об антитеррористических операциях;
- исследование общественного мнения в различных слоях социума для формирования базы социологической информации, иллюстрирующей состояние социальных настроений по восприятию террористической угрозы с целью эффективного использования при выработке мер профилактики и противодействия терроризму.

ГЛАВА 5

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ РФ

5.1. Необходимые меры государственной политики по приоритетным направлениям достижения социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики

Мы убеждены, что в основе политики федерального уровня в отношении Севера и Арктики РФ должна лежать концепция устойчивого развития как максимально направленная на гармонизацию экономического роста, экологически сбалансированного природопользования и социального развития. При этом необходимо существенно повысить внимание к вопросам обеспечения социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики — то есть формирования такого состояния общества, при котором обеспечиваются высокие качество и уровень жизни, высокий уровень здоровья, социальная справедливость, вовлеченность и ответственность граждан, а будущие поколения имеют такой же или более широкий доступ к социальным и другим ресурсам как и нынешнее поколение, что, в конечном счете, гарантирует существование российских северных и арктических социумов в долгосрочной перспективе.

Этот подход учитывает интересы людей, населяющих эти территории, мировой опыт и наиболее полно соответствует реализации национальных интересов РФ на Севере и в Арктике в связи с ключевой ролью человеческого потенциала в их развитии.

Одна из главных составляющих социальной устойчивости — качество жизни населения. В отличие от других аспектов социальной устойчивости, качество жизни населения поддается количественной оценке и может служить основой для оценки уровня и степени социальной устойчивости территориальных сообществ.

Проведенная оценка уровня и степени социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ в 2013–2016 гг. на основе интегральных индексов, агрегирующих показатели качества жизни, позволила выявить проблемные (с точки зрения остроты проблем, по составляющим социальной устойчивости) и пространственные (в разрезе регионов) приоритеты достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ. Такая оценка дала информацию для определения главных направлений управляющего воздействия. На этой основе нами были разработаны рекомендации для органов государственной власти, прежде всего, федерального уровня по формированию и реализации социальной политики, направленной на достижение устойчивого социального развития территории Севера и Арктики РФ.

Анализ показал, что в целом для Севера и Арктики РФ в «красной зоне» важнейших приоритетов находятся две проблемы — демографическое развитие и состояние социальной инфраструктуры.

На первом месте по приоритетности находится **демография**. Индекс по этой составляющей социальной устойчивости в среднем по Северу и Арктике РФ в 2016 г. составил 0,339, что указывает на предкризисное состояние территории в этой сфере. Несмотря на позитивные тенденции и улучшение ситуации в отдельных регионах, в целом на российском Севере и в Арктике весь рассматриваемый период наблюдалась тенденция снижения интегрального индекса уровня социальной устойчивости в демографической сфере: в 2013 г. индекс был равен 0,370, в 2014 г. — 0,351, в 2015 г. — 0,342.

Исследование показало, что демографическую сферу следует рассматривать как главный проблемный приоритет государственной социальной политики в отношении Севера и Арктики РФ, требующий принятия первоочередных дополнительных мер во всех без исключения регионах Севера и Арктики РФ.

Основные проблемные приоритеты в демографической сфере — ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении и рождаемость (определяемая по показателю суммарный коэффициент рождаемости — среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте). В срочных дополнительных мерах по повышению ожидаемой продолжительности жизни нуждаются в первую очередь Чукотский АО и Республика Тыва. В дополнительных мерах, направленных на повышение рождаемости, нуждается Магаданская область, находящаяся в зоне неустойчивости. Большинство остальных регионов Севера и Арктики по показателю суммарного коэффициента рождаемости находятся в «желтой» зоне с наличием признаков устойчивости.

Регионами, на которые необходимо обратить первоочередное внимание, — пространственными приоритетами в демографической сфере — являются: Чукотский АО, Магаданская и Иркутская области, Хабаровский, Камчатский края, Республика Коми, Республика Тыва, Карелия, Архангельская область, Мурманская область, находящиеся в зоне абсолютной неустойчивости, кризиса.

Предлагаются следующие меры социальной политики в сфере демографического развития.

1). В вопросах роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Основными резервами роста целевого индикатора «ожидаемая продолжительность жизни», в том числе в регионах Севера и Арктики, являются выравнивание ожидаемой продолжительности жизни при рождении по территории проживания населения «село-город» (городского и сельского) и снижение значительного разрыва между ожидаемой продолжительностью жизни женского и мужского населения.

Для активизации резервов роста ожидаемой продолжительности жизни по территории проживания населения «село-город» (городского и сельского) и снижения значительного разрыва между ожидаемой продолжительностью жизни женского и мужского населения предлагаем:

- провести усовершенствование государственной программы РФ «Развитие здравоохранения» (утв. Правительством РФ от 26.12.2017) на 2018–2025 гг. с учетом включения сведений о целевых индикаторах программы: 1) рост ожидаемой продолжительности жизни; снижение уровня смертности населения: 2) в трудоспособном возрасте, 3) от болезней системы кровообращения, 4) от новообразований (в том числе злокачественных),

5) повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи и разработки планов мероприятий в разрезе территории проживания населения «село-город» (городское и сельское) и пола (женское и мужское население);

- провести усовершенствование государственных программ субъектов РФ, в том числе северных и арктических, «Развитие здравоохранения» на 2018–2025 гг. с учетом включения сведений о целевых индикаторах программ: 1) рост ожидаемой продолжительности жизни; снижение уровня смертности населения: 2) в трудоспособном возрасте, 3) от болезней системы кровообращения, 4) от новообразований (в том числе злокачественных), 5) повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи и разработки планов мероприятий в разрезе территории проживания населения «село-город» (городское и сельское) и пола (женское и мужское население);

2). В вопросах повышения рождаемости.

В условиях общероссийского демографического вызова, высоких темпов сокращения численности женщин молодой возрастной группы 20–29 лет и значительного снижения коэффициентов рождаемости в возрастной группе 20–24 лет, усиливающего свое негативное влияние на демографическое развитие в регионах Севера и Арктики с неблагоприятным уровнем рождаемости, предлагаем:

- федеральным законодательством рекомендовать субъектам РФ, в том числе северным и арктическим, ввести региональный материнский (семейный) капитал при рождении первого ребенка молодым женщинам и молодым семьям, с финансированием за счет средств бюджетов субъектов РФ;

- рекомендовать принятые в Мурманской области меры для стимулирования рождения первых детей в молодых семьях, а именно 1) ежемесячная денежная выплата при рождении первого ребенка до достижения им возраста полутора лет¹⁹² и 2) комплекс мер для стимулирования рождения первых детей в молодых семьях Мурманской области¹⁹³ распространить на регионы РФ, в том числе северные и арктические, со сложной демографической ситуацией (неблагоприятный уровень рождаемости, старшая возрастная структура населения);

- в целях повышения статуса многодетных семей, развития системы государственной поддержки института семьи принять Федеральный закон «О статусе многодетных семей в Российской Федерации».

На втором месте по приоритетности в «красной зоне» — **состояние социальной инфраструктуры**. В среднем по Северу и Арктике РФ индекс уровня устойчивости в этой сфере составил в 2016 г. 0,349, что определяет территорию в целом как имеющую признаки социальной неустойчивости по данной составляющей. Аналогично демографическому развитию, в этой сфере наблюдается негативная тенденция снижения уровня устойчивости весь рассматриваемый период: в 2013 г. интегральный индекс составил 0,421, в 2014 г. — 0,402, в 2015 г. — 0,395.

Главным проблемным приоритетом в сфере развития социальной инфраструктуры на Севере и в Арктике РФ является здравоохранение – как в части

---

¹⁹²Закон Мурманской области от 22.12.2017 г. № 2216-01-ЗМО.

¹⁹³Распоряжение Правительства Мурманской области от 29.12.2017 г. № 325-РП.

обеспечения населения необходимыми услугами, так и в части территориально-транспортной доступности учреждений этой сферы. Мы убеждены, что политика в сфере здравоохранения северных и арктических регионов России должна быть направлена на сохранение и рост обеспеченности объектами этой сферы и ее доступности непосредственно в месте проживания населения.

Пространственными приоритетами развития социальной инфраструктуры на Севере и в Арктике, то есть регионами, на которые необходимо обратить первоочередное внимание, и где необходимы активные дополнительные меры в социально-инфраструктурной сфере, являются: Камчатский край, находящийся в зоне абсолютной неустойчивости, кризиса, и регионы, находящиеся в зоне социальной неустойчивости, предкризисном состоянии — Чукотский АО, Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва и Республика Карелия.

Активные меры социальной политики по сохранению и развитию социальной инфраструктуры необходимы во всех регионах Севера и Арктики РФ, поскольку все регионы по этому направлению попадают в неблагоприятную «красную зону». Даже лидеры — Мурманская область, Республика Коми и Сахалинская область — относятся к группе регионов, имеющих признаки социальной неустойчивости.

Основными направлениями федеральной социальной политики на Севере и в Арктике в сфере развития социальной инфраструктуры должны являться:

- осуществление активных дополнительных мер государственной социальной политики, направленных на решение проблем в сфере социальной инфраструктуры всех регионов Севера и Арктики РФ, в том числе и тех, где ситуация кажется относительно благополучной. Это связано с тем, что даже регионы-лидеры рейтинга-2016 г. Мурманская и Сахалинская области, в 2015 г. имевшие признаки социальной устойчивости в этой сфере, в 2016 г. перешли в зону «наличие признаков социальной неустойчивости»;

- государственное регулирование и протекционизм в вопросах развития социальной инфраструктуры северных и арктических субъектов РФ, направленные на повышение качества и доступности услуг объектов социальной инфраструктуры, рост удовлетворенности населения качеством и доступностью социальных услуг;

- разработка и реализация специальной государственной программы по развитию социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики РФ, направленной на обеспечение высокого уровня доступности объектов, повышение качества услуг с учетом северной и арктической специфики;

- формирование дифференцированных механизмов государственной политики в сфере развития социальной инфраструктуры населенных пунктов различного типа, особенно отдаленных и малонаселенных поселений Севера и Арктики РФ, направленных на сохранение и развитие в отдаленных малых поселениях всего комплекса объектов социальной инфраструктуры. Особенно важно сохранение и развитие учреждений здравоохранения (в частности, фельдшерско-акушерских пунктов, больниц), образования (в частности, малокомплектных школ); оснащение медицинских и образовательных учреждений отдаленных населенных пунктов средствами дистанционного оказания услуг;

- оснащение участковых больниц и фельдшерских пунктов в труднодоступных и малонаселенных поселках реанимационной аппаратурой для оказания экстренной помощи на местах в течение «золотого часа» в критических случаях, когда из-за погодных условий эвакуация больного невозможна;

- совершенствование и актуализация нормативных показателей кадрово-инфраструктурной обеспеченности объектов социальной инфраструктуры, с учетом необходимости применения более высоких их значений в субъектах Севера и Арктики РФ, в связи с низкой транспортной доступностью поселений и необходимостью реализации компенсаторной функции социальной инфраструктуры;

- более активное внедрение региональных программ при поддержке федерального центра (по типу программы "Арктический доктор", инициированной в Мурманской области), направленных на решение проблемы дефицита кадров для работы в социальной сфере северных и арктических регионов.

Третье место в ряду проблемных приоритетов для Севера и Арктики РФ занимает **уровень здоровья и образования населения**. После незначительного роста индекса социальной устойчивости по этому блоку в 2014 г. (до 0,588) по сравнению с 2013 г. (0,567), началось его снижение. В 2015 г. индекс опустился до 0,575, а в 2016 г. — до 0,553, т.е. ниже уровня 2013 г., что определяет территорию в целом как имеющую признаки социальной устойчивости в этой сфере («желтая зона»).

В большинстве регионов наблюдается снижение младенческой смертности (исключение — Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, где зафиксирован небольшой рост по сравнению с 2013 г.), что подтверждает эффективность реализуемых мер, направленных на предотвращение смертности детей до одного года. «Болевыми точками» территории Севера и Арктики по этому показателю остаются Чукотский АО и Республика Тыва, характеризующиеся крайне высокими уровнями младенческой смертности.

Главным проблемным приоритетом в сфере уровня здоровья и образования населения регионов Севера и Арктики России является смертность населения в трудоспособном возрасте (без учета смертности от внешних причин). Несмотря на то, что рост смертности в этой возрастной группе в 2016 году по сравнению с 2013 годом демонстрировал лишь один регион — Красноярский край, снижение индекса уровня устойчивости по данному показателю в период 2013–2016 гг. наблюдалось в 12 регионах. Это означает, что ситуация по РФ в целом по этому направлению улучшается быстрее, чем на Севере и в Арктике. Чукотский АО весь период демонстрировал наихудшую ситуацию в этой сфере в России в целом.

Рост индекса уровня устойчивости по показателю смертности населения в трудоспособном возрасте (без учета смертности от внешних причин) зафиксирован лишь в Ненецком АО, Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области. В группе регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, продолжают оставаться: Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО — лишь эти четыре региона попадают в «желтую зону», остальные 12 регионов находятся в «красной зоне».

Пространственными приоритетами в сфере здоровья и образования населения являются (по степени приоритетности): Чукотский АО, Республика Тыва, Ненецкий АО и Иркутская область, имеющие по этой составляющей признаки социальной неустойчивости.

Основными направлениями федеральной социальной политики в сфере здоровья и образования должны являться:

- осуществление активных дополнительных мер, направленных на решение проблемы высокого уровня и роста смертности населения в трудоспособном возрасте в приоритетных по этому направлению регионах, входящих в «красную зону» (по степени приоритетности): Чукотский АО (регион, имеющий абсолютную социальную неустойчивость, кризис по данному индексу); Иркутская область, Республика Карелия, Магаданская, Сахалинская области, Камчатский край, Республика Коми (социальная неустойчивость, предкризисное состояние); Мурманская область, Республика Тыва, Хабаровский край, Архангельская область, Красноярский край (признаки социальной неустойчивости в этой сфере);

- сохранение и повышение доступности услуг системы здравоохранения для всех жителей независимо от социального статуса и места проживания;

- развитие первичной медико-санитарной помощи, в том числе жителям сельских, труднодоступных, малонаселенных поселений, ЗАТО;

- обеспечение проведения дифференцированной государственной политики в сфере охраны здоровья, учитывающей специфические особенности субъектов Севера и Арктики РФ;

- обеспечение безопасных для здоровья условий труда, сокращение числа рабочих мест с вредными и/или опасными условиями труда;

- развитие системы раннего выявления заболеваний, патологических состояний и факторов риска их развития, включая проведение медицинских осмотров и диспансеризации населения;

- обеспечение повышения кадрового потенциала медицинских учреждений, условий для закрепления высококвалифицированных кадров, в т.ч. внедрение программ целевой подготовки медицинских кадров для субъектов Севера и Арктики РФ из числа местных жителей, в т.ч. представителей КМНС.

На четвертом месте по приоритетности — **качество городской среды**. В среднем по Северу и Арктике РФ индекс уровня устойчивости по этой сфере составил 0,583 (2016 г.), что определяет территорию в целом как имеющую признаки социальной устойчивости по этой составляющей. В 2014–2015 гг. уровень устойчивости по блоку «качество городской среды» вырос: с 0,588 в 2013 г. до 0,615 в 2014 г. и до 0,617 в 2015 г. (в 2015 г. индекс уровня устойчивости по этому направлению находился на первом месте среди всех анализируемых составляющих, опережая, в том числе, и уровень жизни). Однако в 2016 г. индекс упал до значения ниже достигнутого в 2013 г.

Главными проблемными приоритетами в сфере качества городской среды регионов Севера и Арктики являются обеспечение безопасности проживания и улучшение жилищных условий. Основным приоритетом достижения устойчивости в сфере жилищных условий является состояние и благоустройство жилищного фонда. Проблемы в сфере жилищных условий характерны не только для регионов-аутсайдеров, но и для лидеров: Мурманской области, Чукотского

АО и Камчатского края. Здесь, несмотря на наличие устойчивости в этой сфере в целом, нарастают проблемы из-за крайне низких уровней строительства нового жилья.

Пространственными приоритетами повышения качества городской среды являются Республика Тыва и Архангельская область, имеющие признаки социальной неустойчивости в этой сфере.

В целях повышения устойчивости регионов Севера и Арктики РФ в сфере качества городской среды основными направлениями федеральной социальной политики должны стать:

- реализация активных дополнительных мер по решению проблем в сфере жилищных условий в регионах, имеющих признаки социальной неустойчивости и относящихся к «красной зоне» (по степени приоритетности): Республике Тыва (регион, имеющий абсолютную социальную неустойчивость, кризис по данному индексу) и Республике Саха (Якутия) (социальная неустойчивость, предкризисное состояние в этой сфере);

- разработка и реализация государственной программы повышения благоустройства жилищного фонда в наиболее проблемных регионах Севера и Арктики;

- реализация дополнительных мер, направленных на развитие жилищного рынка, включающих государственную поддержку населения в части снижения ставки ипотечного кредитования, развитие других форм кредитования для населения (жилищные сертификаты, кассы взаимопомощи, жилищно-строительные кооперативы и пр.);

- реализация дополнительных мер, направленных на развитие жилищного рынка, включающих государственную поддержку строительных организаций, ведущих деятельность в регионах Севера и Арктики, в том числе льготное государственное кредитование, предоставление в аренду участков под застройку по сниженным ставкам;

- реализация мероприятий, направленных на повышение доступности аренды муниципального/регионального жилья для молодых специалистов, высококвалифицированных кадров и пр., в целях закрепления их в регионах Севера и Арктики.

Пятое место в ряду проблемных приоритетов для Севера и Арктики РФ занимает **уровень жизни населения**. Индекс социальной устойчивости по этому блоку вырос с 0,661 в 2013 г. до 0,708 в 2014 г., что позволило отнести данное направление к зоне социальной устойчивости, т.е. по уровню жизни регионы Севера и Арктики в целом перешли в «зеленую зону». Однако затем последовало снижение индекса до 0,611 в 2015 г., а увеличение индекса до 0,651 в 2016 г. не позволило обеспечить необходимый рост значения индекса и достичь уровня устойчивости, наблюдавшегося в 2013 г. В целом территория Севера и Арктики РФ по этому направлению находится в «желтой зоне» (наличие признаков социальной устойчивости).

Главными проблемными приоритетами в сфере уровня жизни являются высокий уровень безработицы и бедность населения, уровень которой в среднем по регионам Севера и Арктики РФ превышает предельно-критическое значение (3 %) почти в 6 раз.

Пространственными приоритетами в сфере уровня жизни населения являются: Республика Тыва (наличие социальной неустойчивости, предкризисное состояние), Республика Карелия и Архангельская область (признаки социальной неустойчивости в этой сфере).

В сфере уровня жизни актуальными мероприятиями являются следующие:

- законодательное закрепление концептуальных основ оплаты труда, включая сущность заработной платы, принципы ее установления (предусматривающие обеспечение качественного воспроизводства рабочей силы, обеспечивающие платежеспособный спрос населения, определяющие ответственность работодателей за реализацию прав человека в социально-трудовой сфере) и выполняемые ею функции;

- законодательное закрепление установления должностных окладов (тарифных ставок) работников бюджетной сферы на уровне величины регионального прожиточного минимума трудоспособного населения в нормативных правовых документах, регулирующих системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений;

- законодательное закрепление прав и обязанностей сторон социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений по установлению минимальной заработной платы в регионах на уровне не ниже величины регионального прожиточного минимума трудоспособного населения (ст. 133.1 гл. 21 ТК РФ);

- разработка общей институциональной основы (нормативного документа федерального уровня), определяющей аспекты районного регулирования оплаты труда на Севере и в Арктике — государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих на предприятиях, в организациях и учреждениях, расположенных в северных регионах РФ, — в территориальном разрезе:

- 1) районного коэффициента и процентной надбавки, дополнительных отпусков и ежегодной оплаты проезда к месту проведения отпуска и обратно работнику и членам его семьи,

- 2) гарантий медицинского обслуживания (например, медицинское наблюдение в процессе трудовой деятельности),

- 3) гарантий предоставления жилой площади по соответствующим нормам по месту работы (обеспечение работника и членов его семьи благоустроенным жильем по месту работы, в т.ч. обеспечение гарантий предоставления благоустроенного жилья молодым специалистам отраслей социальной сферы в АЗРФ),

- 4) гарантий в области занятости населения (обеспечение гарантий в случае увольнения в связи с ликвидацией предприятия, организации или учреждения, расположенного в АЗРФ, в виде выплаты выходного пособия и сохраняемой средней заработной платы за счет предприятий, учреждений, организаций),

- 5) компенсаций для лиц, обучающихся в высших и средних учебных заведениях и общеобразовательных школах в виде районного регулирования стипендий и оплаты проезда к месту проживания/учебы;

- 6) ответственности работодателей за предоставление таких гарантий и компенсаций;

- совершенствование государственной системы мониторинга территориальных рынков труда и перспектив развития отраслей региональных экономик, обеспечивающей оперативный и всесторонний анализ ситуации в сфере рынка труда, занятости и безработицы, и позволяющей осуществлять актуализацию прогнозов региональных балансов трудовых ресурсов и обосновывать выбор наиболее эффективных мер государственного регулирования территориальных рынков труда;

- разработка и реализация мероприятий по повышению роли межорганизационного взаимодействия участников в сфере образования (органов государственной власти и органов местного самоуправления, работодателей, научно-исследовательских организаций и учреждений) и участников образовательных отношений (обучающихся и их родителей, педагогических работников и организаций, осуществляющих образовательную деятельность) для повышения эффективности системы подготовки кадров (в т.ч. на основе совершенствования федеральных государственных требований к профессиональным программам, образовательных стандартов и образовательных программ), активного вовлечения работодателей в процесс опережающей профессиональной подготовки и переподготовки работников и формирования осознанного выбора обучающимися индивидуальной траектории профессионального развития.

5.2. Предложения по развитию корпоративной социальной ответственности как фактора социальной устойчивости северных и арктических территорий РФ

Исследование практик корпоративной социальной ответственности на российском Севере и в Арктике показало, что крупнейшие нефтегазовые и другие компании, ведущие здесь свою деятельность, достигли высокого уровня КСО, и этот уровень сохраняется и в условиях сложной экономической ситуации.

Значение корпораций в плане обеспечения социальной устойчивости не исчерпывается тем, что они являются главными в уплате налогов и предоставлении рабочих мест на территориях присутствия. Компании формируют спрос на новую технику и оборудование, способствуя развитию и модернизации целых отраслей. Участие компаний в социальном развитии территорий присутствия значимо, и имеет широкий спектр. Это участие в развитии инфраструктуры образования, здравоохранения, спорта и туризма, формировании благоприятной городской и поселенческой среды. Компании финансируют программы и проекты, которые имеют долгосрочный эффект. Деятельность крупных компаний в сфере КСО является одним из важнейших факторов повышения уровня и качества жизни населения, достижения социальной устойчивости территорий Севера и Арктики РФ.

Предложения по развитию КСО, нефинансовой отчетности и Устойчивого развития российских корпораций структурированы по уровням управления.

На федеральном уровне предлагается:

- разработать законодательные меры по регулированию сферы КСО, нефинансовой отчетности, Устойчивого развития в соответствии с ЦУР-2030 («Цели устойчивого развития-2030»); ратифицировать Парижское соглашение по сокращению выбросов парниковых газов; при принятии стратегий, программ

развития страны и регионов, а также новых законодательных актов включать ЦУР-2030 в текст документов;

- разработать и осуществлять стратегию повышения осведомленности общества в вопросах развития КСО, устойчивого развития, нефинансовой отчетности, в том числе через государственные СМИ, через организацию форумов по экономической, социальной и экологической ответственности бизнеса и формам его взаимодействия с государством с целью интеграции КСО в публичное пространство;

- разработать стратегию стимулирования и поощрения компаний, реализующих программы КСО, устойчивого развития, нефинансовой отчетности на государственном уровне; органам государственного управления, организациям гражданского общества и СМИ организовывать диалоги в местах присутствия бизнеса по вопросам КСО, устойчивого развития, нефинансовой отчетности;

- содействовать росту образовательного уровня населения и предпринимательского сектора в вопросах КСО, устойчивого развития, формирования нефинансовой отчетности;

- рекомендовать финансовым институтам РФ учитывать данные нефинансовых отчетов компаний при предоставлении им кредитов и инвестиций;

- разработать и утвердить методики расчета ущерба исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера; определить обязательность и механизм проведения этнологической экспертизы, увязав данную процедуру с получением предприятием лицензии на промышленное освоение;

- разработать стратегию взаимоотношений коренных малочисленных народов и хозяйствующих субъектов, ведущих деятельность на территориях традиционного проживания; осуществить институционализацию взаимоотношений предпринимательских структур, гражданского общества и органов власти через создание специальных институтов развития.

На региональном и муниципальном уровнях:

- проведение форумов по устойчивому развитию регионов и муниципалитетов, с совместным определением экономических, социальных и экологически приоритетов развития при участии бизнеса в важнейших мероприятиях региональных и муниципальных администраций;

- участие региональных и муниципальных органов власти в мероприятиях бизнеса (диалоги по КСО) с целью выработки рекомендаций для бизнеса по развитию общественных программ; проведение мероприятий для развития межсекторного социального партнерства с участием власти, бизнеса и гражданского общества;

- создание условий для подключения НКО к реализации КСО и устойчивого развития для повышения их эффективности и гарантированной прозрачности расходования объединенных средств;

- рекомендовать компаниям, органам государственного и муниципального управления, организациям гражданского общества и СМИ активнее использовать позитивный опыт и экспертный потенциал для повышения осведомленности общества о КСО, устойчивом развитии и нефинансовой отчетности;

- обеспечить повышение эффективности участия градо-, бюджетообразующих и крупных фирм в социально-экономической жизни местных сообществ через институты КСО, Устойчивого развития, нефинансовой отчетности и государственно-частного партнерства;
- содействовать развитию волонтерства для решения местных социальных и экологических проблем на паритетных условиях с бизнесом;
- приведение региональной законодательной базы в соответствие с законодательством РФ и международными нормами, принятыми в отношении коренных сообществ, для создания механизмов реального обеспечения прав коренных народов Севера; обеспечение высокого уровня вовлечения представителей коренных народов в процессы принятия решений на всех уровнях; поддержка экономических инициатив представителей народов Севера, содействие деятельности родовых общин, национальных предприятий, факторий, этнотуристических проектов.

5.3. Рекомендации по использованию социологической информации в управлении социальными процессами на российском Севере и в Арктике

Целевая функция социологической информации — способствовать совершенствованию социального управления в процессах обеспечения устойчивого развития территории, в том числе Севера и Арктики России, — сегодня чаще декларируется, чем реализуется. Такая ситуация не обеспечивает эффективного использования содержательной составляющей социологического ресурса в управленческой деятельности.

Исходя из этого, в сфере усиления роли социологической информации в управлении социальными процессами на Севере и в Арктике РФ предлагается:

- в целях оперативного выявления динамики общественного мнения, формирования базы социологической информации и определения научно обоснованной картины социальной реальности рекомендуется регулярное проведение мониторинговых социологических опросов в северных и арктических регионах РФ с обязательным последующим использованием их результатов в управленческой деятельности.

Предлагаемый нами социологический мониторинг по значимым аспектам социальной жизни территориальных сообществ Севера и Арктики РФ обеспечит своевременность, объективность и сопоставимость социологической информации для разработки и корректировки системы проектов, планов и мероприятий, ориентированной на стабильность социального взаимодействия между субъектами социальной деятельности. Социологическое обследование — основа организованного диалога власти, населения, общественных организаций. Практика подготовки и реализации проектов показала, что успешность их реализации на местном и региональном уровне напрямую зависит от степени их поддержки населением. Население не только следует знакомить с готовыми проектами, программами, планами, но и привлекать к их разработке в рамках социального партнерства.

Основными направлениями совершенствования обеспечения исполнительной власти регионов социологической информацией могут быть

следующие: адаптация социологической информации к конкретным условиям управленческой деятельности через структурирование оценок и мнений населения и с учетом совокупности факторов регионального развития; использование форм социального контроля по применению социологического ресурса в государственном управлении в качестве канала обратной связи, в рамках диалога между населением и властью;

- целесообразно осуществлять организацию и проведение социологических мониторингов в рамках сотрудничества органов государственного управления с авторитетными научно-исследовательскими учреждениями в соответствии с принципом “заказчик-исполнитель” при организации долгосрочных проектов. Такой подход обеспечит своевременность, объективность и сопоставимость социологической информации, в отличие от псевдосоциологического, «удобного» для оценки власти, материала;

- для формирования целостного восприятия и понимания населением перспектив освоения российской Арктики, необходимо обеспечить более широкий доступ граждан к информации о деятельности органов государственной власти в сфере развития Арктической зоны РФ путем размещения актуальной информации о программах, планах нормативных актах и др. документах на официальных сайтах и в СМИ.

На уровне органов исполнительной власти и местного самоуправления важно создать эффективные механизмы, обеспечивающие обратную связь с населением (вебсайт, электронная почта, встречи с жителями и др.) по ключевым вопросам включения местных аспектов развития территорий в государственные программы освоения российского Севера и Арктики;

- в целях совершенствования социального управления в субъектах Арктической зоны РФ предлагается ежегодный выпуск социологического атласа, картографически отражающего состояние и тенденции социокультурных процессов в арктических регионах России. Это позволит обоснованно вносить коррективы в реализуемые программы и с большей точностью прогнозировать развитие отдельных регионов и АЗРФ в целом.

Социологическая информация в атласе должна отражать следующие аспекты социального благополучия населения арктических территорий РФ: оценки материального благосостояния; уровень удовлетворенности функционированием сфер здравоохранения, образования, ЖКХ, досуга (культура, спорт, искусство); оценки, характеризующие транспортную доступность, экологическую безопасность, охрану общественного порядка, состояние межнациональных отношений; оценки результативности деятельности власти на муниципальном и региональном уровнях;

- в целях повышения социальной устойчивости территорий Севера и Арктики РФ, на региональном уровне следует особо укреплять такие направления антитеррористической защищенности населения (помимо тех, которые профессионально реализуются силовыми структурами и надзорными органами) как:

- 1) просветительская работа с населением о необходимости знания правил поведения в условиях террористической ситуации, понимания вероятности ограничения отдельных прав и свобод в период проведения антитеррористических операций (например, необходимости контроля информационных потоков в период террористических ситуаций для снижения

уровня панических настроений и предотвращения утечек сведений об антитеррористических операциях);

2) исследование общественного мнения в различных слоях социума для формирования базы социологической информации, иллюстрирующей состояние социальных настроений по восприятию террористической угрозы с целью эффективного использования при выработке мер профилактики и противодействия терроризму.

Многие из предложенных в этой главе рекомендаций были направлены в органы государственной власти в 2015–2017 гг., включены в предложения ИЭП КНЦ РАН по проекту Федерального закона об Арктической зоне РФ и в резолюцию 5-го заседания Арктического экспертного клуба при НИУ ВШЭ и С(А)ФУ им. М. В. Ломоносова «Экспертиза проекта Федерального закона об Арктической зоне РФ»¹⁹⁴, в резолюцию международной конференции «Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения» в 2018 г. и в другие экспертные и рекомендательные документы.

---

¹⁹⁴Резолюция 5-го заседания Арктического экспертного клуба "Экспертиза проекта Федерального закона об Арктической зоне РФ". URL: <https://irsup.hse.ru/news/187265970.html> (дата обращения: 20.10.2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взявшись за работу по оценке социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики, мы испытали сложности, «с которыми сталкивались все, кто стремился воплотить всеобъемлющую идею устойчивого развития в набор критериев, которые были бы достаточно точны и операциональны»¹⁹⁵, чтобы судить о состоянии региональных социумов с точки зрения этого аспекта устойчивости.

Прежде всего, это были проблемы информационного обеспечения — неполная сопоставимость данных статистики из-за частичного отнесения территорий к районам Севера и к Арктической зоне, отсутствие сопоставимой социологической информации по регионам. Мы еще раз убедились в необходимости формирования единой базы данных по Северу и Арктике РФ — статистической и социологической.

Мы сосредоточились на оценке уровня «жесткой» социальной устойчивости, тесно связанной с качеством жизни населения и доступной для измерения статистическими (так называемыми «объективными») показателями. Была разработана и апробирована методика оценки социальной устойчивости регионов, основанная на расчете интегральных индексов уровня устойчивости и их сопоставлении со шкалой ее качественного состояния.

Методика не идеальна, но дает возможность диагностики социальной реальности, недоступной для прямого наблюдения. Она позволяет избежать ситуации, когда «за деревьями леса не видно», и получить общую картину состояния общества, «поднявшись» над большим числом разнородных показателей. С ее помощью можно измерять и сравнивать, вести исследования динамики социальной устойчивости регионов в пространстве и во времени, решая задачу мониторинга качественного состояния территориальных социумов. Она информирует о приближении социальных кризисов и дает ответ на вопрос, достаточно ли предпринимаемых мер, или нужны дополнительные усилия для достижения приемлемых уровней социальной устойчивости?

Предложенная методика дает возможность учесть специфику северных и арктических региональных социумов — прежде всего, оценить влияние расстояний и миграции на их социальную устойчивость. В конечном счете, ее применение в процессе управления позволяет сделать выбор практических приоритетов социальной политики на Севере и Арктике РФ более информированным и обоснованным.

Нами был рассчитан уровень и определена степень социальной устойчивости 16-ти регионов Севера и Арктики РФ за период 2013–2016 гг., оценена динамика социальной устойчивости территории Севера и Арктики РФ в целом. Были составлены рейтинги регионов и карты Севера и Арктики РФ по критерию социальной устойчивости.

Для учета северной и арктической специфики — большие расстояния, слабая транспортная доступность поселений при низкой обеспеченности

---

¹⁹⁵Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages-II. Nordic Council of Ministers, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A788965&dsid=-958> (дата обращения 17.06.2018).

необходимым комплексом объектов социальной инфраструктуры, исключительно важная роль миграционных процессов — предложен комплексный коэффициент территориальной и транспортной доступности услуг здравоохранения и образования, разработана методика расчета коэффициента внешней миграции.

Исследование показало, что в анализируемом периоде ни один из регионов Севера и Арктики РФ не обладал социальной устойчивостью. По интегральному индексу уровня социальной устойчивости за 2016 г. регионы относятся к двум группам из шести возможных: 1) имеющие признаки социальной устойчивости — 7 из 16 регионов, и 2) имеющие признаки социальной неустойчивости — 9 регионов.

При учете территориальной и транспортной доступности услуг здравоохранения и образования оценки социальной устойчивости заметно снижаются для всех регионов. Анализ, проведенный с учетом этих факторов, показал, что в исследуемом периоде число регионов, имеющих признаки социальной устойчивости, сократилось с 10 в 2013 г. до 7 в 2016 г. В 2016 г. к этой группе относились (по убыванию индекса): Ханты-Мансийский АО, Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО, Сахалинская область, Хабаровский и Красноярский края.

Ранжирование регионов по индексу уровня социальной устойчивости выявило, что лидерами являются Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО и Мурманская область – регионы, полностью входящие в Арктическую зону РФ.

Анализ индексов по отдельным составляющим — «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и образования», «качество городской среды», «уровень жизни», «демографическое развитие» — позволил сделать вывод, что для всех регионов Севера и Арктики РФ характерно несбалансированное развитие этих составляющих социальной устойчивости. Диспропорции проявляются при межрегиональных сравнениях и между уровнями устойчивости по ее составляющим в каждом регионе.

Типичным для регионов Севера и Арктики РФ является то, что относительно высокие уровни устойчивости по уровню жизни и, в некоторых регионах, по качеству городской среды, нивелируются низкими уровнями устойчивости по демографическому развитию, социальной инфраструктуре, уровню здоровья и образования. Это сильно снижает социальную устойчивость регионов в целом. Такая ситуация характерна даже для лидеров по устойчивости — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Единственное исключение в этом отношении составляет Мурманская область. Здесь, в обжитом регионе Арктики, все основные составляющие социальной устойчивости развиты относительно равномерно. Это дает региону хороший «запас прочности». Однако, даже занимая, например, по блоку «социальная инфраструктура» высокое 3 место, область имеет лишь признаки устойчивости в этой сфере.

Интегральный индекс уровня социальной устойчивости в целом для территории Севера и Арктики, рассчитанный с учетом веса численности населения, проживающего в каждом из регионов, снизился. Если в 2013 г. он составлял 0,526 и в 2014 г. возрос до 0,539, то затем стал снижаться — до 0,512 в 2015 г. и 0,498 в 2016 г.

Значение индекса, при котором появляются признаки социальной неустойчивости, равно 0,500. Интегральный индекс, рассчитанный для Севера и Арктики в целом, указывает на появление в 2016 г. признаков социальной неустойчивости этой территории.

Оценка уровня и степени социальной устойчивости позволила выявить пространственные (в разрезе регионов) и проблемные (с точки зрения остроты проблем, по составляющим социальной устойчивости) приоритеты ее достижения на Севере и в Арктике РФ.

Чтобы представить общую картину пространственных и проблемных приоритетов достижения социальной устойчивости на Севере и в Арктике РФ, мы применили принцип «сигнальных огней светофора».

Регионы с самым низким уровнем социальной устойчивости отнесены в «красную зону» — в них необходимы активные дополнительные меры социальной политики, направленные на повышение социальной устойчивости. По нашим оценкам, в «красную зону» пространственных приоритетов достижения социальной устойчивости попадают (по приоритетности): Республика Тыва, Архангельская область, Республика Карелия, Камчатский край, Чукотский АО, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Магаданская область.

Проблемы, по которым значения интегрального индекса в целом для Севера и Арктики указывают на области неустойчивости, отнесены к «красной зоне». В «красной зоне» проблемных приоритетов в целом для Севера и Арктики РФ находятся две проблемы — демографическое развитие и социальная инфраструктура. Ранжирование составляющих по уровню социальной устойчивости для каждого региона дает возможность определять приоритеты ее достижения в каждом регионе.

Исследование показало, что ни один регион российского Севера и Арктики не попадает в «зеленую зону» социальной устойчивости. Ни по одной из составляющих устойчивости значения индекса для всей территории Севера и Арктики не позволяют отнести ту или иную составляющую к «зеленой зоне», означающей благополучную ситуацию и отсутствие необходимости принятия дополнительных мер социальной политики. Это серьезные сигналы о необходимости повышения внимания к вопросам реализации социальной политики на всей территории российского Севера и Арктики.

На основе методов обобщения данных литературных источников и кейс-стади нами была изучена роль крупного сырьевого бизнеса, ведущего деятельность на Севере и в Арктике РФ, как движущей силы социально устойчивого развития этой территории. Через призму корпоративной социальной ответственности (КСО) мы показали, что деятельность ресурсного бизнеса является необходимым и, часто, ключевым фактором социальной устойчивости северных и арктических регионов РФ.

Добывающие компании во многих регионах российского Севера и Арктики являются основными работодателями, обеспечивают бюджеты всех уровней, формируют и поддерживают социальную инфраструктуру, благоприятную городскую и поселенческую среду. Компании финансируют программы и проекты с долгосрочными эффектами, вовлекают в орбиту социально ориентированной деятельности население. Это позитивно влияет на

качество жизни в регионах и муниципалитетах, дает импульс развитию гражданского общества и саморазвитию местных сообществ.

Есть ряд проблем и задач в развитии КСО на северных и арктических территориях РФ. На государственном уровне необходимо продолжение работы по разработке законодательных мер по регулированию сферы КСО, ориентации на принятые международные документы, в том числе, Цели устойчивого развития 2030. На уровне регионов и муниципалитетов частой проблемой является установление добросовестных отношений добывающих компаний с местными сообществами, в том числе, с коренными малочисленными народами Севера.

В условиях недостатка четких законодательных норм и правил по этому вопросу истинный диалог между компаниями и местными сообществами во многих случаях отсутствует. Нужно усилить работу по улучшению осведомленности общества в вопросах КСО, по вовлечению местных сообществ, коренных народов в процессы принятия решений, касающихся развития территорий, реализации социальных программ и межсекторного партнерства с участием власти, бизнеса и гражданского общества.

Социологическое изучение социальной устойчивости территориальных социумов Севера и Арктики РФ показало, что в теории социологический подход к пониманию и оценке социальной устойчивости ориентирован на повышение роли территориальных сообществ как основы устойчивости и на учет мнения населения (так называемых «субъективных оценок») при ее анализе. Также он нацелен на поиск механизмов общественного и управленческого консенсуса на основе учета мнения людей.

Исследование показало, что на российском Севере и в Арктике, как и в РФ в целом, структуры управления используют социологическую информацию ограниченно и формально, в основном, для проверки эффективности работы государственных органов власти. Сопоставимая социологическая информация по регионам отсутствует, что снижает степень информированности решений, принимаемых на государственном уровне в отношении Севера и Арктики.

Мы предлагаем регулярное проведение мониторинговых социологических опросов населения северных и арктических регионов РФ с обязательным использованием результатов в управленческой деятельности на всех уровнях. Опросы нужны для выявления динамики общественного мнения, формирования базы сопоставимой по регионам социологической информации, определения научно обоснованной картины реальности и уровней социальной устойчивости социумов Севера и Арктики РФ.

Для совершенствования социального управления в Арктической зоне РФ как в едином макрорегионе предлагаем ежегодный выпуск социологического атласа, отражающего, в том числе картографически, тенденции социокультурных процессов в арктических субъектах РФ. Это позволит обоснованно вносить коррективы в реализуемые программы и точнее прогнозировать динамику социальной устойчивости АЗРФ.

Анализ удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти на Севере и в Арктике РФ указал на то, что в последние годы в большинстве регионов растет поддержка населением региональных властей. Однако углубленное исследование на примере Мурманской области выявило, что, по мнению людей, на местах снижаются уровень жизни, качество и доступность здравоохранения, качество услуг ЖКХ, а работа на Севере и

в Арктике окончательно утратила материальные преимущества перед другими регионами РФ. Это значит, что субъективные оценки указывают на снижение уровней социальной устойчивости по отдельным составляющим.

Пилотный опрос жителей регионов российской Арктики показал, что население здесь имеет собственную ярко выраженную идентичность и устойчивые социальные связи и поэтому весьма настороженно относится к идее осваивать Арктику исключительно вахтовым способом. Люди надеются на развитие полноценной инфраструктуры в АЗРФ и на отношение государства к Арктике не как к сырьевому приращку, а как к центру экономического роста, генерирования новых идей и технологий, ориентированных на устойчивое социальное развитие. Мы убеждены, что точка зрения жителей этой территории должна быть принята во внимание на всех уровнях управления.

По результатам исследования нами разработан комплекс рекомендаций для органов государственной власти по формированию и реализации политики, направленной на повышение социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ. Многие из рекомендаций были включены в предложения ИЭП КНЦ РАН по проекту Федерального закона об Арктической зоне РФ, направлены в органы государственной власти.

Основная мысль, которую мы хотим донести до читателей этой книги, состоит в том, что сегодня крайне необходимо усилить внимание к вопросам достижения социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики, то есть к задачам формирования таких северных и арктических сообществ, где обеспечиваются высокие качество и уровень жизни, социальная справедливость и вовлеченность граждан в управление. Только так можно решить задачи освоения этих территорий и обеспечить их долгосрочное бескризисное развитие.

Социальная устойчивость северных и арктических территориальных социумов, будучи сегодня одной из самых актуальных тем в зарубежных исследованиях, почти не исследуется в российской науке. Мы предлагаем нашим ученым-регионалистам обратить внимание на эту перспективную с точки зрения научного поиска и исключительно важную по практической значимости область исследований.

Предлагаем и практикам заинтересоваться концепцией социальной устойчивости, так как она несет в себе большой потенциал для более эффективного управления освоением и развитием российского Севера и Арктики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверин А. Н. Социальные проблемы устойчивого развития России и её регионов // Экономика и управление. 2004. № 1. С. 20–27.
2. Артамонов А. Д. Формирование системы критериев эффективности государственного и муниципального управления : автореф. дис. ...д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. Д. Артамонов ; С.-Петербург. Гос. ун-т экономики и финансов. СПб., 2008. 35 с.
3. База проектов. URL: <http://www.pppi.ru/projects?region=57&etap=4> (дата обращения: 20.09.2017).
4. Башмакова Е. П. Корпоративная социальная ответственность: зарубежный и российский опыт государственного регулирования // Финансы и бизнес. 2014. № 3. С. 108–117.
5. Башмакова Е. П. Корпоративный сектор в социальном развитии арктических территорий. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н, проф. В. С. Селина, д.э.н., проф. Т. П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е. П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 325–336.
6. Башмакова Е. П. Развитие корпоративной социальной ответственности на северных и арктических территориях России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. С. 71–80.
7. Башмакова Е. П., Степанова Е. Н. Социальная ответственность корпораций // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2008. № 2(21). С. 3–7.
8. Башмакова Е. П., Степанова Е. Н. Социальная ответственность регионального бизнеса // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 1(22). С. 105–112.
9. Бизнес, экология, человек. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/c/8/c8f9aee1c6ba4e7f1dcd0eee49d3ec91.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).
10. Бурдые П. Социальные условия международной циркуляции идей. Социальное пространство: поля и практика. СПб.: Алетейя, 2005. 596 с.
11. Васильев В. В., Селин В. С. Анализ особенностей производства и жизнедеятельности человека на Севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 1(52). С. 17–25.
12. Виноградова С. Н., Маслобоев В. А. Добыча полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов Севера: особенности, проблемы, механизмы регулирования // Арктика: экология и экономика. 2015. № 2(18). С. 96–103.
13. Виттенберг Е. Я. Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве. М.: Изд. Центр российский гуманитар. Университет, 2011. 483 с.
14. Гайнанов Д. А., Кириллова С. А., Кантор О. Г. Социальный потенциал российской Арктики с позиций устойчивого развития // Российская Арктика: современная парадигма развития. СПб.: Нестор-История, 2014. 844 с.
15. Гасникова А. А., Чапаргина А. Н. Государственно-частное партнерство в северных регионах России // Наука Красноярья. 2017. Т. 6, № 2. С. 114–131.
16. Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 2005. 632 с.
17. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
18. Гмошинский В. Г., Флиорент Г. И. Теоретические основы инженерного прогнозирования. М.: Наука, 1973. С. 89–164.

19. Горшков М. К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика. Публ. лекция, г. Вологда, 20 июня 2014 г.
20. Государственно-частное партнерство: понятие и перспективы совершенствования законодательного регулирования. URL: <http://pppcenter.ru/ru/press-center/smi-o-centre/19032010> (дата обращения: 25.09.2017).
21. Гущина И. А., Иванова М. В., Кондратович Д. Л. Представления жителей Мурманской области о реализации и перспективах арктической политики РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5. С. 13–24.
22. Гущина И. А. Роль социологических исследований в изучении эффективности социального управления в муниципальном образовании // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 1. С. 31а–35.
23. Гущина И. А., Кондратович Д. Л., Положенцева О. А. Восприятие отдельных аспектов социально-экономического развития населением арктического региона (на примере Мурманской области) // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 122–134.
24. Гущина И. А., Кондратович Д. Л., Положенцева О. А., Яковчук А. А. Некоторые аспекты социальной адаптации населения арктического региона (по результатам социологических исследований в Мурманской области). ИТпортал, 2016. № 4 (12). URL: <http://itportal.ru/science/economy/nekotorye-aspekty-sotsialnoy-adapta/> (дата обращения 23.12.2016 г.).
25. Гущина И. А., Положенцева О. А. Некоторые аспекты социальной жизни в оценках и представлениях жителей российской Арктики (по материалам социологических опросов населения Мурманской области) // Арктика и Север. 2013. № 6. С. 94–100.
26. Гущина И. А., Положенцева О. А. Оценки материального благополучия жителей Мурманской области (по результатам социологических опросов населения Мурманской области 2013–2016 гг.). Тр. Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН / г. Апатиты. № 14. Изд.-во КНЦ РАН, 2017. С. 509–512.
27. Гущина И. А., Положенцева О. А. Результативность государственной социальной политики в представлениях жителей арктического региона. Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях. Сб. докл. Междунар. научн.-прак. конф. в 2 томах / г. Саратов, (28–30 декабря 2015 г.). Т. 2. Саратов, 2016. С. 65–68.
28. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. 346 с.
29. Дмитриевский Ю. Д., Ланцов В. А., Песоцкая Е. В. Ресурсный потенциал и типология малых и средних городов // Регионология. 1996. № 2. С. 121–128.
30. Доклад о развитии человека в Арктике (ДоРЧА). Головнёв. Екатеринбург; Салехард, 2007. 244 с. URL: http://ethnobs.ru/library/publications/_aview_b18301 (дата обращения: 13.06.2018).
31. Дядик В. В., Дядик Н. В. О роли корпоративной социальной ответственности крупного бизнеса в социально-экономическом развитии городов Севера России (на примере крупнейших горнодобывающих предприятий Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6. 86–94.

32. Закон Мурманской области от 22.12.2017 № 2216-01-ЗМО.
33. Замятина Н. Ю. Городская среда как фактор городского развития (сопоставление городов Губкинский и Муравленко, ЯНАО) // Городской альманах. 2012. № 5. С. 210–221.
34. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003. С. 568.
35. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
36. Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016-2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов». URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG2017_B5_Block_31-03-2017-web.pdf (дата обращения: 20.09.2017).
37. Итоги работы первого пленарного заседания Экспертного совета по вопросам законодательного обеспечения развития районов Крайнего Севера Государственной Думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/2101416/#photo1> (дата обращения 07.10.2018).
38. Как разрешить конфликты между нефтяниками и коренными северянами. URL: https://ecodelo.org/rossiyskaya_federaciya/uralskiy_fo/tyumenskaya_oblast/38868-kak_razreshit_konflikty_mezhdu (дата обращения: 12.10.2017).
39. Комплекс индексов корпоративной социальной ответственности и нефинансовой отчетности 2015 г. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/8/7/877d17fdb3ddfa872d510e30b47d22f1.pdf> (дата обращения 10.09.2018).
40. Кондратович Д. Л. Социальное восприятие реалий и перспектив социально-экономического развития арктических регионов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. № 10, том 1(58). С. 124–130.
41. Концепция развития публичной нефинансовой отчетности». Распоряжение Правительства РФ от 5 мая 2017 г. № 876-р. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
42. Коренные народы и промышленные компании: лучшие практики сотрудничества в Российской Федерации. URL: http://www.simdp.ru/uploads/files/Text_ru.pdf (дата обращения: 24.09.2017).
43. Корчак Е.А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни в северных регионах // ЭКО. 2016. № 3. С. 80–96.
44. Кох И. А. Институциональность социального управления // Известия Уральского ГУ. 2005. № 37. С. 175–267.
45. Красильникова М. О. О методике расчета индекса социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 23–30.
46. Ланцов В. А., Бабкина Л. Н., Песоцкая Е. В. Потенциал территории: экономический, социальный, экологический аспекты. СПб.: Изд-во СПб УЭФ, 1994. 145 с.
47. Ланцов В. А., Бабкина Л. Н., Песоцкая Е. В. Проблемы качественной и количественной оценки потенциала территории // Региональная экология. 1994. № 2. С. 12–17.
48. Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость: риски и императивы // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4. С. 29–42.
49. Леочи П. Качество жизни и устойчивое развитие // Экономические науки. 2012. № 5(90). С. 41.

50. Май В. Приватизация: обретение легитимности. 2009. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-03/7235-privatizatsiya-obretenie-legitimnosti> (дата обращения 07.09.2018).
51. На Мурманский транспортный узел не хватает денег. Новости 16.08.2017. URL: <http://severpost.ru/read/57235/> (дата обращения: 05.10.2017).
52. Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-10-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л.А.; отв. исполн.: Башмакова Е.П. [и др.]. Апатиты, 2013. 134 с. № ГР 01201359579.
53. Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-13-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Торопушина Е. Е. [и др.]. Апатиты, 2015. 124 с. № ГР 01201359579.
54. Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (промежуточ.): 3-13-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Башмакова Е. П. [и др.]. Апатиты, 2016. 172 с. № ГР 01201359579.
55. Научное обоснование государственной политики устойчивого социального развития российского Севера и Арктики как ключевого фактора реализации национальных интересов России. Отчет о НИР (заключит.): 3-10-2005. ФГБУН Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН; рук. Рябова Л. А., Гущина И. А.; отв. исполн.: Башмакова Е. П. [и др.]. Апатиты, 2017. 220 с. № ГР 01201359579.
56. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: Прогресс. 1989. 376 с.
57. Немировский В. Г., Немировская А. В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: изд-во Сибирский юридический институт МВД России, 2010. с. 263.
58. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и в ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2018. №1(29). С. 125–135.
59. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. 196 с.
60. Об окружном бюджете на 2017 г. и на плановый период 2018-2019 годов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444865430> (дата обращения 19.10.2018).
61. Олимпийский размер // Сибирская нефть. 2013. № 10 (107). С. 54–58.
62. Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу». URL: <http://government.ru/info/18359/http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html> (дата обращения 07.09.2018).
63. Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы Газпром. 2016. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/sustainability-report-2016-rus-1.pdf> (дата обращения 07.09.2017).

64. Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы компаний Лукойл, 2017 год. URL: <http://www.lukoil.ru/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/SustainabilityReport> (дата обращения: 20.09.2017).
65. Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы Лукойл за 2015-2016 годы. URL: <http://www.lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease?rid> (дата обращения 19.10.2018).
66. Отчет об устойчивом развитии «ФосАгро» 2016-2017. URL: <https://www.phosagro.ru/investors/reports/year/> (дата обращения: 07.09.2017).
67. Отчет об устойчивом развитии ПАО Газпромнефть. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/social/> (дата обращения: 21.08.2017).
68. Оценка населением деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/44891/>(дата обращения: 21.09.2017).
69. Парето В. Учебник политической экономии. М.: РИОР, 2017. 472 с.
70. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
71. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: УРСС, 2009. 542 с.
72. Плисецкий Е. Е., Зайков К. С., Малицкая Е. А. и др. Социально-экономические особенности развития Российской Арктики: региональный и муниципальный аспекты. Комплексная научно-образовательная экспедиция «Арктический плавучий университет – 2016», материалы экспедиции: КИРА, 2016. С. 104.
73. Поподько Г. И. Концепция управления социальной устойчивостью региональной экономической системы // Фундаментальные исследования. 2012. № 6. С. 511–515.
74. Постановление Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 (ред. от 09.12.2013 г.) «О распределении дотаций из федерального фонда финансовой поддержки субъектов РФ» (вместе с "Методикой распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации") // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
75. Постановление Совмина СССР от 03.01.1983 г. №12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).
76. При ФАНД появится совет по взаимодействию КМНС с промышленниками. URL: <http://nazaccent.ru/content/23287-pri-fadn-rouavitsya-sovet-po-zaimodejstviyu.html> (дата обращения: 12.10.2017).
77. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. М., 2013.354 с.
78. Программа «Социально-экономического развития АЗРФ на период до 2020 года. URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depOsobEcZone/201412263> (дата обращения 07.09.2018).
79. Проект Федерального закона "О развитии Арктической зоны Российской Федерации". URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).
80. Распоряжение Правительства Мурманской области от 29.12.2017 г. № 325-ПП.

81. Резолюция 5-го заседания Арктического экспертного клуба "Экспертиза проекта Федерального закона об Арктической зоне РФ". URL: <https://irsup.hse.ru/news/187265970.html> (дата обращения: 20.10.2018).
82. Рейтинг регионов по ГЧП. URL: <http://pppcenter.ru/proektyi-czentra/rejting-regionov-po-gchp.html> (дата обращения: 22.09.2017).
83. Рейтинг регионов России по уровню развития ГЧП. URL: <http://www.pppi.ru/regions?year=2016&region=all> (дата обращения: 15.09.2017).
84. Рейтинг регионов России по уровню развития ГЧП 2015–2016. URL: <http://www.pppi.dev.nologostudio.ru/regions> (дата обращения: 25.09.2017).
85. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения: 07.10.2018).
86. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, в отношении «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Организация Объединенных Наций. Женева, 2011. 47 с. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf (дата обращения: 18.09.2017).
87. Рябова Л. А. Концепция устойчивого развития и формирование социальной политики в местных сообществах Севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 27. С. 155–163.
88. Рябова Л. А. Социально устойчивое развитие и отражение его идей в концептуальных и институциональных основаниях государственной политики на Севере и в Арктике РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 41. С. 56а–61.
89. Рябова Л. А., Дидык В. В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 3. С. 61–82.
90. Рябова Л. А., Дидык В. В., Корчак Е. А., Башмакова Е. П., Емельянова Е. Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2013. № 3. С. 34–50.
91. Рябова (Коваленко) Л. А. Планирование социальной инфраструктуры региона (на материалах Мурманской области): автореф. дис. ...к-та экон. наук: 08.00.25 / Л. А. Коваленко; Ленинград, Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского. Ленинград, 1989 г. 24 с.
92. Рябова Л. А., Торопушина Е. Е., Корчак Е. А., Тоичкина В. П., Новикова Н. А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В. С. Селина, д.э.н., проф. Т. П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е. П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276–294.

93. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / Под научной редакцией В. С. Селина, Т. П. Скуфьиной, Е. П. Башмаковой, Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 356–362.
94. Седых Н. С. Терроризм как социальное явление // Наука и общество: материалы междунар. науч. - техн. конф. Днепропетровск, 2005. Т. 67.
95. Селигмен А. Проблема доверия. М: Идея-Пресс, 2002. 200 с.
96. Селин В. С. Современные экономические тенденции северных и арктических регионов России // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 65–68.
97. Соглашение о социально-экономическом партнерстве Правительства Мурманской области и группы ФОСАГРО. URL: <http://www.kirovsk.ru/> (дата обращения 15.10.2017).
98. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
99. Социальные программы компаний. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/e/3/e3008b95ad34520997c666fa8faa5d0d.pdf> (дата обращения: 15.10.2018).
100. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения 07.09.2018).
101. Тоичкина В. П. От диагностики устойчивости к определению проблем демографической сферы Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2009. № 22. С. 119а–123.
102. Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости рождаемости в регионах Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 4(47). С. 37–44.
103. Тоичкина В. П. Тенденции в изменении уровня устойчивости процессов воспроизводства населения в регионах российской Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 359–365.
104. Тоичкина В. П. Институциональные условия обеспечения демографической устойчивости регионов Севера и Арктики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 3, № 12. С. 12–18.
105. Торопушина Е. Е. Методические подходы к оценке уровня развития социальной инфраструктуры регионов Севера и Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 4(60). С. 101–111.
106. Торопушина Е. Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики России // ЭКО. 2016. № 6(504). С. 99–108.
107. Торопушина Е. Е. Социальная инфраструктура городов с монопрофильным и диверсифицированным типом экономического развития: арктический регион // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2016: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2016. С. 365–371.
108. Торопушина Е. Е. Социальная инфраструктура как фактор саморазвития территории российской Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2018: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2018. С. 71–72.

109. Торопушина Е. Е. Тенденции развития социальной инфраструктуры в регионах Арктики России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4(41). С. 78а–84.
110. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения 07.09.2018).
111. Ульченко М. В. Анализ экономической безопасности европейской части севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 43. С. 59–64.
112. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: изд-во ИСЭРТ РАН, 2009. 55 с.
113. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С. Методический инструментарий оценки демографической устойчивости северных регионов России // Экономическая наука сегодня. 2018. № 7. С. 151–164.
114. Филиппов А. Терроризм как фактор, тормозящий развитие современного общества. URL: <https://sibac.info/conf/social/xxxvii/38383> (дата обращения: 11.03.2017 г.).
115. Цели в области устойчивого развития. ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 11.10.2018).
116. Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России: Аналитический доклад. М.: Институт экономики РАН, национальный инвестиционный совет, 2006. С. 14.
117. Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. 385 с.
118. Шмалый О. В. Административно-правовые средства обеспечения эффективности деятельности исполнительной власти. М.: Медиа-Вак, 2010. 18 с.
119. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005. 664 с.
120. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_22/Main.htm (дата обращения: 16.06.2018).
121. Ямальские нефтяники открыли два новых спортивных центра в Ноябрьске и Муравленко. URL: https://www.znak.com/2015-12-17/yamalskie_neftyanyiki_otkryli_dva_novyh_sportivnyh_centra_v_noyabrsk_e_i_muravlenko (дата обращения: 21.09.2017).
122. Arctic Human Development Report. AHDR (Arctic Human Development Report) 2004. Akureyri: Stefansson Arctic Institute. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/636?show=full> (дата обращения 07.09.2018).
123. Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages-II. Nordic Council of Ministers, 2014. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A788965&dswid=-958> (дата обращения 17.06.2018).
124. Arctic PIRE – Promoting Urban Sustainability in the Arctic. URL: <http://grantome.com/grant/NSF/IIA-1545913> (дата обращения: 20.06.2018).
125. Arctic Pollution Issues: A State of the Arctic Environment Report // AMAP, 1997. Arctic Pollution Issues: A State of the Arctic Environment Report. Arctic monitoring and Assessment Programme (AMAP), Oslo, Norway. xii+188 pp. (дата обращения 07.09.2018).

126. Arctic Social Indicators - a follow-up to the Arctic Human Development Report. Nordic Council of Ministers, Copenhagen, 2010. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/39> (дата обращения: 13.06.2018).
127. Arctic Social Indicators – ASI-II: Implementation. Nordic Council of Ministers, Copenhagen, 2014. URL: <http://sdwg.org/wp-content/uploads/2015/02/ASI-II.pdf> (дата обращения: 13.06.2018).
128. Arctic Sustainability Research: Agenda 2025. A White Paper for the International Conference for Arctic Research Planning ICARP III. URL: http://icarp.iasc.info/images/articles/Themes/WP_Summary_Sustainability_science_ICARP3_draft1.pdf (дата обращения: 11.07.2018).
129. Bashmakova E., Ivanova L. Social Responsibility of Russian Companies Operating on the Arctic Territories (Russian). SPE Arctic and Extreme Environments Technical Conference and Exhibition, 15–17 October, Moscow, Russia, 2013. – URL: https://www.onepetro.org/conference-paper/SPE-166962-RU?sort=&start=0&q=SPE-166898RU&from_year=&peer_reviewed=&published_between=&fromSearchResults=true&to_year=&rows=10&_ga=2.227133083.700744614.1549360841-82121057.1549360841 (дата обращения: 10.09.2018).
130. Carroll A. B. The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // *Business Horizons*. 1991. Vol. 34. No. 4. P. 39–48.
131. Carroll A. B. Three-Dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // *Academy of Management Review* – 1979. Vol. 4. No. 4. P. 497–505.
132. Colantonio A. Social sustainability: a review and critique of traditional versus emerging themes and assessment methods. Oxford Brookes University. UK. 2009. In: Horner M., Price A., Bebbington J. and Emmanuel R., (eds.) SUE-Mot Conference 2009: Second International Conference on Whole Life Urban Sustainability and its Assessment: conference proceedings. Loughborough University, Loughborough, pp. 865-885. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/35867/> (дата обращения: 11.06.2018).
133. Drexhage J. and Murphy D., 2010. Sustainable Development: From Brundtland to Rio 2012. International Institute for Sustainable Development (IISD). September 2010, United Nations Headquarters, New York. URL: http://www.surdurulebilirkalkinma.gov.tr/wp-content/uploads/2016/06/Background_on_Sustainable_Development.pdf (дата обращения: 14.10.2018).
134. Elkington J. *Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of Twenty-First Century Business*. Capstone, 1997. Oxford.
135. Feil A. A., Schreiber D. Sustainability and sustainable development: unraveling overlays and scope of their meanings. *CADERNOS EBAPE.BR*. URL: http://www.scielo.br/pdf/cebape/v15n3/en_1679-3951-cebape-15-03-00667.pdf (дата обращения: 11.06.2018).
136. Funding opportunities. NSF Arctic-FROST Annual Network Meeting and Early Career Scholars Workshop. URL: <http://uni.edu/arctic/frost/funding-oportunities/> (дата обращения: 13.06.2018).
137. Jacobsen R.B., Delaney A.E. When social sustainability becomes politics – perspectives from Greenlandic fisheries governance // *Maritime Studies* – 2014. Vol. 13. No. 6. URL: <https://maritimestudiesjournal.springeropen.com/articles/10.1186/2212-9790-13-6> (дата обращения: 11.06.2018).

138. Land K. Models and indicators // *Social Forces* – 2001. 80(2). P. 381–410.
139. Lazarsfeld P., Rosenberg M. The language of social research. N. Y., 1969.
140. Lempinen H. Sustainability and the Social: Platforms for tracing the elusive social in energy-related debates. In Northern Research Forum 7th Open Assembly Conference Proceedings. Northern Research Forum. URL: <http://www.rha.is/static/files/NRF/Publications/hannalempinen.pdf> (дата обращения 13.06.2018).
141. Lipponen P. A Strategic Vision for the North: Finland's prospects for economic growth in the Arctic region // Published by: Confederation of Finnish Industries EK P.O.Box 30 (Eteläranta 10), 00131 Helsinki, Finland.
142. Missimer M., Robèrt K., Broman G. and Sverdrup H. Exploring the possibility of a systematic and generic approach to social sustainability // *Journal of Cleaner Production* – 2010. No. 18. P. 1107–1112.
143. Northern Research Forum 7th Open Assembly Conference Proceedings. Northern Research Forum. URL: <http://www.rha.is/static/files/NRF/Publications/hannalempinen.pdf> (дата обращения 13.06.2018).
144. Northern Sustainabilities. Keynote Presentations and Other Highlights from the Eighth International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS VIII). Prince George, Canada. 2014. Ed. by G. Fondahl and G. N. Wilson. *Topics in Arctic Social Sciences, Volume 8, 2014*. URL: <http://iassa.org/images/publications/TASS-8-edit.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).
145. Petrov A. N., BurnSilver S., Chapin F. S., Fondahl, G., Graybill J., Keil K., Nilsson A. E., Riedlsperger R., Schweitzer P. *Arctic sustainability research: past, present and future*. Taylor and Francis. 2017.
146. Porter M., Kramer M. The Competitive Advantage of Corporate Philanthropy // *Harvard Business Review* – 2002. Vol. 80. No. 12. P. 56–68.
147. Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // *Harvard Business Review* – 2006. Vol. 84. No. 12. P. 78–92.
148. Porter M., Kramer M. Creating Shared Value: How to Reinvent Capitalism — and Unleash a Wave of Innovation and Growth // *Harvard Business Review* – 2011. Vol. 89. P. 62–77.
149. Stiglits J. E.; Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Comission+report> (дата обращения: 12.09.2018).
150. Suorajärvi L., Poelzer G.A., Eidemo T., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia // *Resources Policy* – 2016. Vol. 47. Pp. 61–68.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИМ. Г.П. ЛУЗИНА –
ОБОСОБЛЕННОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ФГБУН
ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
«КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
РОССИЯ, 184209, Мурманская область, г.Апатиты, ул.Ферсмана, 24а

ISBN 978-5-91137-384-9

9 785911 373849

РИО
КНЦ
naukaprint.ru